

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 3 • Том 16 • 2023 •
ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 3 • Volum 16 • 2023 •
JULY – SEPTEMBER

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкурлов Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кёён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Хараидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovsky, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr Sc (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Eleferios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia);

Nina B. Isolahiti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Roman A. Matasov, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mikhail N. Marusenko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Теория перевода и локализации

Арищенко С.И. Особенности разработки видеоигр и оценка их влияния на локализацию 7

Теория художественного перевода

Бойко Б.Л., Копылова И.Ю. Переводы пьесы А.П. Чехова «Вишнёвый сад» на немецкий язык (сопоставительный анализ) 22

Кочетков П.В. Поэзия С. Малларме на русском языке и проблемы перевода 39

Лингвистические аспекты перевода

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета как ключ к пониманию и переводу образной структуры художественного текста. 52

Маджид Эстири. Дистанционные дифференции между объектом и локумом при предлогах *у, около, при* и *под* в сопоставлении с их персидскими коррелятами 72

Саиди Али, Искандари Махнуш. Особенности перевода гендерных местоимений с русского языка на персидский язык (на материале перевода пьесы «Вишнёвый сад» А.П. Чехова на персидский язык Симин Данешвар) 92

Вопросы терминологии

Ван До. Перевод на русский язык термина «人才» на основе транслитерации — на материале публикаций Си Цзиньпина «О государственном управлении IV» 104

Хроника научной жизни

Зигмантович Д.С. XIII Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» 125

Алевич А.В., Воложанин И.Н., Воюцкая А.А., Зигмантович Д.С., Мешкова Е.М. Теория, история и методология перевода на юбилейной XXX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» в Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова. 131

«Ломоносовские чтения 2023» в Высшей школе перевода МГУ 134

CONTENTS

Theory of Translation and Localization

- Arishchenko S.I.* Video game development features and assessment of their impact on localization 7

Theory of Literary Translation

- Boyko B.L., Kopylova I.Y.* Translations of Anton Chekhov's play "The Cherry Orchard" into German: a comparative analysis. 22
- Kochetkov P.V.* Stéphane Mallarmé's poetry in Russian and translation issues. 39

Linguistic Aspects of Translation

- Kulpina V.G.* Linguistics of color as a key to understanding the figurative structure of a literary text 52
- Majid Estiri.* Distance differences between the object and the locum in the prepositions *у, около, при* and *под* in comparison with their Persian correlates 72
- Saeidi Ali, Iskandary Mahnush.* Translation of gender pronouns from Russian into Persian: a case study of the translation of the play "The Cherry Orchard" by Anton Chekhov into Persian by Simin Daneshvar. 92

Terminology Issues

- Wang Duo.* The translation of the term "人才" into Russian based on transknowledgeology: Xi Jinping's publication "The governance of China IV" 104

Chronicles of Scientific Life

- Zigmantovich D.S.* The 13th international scientific conference "The Russian Language and Culture as Reflected in Translation" 125
- Alevich A.V., Volozhanin I.N., Voyutskaya A.A., Zigmantovich D.S., Meshkova E.M.* Theory, history and methodology of translation at the 30th jubilee International scientific conference of students, postgraduates and young scientists at the Higher School for Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University 131
- Lomonosov Readings 2023 at the Higher School of Translation and Interpreting 134

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ЛОКАЛИЗАЦИИ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-7-21

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ ВИДЕОИГР И ОЦЕНКА ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЛОКАЛИЗАЦИЮ

Арищенко Станислав Игоревич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: lilaysisstanislav@yahoo.com

Аннотация. Проблема несовершенства сценарной и иных составляющих в различных продуктах сферы цифровых развлечений в настоящее время часто становится объектом исследования учёных, представляющих сферу научных интересов различных дисциплин. Основное внимание данной статьи сконцентрировано на локализации продуктов масс-медиа. Качество финального локализованного игрового продукта зависит от множества факторов, среди которых и так называемые игровые условности. Под игровыми условностями понимаются различного рода особенности разработки видеоигр, встреча с которыми может оказывать на игрока различное эмоциональное влияние. В качестве материала для настоящего исследования были выбраны тексты следующих видеоигр: Final Fantasy Chrystal Chronicles, Spider-Man и GTA: San Andreas. Как показало исследование, наиболее распространённым приёмом нейтрализации «сюжетных дыр» и других игровых условностей, обнаруженных игроками и не замеченных разработчиками, является сценарная корректировка. Внесение изменений в сценарий видеоигры позволяет с минимальными трудозатратами и материальными инвестициями свести к минимуму негативный эмоциональный эффект, оказываемый на игрока по мере продвижения по игровому процессу. Помимо внесения сценарных корректировок применяется также и переход между семиотическими системами, осуществляемый с помощью средств 3D-графики. В итоге были выявлены и сформулированы пути нейтрализации негативного влияния игровых условностей на игроков. Материалы и примеры, приведённые в данном исследовании, могут быть использованы в практической деятельности

переводчиков сферы цифровых развлечений и начинающих специалистов по локализации видеоигр, а также на занятиях у студентов лингвистических специальностей, изучающих основы локализации программных продуктов.

Ключевые слова: разработка видеоигр, локализация видеоигр, игровой сеттинг, игровой сценарий, переводческие стратегии, субтитрование

Для цитирования: *Арищенко С.И.* Особенности разработки видеоигр и оценка их влияния на локализацию // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 3. С. 7–21. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-7-21

Статья поступила в редакцию 23.03.2023;
одобрена после рецензирования 15.11.2023;
принята к публикации 25.11.2023.

VIDEO GAME DEVELOPMENT FEATURES AND ASSESSMENT OF THEIR IMPACT ON LOCALIZATION

Stanislav I. Arishchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: lilaysisstanislav@yahoo.com

Abstract. The problem of inconsistency of the scenario and other soft- and hardware aspects of various digital entertainment products is becoming more and more popular among the scholars from various scientific areas. The main aim of this paper is analyzing the localization issues of mass-media products as well as videogame localization. The quality of an in-game experience of a localized videogame depends on a variety of factors and the most significant of them are the so-called gameplay issues. Under the term “gameplay issues” gamers and researchers often understand the features of videogame development. Facing these features could trigger different emotional reactions among the players. As a material for this paper several in-game textual materials have been chosen, viz.: Final Fantasy Chrystal Chronicles, Spider-Man and GTA: San Andreas. As the research has shown, the most usable and suitable technique for neutralizing the negative influence to the gamers caused by gameplay issues is the correction of the videogame scenario. Thus developers and localization specialists can minimize all negative influence in a fast and cheap way. However,

---

© Arishchenko S.I, 2023

scenario correction is not the only technique used during the development and localization processes of a videogame's lifecycle. Here could also be mentioned another way to avoid negative emotional reactions: intersemiotic transferring. By using the toolkit of 3D visualization software a wide variety of gameplay issues could be neutralized. This technique shows itself at its best when it comes to censorship issues. In conclusion, several ways of neutralizing the negative effect of the gameplay issues have been discovered and formulated. The materials and examples mentioned in this paper could be applied in the industrial practice of the digital media localization specialists as well as used by beginners in the field of localization. Moreover, this paper could be of help to students looking for scientific information about the highly specialized translation practices.

Keywords: videogame development, videogame localization, videogame setting, scenario, translation strategies, subtitling

For citation: *Arishchenko S.I. (2023) Video game development features and assessment of their impact on localization. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 7–21. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-7-21*

This article was submitted on March 23, 2023;
approved after reviewing on September November 15, 2023;
accepted for publication on November 25, 2023.

Введение

Видеоигры, сущность которых заложена в двух концептах — концепте продукта и концепте произведения искусства, преподносят игрокам и исследователям индустрии значительные объёмы материала, представляющего определённый интерес. Говоря о локализации видеоигр, важно уделить внимание такому разделу, как игровые условности. Под игровыми условностями подразумевается широкий спектр действий разработчика, с помощью которых достигается финальная точка игрового процесса — окончание игры. Игровые условности имеют под собой разное основание, однако, среди многообразия причин, вызвавших появление тех или иных условностей можно выделить основные категории:

- Несовершенство программной составляющей
- Несовершенство аппаратной составляющей
- Сценарные особенности
- Малый бюджет
- Низкая квалификация персонала в фирме разработчика или в фирме локализатора

Каждая из описанных выше категорий, обуславливается конкретными действиями разработчика, оказывающими непосредственное влияние на игровые условности, задействованными для усложнения или облегчения продвижения игрока по сюжету. С одной стороны, для локализаторов игровые условности представляют интерес, но с другой стороны содержат в себе множество трудностей, для решения которых может не хватить семиотической системы естественных языков (Якобсон, 1978: 16). Интерес представляют подходы локализаторов к адаптации тех или иных игровых условностей, и их передача между версиями видеоигры на различных языках. Любая игровая условность для локализатора представляется вызовом, требующим зачастую нестандартного подхода к его разрешению (Гарбовский, 2015: 4–5). Существует несколько основных подходов к адаптации игровых условностей разработчиками и локализаторами:

- Корректировка сценария
- Использование уточнений и примечаний
- Переход между семиотическими системами
- Творчество фанатов видеоигр

О последнем пункте в данной классификации необходимо упомянуть отдельно, т.к. официальные локализации для видеоигр на некоторых языках не всегда доступны, и единственным источником таковых становится фанатская база какого-либо игрового проекта.

Подходы к нейтрализации игровых условностей

Основным же подходом локализаторов к тем или иным игровым условностям являются различного рода сценарные корректировки. Внесение изменений в сценарий видеоигры с целью объяснения или раскрытия какой-либо игровой условности представляется как разработчику, так и локализатору, методом наименьшего сопротивления. Причём вносятся подобные изменения уже в апостериорном порядке, после запуска видеоигры на рынок и после полного прохождения игроками. Именно с помощью игроков разработчик, а вместе с ним и остальные участники процесса создания видеоигры узнают, что в сюжете видеоигры существует так называемая «дыра», которую нужно срочно закрыть, либо объяснить, откуда она взялась, и не является ли она, своего рода, отличительной особенностью данной видеоигры, либо данного разработчика. «Сюжетные дыры», с одной стороны, могут быть явными, а могут быть скрытыми или неявными при первом прохождении, с другой. В случаях с явными «сюжетными дырами» достаточно краткого

объяснения от разработчика, и внесения изменений в сценарную часть игры, посредством включения данного объяснения в игровой мир. Видеоигра, в отличие от кино или книги, даже после своего непосредственного релиза не является законченным продуктом по своей сути, а поддержка разработчиками своего продукта может продолжаться долгое время. Поэтому внесение изменений в сюжет в случае явной «сюжетной дыры» не представляет особых сложностей для локализаторов и разработчика, и та история, которую хочет рассказать сценарий видеоигры, не рассыпается даже при наличии «сюжетной дыры», а саму видеоигру не придётся переделывать с нуля. Неявные же «сюжетные дыры» таят в себе множество подводных камней для разработчика и для локализатора, т.к. ни разработчик, ни локализатор могут даже о них не догадываться. О подобных «сюжетных дырах» могут не догадываться и сами игроки, которым предстоит продвигаться по игровому процессу. Сценарные просчёты такого рода пусть и скрыты от многих глаз, однако находятся особо искушённые игроки, которые, в итоге, смогут их обнаружить и сообщить общественности. При разрешении подобных просчётов в сценарии возникает следующий вопрос: «Кто должен взять на себя ответственность за исправление этих просчётов?» С одной стороны, если подобный просчёт раскроется на этапе анализа текстового материала перед локализацией видеоигры на одном из языков, то ответственность за корректировку должен взять на себя локализатор, как первое лицо, обнаружившее «сюжетную дыру». С другой стороны, без прямого указания разработчика, являющегося непосредственным заказчиком этой локализации, вносить изменения в сюжет запрещается, т.к. различия в версиях видеоигры на разных языках строго регламентированы. В то же время с точки зрения разработчика, отвечающего за программную составляющую видеоигры, можно придерживаться парадигмы о том, что «если в видеоигре не существует видимых и неустраняемых ограничений для продвижения по игровому процессу, и достижения его окончательной цели, то видеоигра готова к выходу в свободную продажу». Следующим, не менее часто используемым, подходом локализаторов к адаптации игровых условностей выступает использование уточнений и примечаний. При анализе данного подхода необходимо сделать акцент на типе игровых условностей, для которых справедлив этот подход. Совокупность действий по уточнению и примечанию при появлении игровых условностей является чисто лингвистической, поэтому данный подход представляет особый интерес для исследования. Уточнения и

примечания, применяемые локализаторами, зачастую появляются в виде субтитров внизу экрана, когда игрок встречается с чем-либо, о чём он может быть не осведомлён. Так, говоря о субтитрах, необходимо принять во внимание тот факт, что посредством субтитрования не представляется возможным уточнить и объяснить весь спектр игровых условностей, а это, в свою очередь, означает, что данный подход используется в нише игровых условностей, имеющих языковой базис. К примеру, разработчиком предусмотрено использование определённого вида лексики, характерной для конкретной временной эпохи, проще говоря, архаичной лексики. Хотя использование архаичной лексики и должно быть учтено в руководстве по стилю, она может не появляться в речи персонажей и не быть частью видеоигрового сеттинга, а, к примеру, быть частью некоторых игровых зон (локаций). Рассмотрим краткий пример, иллюстрирующий использование уточнений в субтитрах.

Предположим, что подконтрольный игроку персонаж, прибывает на корабле в морской порт, расположенный в игровой локации, являющейся оммажем на все порты Юго-Восточной Азии. Временной отрезок, в который происходят данные события, предположим, XXII век. Сойдя с корабля, первое, что попадается на глаза игроку — это бар на пристани. Так, в данной локации встречаются характерные черты всех азиатских стран, в т.ч. и национальные языки: корейский, китайский, японский, вьетнамский и др. Естественно, под влиянием прошедших лет, языки прошли долгий путь эволюции, и многие лексические единицы стёрлись из памяти поколений. Отсюда, бар, который увидел игрок, носит название «Ситибукай». Наводя мышью камеру на яркую неоновую вывеску бара «Ситибукай», игрок может увидеть следующую цепочку субтитров:

Линия 1: Бар «Ситибукай» (яп. 七武海 — *Shichibukai*, семь воинов моря — *досл. рус.*).

Линия 2: Ситибукаями во вселенной One Piece называли семь сильных пиратов, приглашённых на службу правительству для борьбы с другими пиратами (Fandom, 2009).

Линия 3: Непереведённое «Ситибукай», которое часто встречается в переводах фанатов и самого фэндома, является японским термином, созданным Одой, который буквально означает «Семь Военных Офицеров (моря)», когда переводится непосредственно на английский язык (Там же, 2009).

Несмотря на некоторую оторванность от видеоигрового контекста 2-й и 3-й линий субтитров, они указывают на происхож-

дение термина «Ситибукай» и вселенную, из которой он был взят, тем самым показывая игроку на аллюзию, воссозданную разработчиком в процессе работы над визуальным окружением видеоигры. Данный пример иллюстрирует, как с помощью субтитрирования можно уточнить игровую условность, имеющую в своём базисе лингвистическую составляющую. Подобный способ нейтрализации игровых условностей может быть применён при локализации текстовых материалов видеоигр, использующих различную стилистически окрашенную лексику.

Наиболее редким и сложным принципом адаптации игровых условностей служит переход между семиотическими системами. (Якобсон, 1978: 17–18). Существуют разновидности игровых условностей, для адаптации которых недостаточно мощностей знаковой системы языка. Обычно к этим игровым условностям относятся те, что упоминаются в первых двух пунктах приведённой во введении классификации. К примеру, с помощью субтитрирования не представляется возможным описать, почему разрешение экрана в видеоигре именно 640 × 480 пикселей, а не любое другое.

Примеры игровых условностей и путей их преодоления в локализации.

Final Fantasy Chrystal Chronicles и насильственный кооперативный гейминг

Нередки случаи, когда разработчику требуется продукт определённого жанра, заточенный под конкретную игровую платформу или под конкретный тип игрового процесса. Именно к таким продуктам может быть отнесена видеоигра Final Fantasy Chrystal Chronicles для игровой платформы Nintendo GameCube. Сама философия игровой консоли от Nintendo подразумевала упор на кооперативное взаимодействие между несколькими игроками. Наличие 4 портов под геймпады и возможность подключения к интернету позволяло игрокам практически всегда оставаться в игре. Final Fantasy Chrystal Chronicles — видеоигра в жанре Action-RPG или боевика с ролевыми элементами. Игроку подконтролен отряд из 4 персонажей, которым и предстоит продвигаться по игровому сюжету. Сюжет строится вокруг вымышленного мира, окружённого убивающим всё живое газом — «миазмом». Деревни и другие поселения защищаются от «миазма» с помощью особых волшебных кристаллов, но волшебная сила кристаллов не бесконечна, а постепенно расходуется. Когда у кристалла иссякает сила, каждая деревня собирает отряд из жителей и отправляет его на поиски

«мирры» — особой жидкой субстанции, способной наполнять кристаллы волшебной силой. Учитывая фокус этой видеоигры на кооперативную составляющую, персонажами могут управлять и 4 разных игрока, играющих с одной приставки. Почему же кооперативный игровой процесс Final Fantasy Chrystal Chronicles можно считать насильственным? (YouTube, 2022). Всё дело в нарочитом желании разработчиков погрузить игрока в кооператив, создавая игровую условность, вокруг которой целиком строится сюжет игры. Говоря о видах игровых условностей, данную можно отнести к особенностям программной составляющей. Таким образом, самим разработчиком в коде видеоигры указаны параметры, при которых персонаж погибнет, выйдя за пределы защитного купола своего отряда. Игроков программно заставляют держаться как можно ближе друг к другу и не разбредаться по игровому миру в одиночку, иначе они просто погибнут от «миазма». Как следует из краткого описания сюжета видеоигры, игровая условность, а именно газ «миазм», является базисом, вокруг которой сюжет и выстраивается. При локализации данная игровая условность описывается с помощью сценария видеоигры, т.е. исключительно лингвистически. Игрок, слушая (или читая субтитры на экране) других персонажей, изучая внутриигровые книги и проходя сюжетные задания, постепенно понимает, что происходит в мире видеоигры и как в этом мире существовать. В итоге проиллюстрированный пример показывает, каким образом особенность игровой составляющей может быть нейтрализована средствами языка без вмешательства в код видеоигры и без исправлений визуальной составляющей.

Spider-Man и газ Доктора Осьминога

Возвращаясь к теме игровых условностей, связанных с применением ядовитых газов, ограничивающих игрока, необходимо осветить ещё одну видеоигру — Spider-Man. Несмотря на некоторую схожесть с первым примером, приведённым в данном параграфе, игровые условности, представленные в этой видеоигре, необходимо относить к другим видам. При схожем подходе к использованию газа, как ограничителя для игрока при продвижении по игровому сюжету, его использование обуславливается не программной составляющей видеоигры, а аппаратной, вкуче с малым бюджетом разработчика. Видеоигра Spider-Man вышла на рынок в 2000 году, а основной платформой её распространения стала видеоигровая система Sony Playstation. Мощности центрального и графического процессоров игровой приставки Sony Playstation

не хватало для воспроизведения города Нью-Йорк в полном размере, кроме того, вносил свои коррективы и относительно малый бюджет разработчика Neversoft (YouTube, 2022). Поэтому разработчиком было принято решение сконцентрироваться на игровом процессе, проходящим в помещениях и на крышах небоскрёбов, а улицы, людей и автомобили скрыли под ядовитым газом, который выпускал доктор Отто Октавиус, подготавливая землю к вторжению симбионтов. Таким образом, данная игровая условность, которая имеет под собой базис в виде малого бюджета разработчика и несовершенства аппаратной составляющей у игровой системы Sony Playstation описывается сценарием видеоигры, не являясь при этом основой видеоигрового сюжета. Необходимо так же отметить о наличии сценарного просчёта, который может ввести игроков в заблуждение при прохождении видеоигры. Газ, который выпущен на улицы Нью-Йорка, при попадании в него самого Человека-Паука, управляемого игроком, мгновенно убивает его. Предположим, что газ настолько ядовит, что может убить даже супергероя, которым Человек-Паук и является. Отсюда возникает вопрос: «Что же стало с обычными людьми на улицах?». Эту «сюжетную дыру» разработчик так же попытался уточнить в сценарии, упомянув, что газ является абсолютно безвредным для обычных людей и действует только на супергероев. Как и в случае с первым примером, в данном примере использование некоторого ограничителя, которым выступает ядовитый газ, обуславливается особенностями сценария. Проанализировав примеры различных видов игровых условностей, заметим, что локализатор и разработчик во всех случаях идут путём наименьшего сопротивления, т.е. корректируют и адаптируют сценарий видеоигры под игровые условности. Благодаря корректировкам сценария локализатору остаётся только обработать текстовый материал видеоигры, переводя его на целевые языки и сделав доступным игрокам в других регионах, без вмешательств в визуальную составляющую и код программного продукта.

Grand Theft Auto: San Andreas и её «потраченный» перевод

В ранее рассмотренных видеоиграх русскоязычные локализации от официального издателя были доступны «из коробки». В случае же с Grand Theft Auto: San Andreas официальной локализации на русском языке на момент выхода видеоигры не существовало, а разбираться в многообразии игровых условностей, содержащих-

ся в видеоигре, пришлось фанатам серии и пиратским студиям, распространявшим игру на территории СНГ. Одной из главных игровых условностей, представившей наибольшую трудность для локализаторов, стала обценная лексика, которой изобилует речь персонажей. К слову, о персонажах, игроку приходится погрузиться в криминальный мир Западного побережья США, с его многочисленными бандами и укладами гангстерской жизни. Те, кто шёл заниматься разбоем и бандитизмом, делали это явно не от хорошей жизни, среди бандитов очень мало людей со средним и тем более высшим образованием. Таким образом, обценная лексика становилась неотъемлемой частью ежедневного круга общения бандитов, что так явно показано в текстовом материале видеоигры. В условиях отсутствия какого-либо лингвистического контроля над производимой локализацией, вся обценная лексика подвергалась обработке машинным переводом. Более того, первая пиратская локализация и представляла собой переведённые текстовые материалы видеоигры средствами машинного перевода.

На момент релиза видеоигры в 2005 году, перевод, генерируемый с помощью МП, был очень далёким от литературного, из-за чего страдала семантическая составляющая диалогов. Иными словами, о чём говорят некоторые персонажи, было просто невозможно понять. Хотя игровой процесс видеоигр серии Grand Theft Auto построен таким образом, что любую видеоигру практически невозможно не пройти, каждая видеоигра повествует игроку некоторую историю, без которой продвижение по игровому процессу будет неполным. Сам жанр Grand Theft Auto подразумевает огромную свободу действий для игрока, а игроки не спешат с прохождением сюжетных миссий. Grand Theft Auto: San Andreas не стала исключением. Обычно, процесс ознакомления с видеоигрой у игрока начинается с исследования мира. В игровом мире вне сюжетных миссий не так много персонажей с прописанными репликами и ещё меньше тех, у кого эти реплики закрепляются в субтитрах. Поэтому при первом ознакомлении с внутриигровым наполнением, даже самый некачественный перевод не мешает игроку. Однако первое знакомство с некачественным переводом в случае Grand Theft Auto: San Andreas началось именно с исследования мира, т.к. первыми локализаторами оказались пираты, и они посчитали, что переводить необходимо всё, даже топонимы. При передвижении по миру названия населённых пунктов появлялись в правом углу экрана или посередине, в зависимости от длины топонима. Заметив некоторые топонимы, игроки стали подозревать, что с локализацией не всё

в порядке. Естественно, от пиратской локализации видеоигры, с момента релиза которой прошло всего несколько дней, многого ждать не приходится, т.к. зачастую она выполняется в спешке и без должного лингвистического контроля. Эта тенденция сохраняется и до сих пор, но уже в сфере аудиовизуального перевода кинофильмов и сериалов. Искажённые названия населённых пунктов, иногда лишённые смысла и нередко содержащие в себе орфографические ошибки, подталкивали игроков к созданию различного рода картинок юмористического наполнения, тем самым закладывая базис для народного творчества. Однако не только топонимы становились камнем преткновения для программ машинного перевода.

Как уже упоминалось ранее, основной игровой условностью в GTA: San Andreas становится характерная для гангстеров сниженная и обценная лексика, которая широко используется разработчиками игры и для обозначения различных событий. В процессе исследования мира игрок может совершить неосторожный поступок, влекущий за собой смерть его игрового персонажа, а в момент смерти на экране появляется соответствующее сообщение. В оригинальной английской версии игры смерть знаменуется словом “wasted”. Глагол “to waste” на русский язык можно перевести многими способами, однако среди множества значений глагола “to waste” прослеживаются характерные негативные коннотации, наиболее важные для переводчика. Негативную коннотацию содержат следующие варианты перевода: тратить впустую, непроизводительно расходовать, расходовать впустую, затрачивать напрасно, пустить по ветру, терять даром (Multitran, 2023). Таким образом, в случае смерти персонажа, игра сама намекает игроку, что его персонаж умер зря, потратил свою жизнь впустую, а исход мог быть совсем другим. Особенный смысл выражение “wasted” приобретает при прохождении сюжетных миссий, если персонаж игрока погибает до конца миссии. Сюжетная миссия остаётся незаконченной, персонаж погиб, а продвижение по игровому сюжету не достигнуто, следовательно, жизнь персонажа израсходована попусту. Использование этого выражения вписывается и в криминальный сеттинг видеоигры, ибо гангстерский век короток, а жизни «братков» очень часто «расходятся попусту», ведь существует множество иных общественно-полезных активностей, которым можно было посвятить своё время (Memeredia, 2017). В русскоязычной пиратской локализации выражение “wasted” переведено машинным переводом дословно — «потрачено» (Fandom, 2010). Отсюда и название данного подраздела и вообще многих пиратских локализаций, а

также целого пласта народного творчества, которое породила эта ситуация (Комиссаров, 2021).

Рассмотрев данный пример, можно ознакомиться не только с тем, как преодолеваются игровые условности, связанные с текстовым материалом видеогры, выполненным в определённом стиле, но и как эти условности преодолеваются ввиду низкой квалификации локализатора. Однако, трудность восприятия подобного материала игроком обуславливается не только низкой квалификацией пиратских локализаторов, но и отсутствием у них необходимой аппаратной и материальной базы. Так, на момент 2005 года выход в Интернет для консультирования по поиску необходимых переводческих решений был доступен далеко не каждому. Не исключается тем самым и тот факт, что у пиратских коллективов не было стабильного подключения к Интернету, а вся локализация делалась офлайн, на пиратском же софте от компании Project MT, более известным как PROMT (GordonManFree, 2014). С точки зрения подхода к нейтрализации игровых условностей, данный пример так же представляет определённого рода интерес. В данном случае наличие сленговой лексики в качестве игровой условности, необходимой для создания определённой атмосферы и более глубокого погружения в игровой процесс, никак не нейтрализуется локализатором. Более того, итоговый продукт локализации представлен в таком виде, что текстовый материал в некоторых фрагментах теряет смысл и становится неподвластным восприятию. Имеем, что, из-за отсутствия официального сотрудничества между разработчиком и локализатором, игроки сталкиваются с некачественным продуктом, альтернатива которому появится лишь спустя пять лет после выпуска видеогры на рынок.

Заключение

В итоге, рассмотренные примеры показывают, как велико влияние различных типов игровых условностей на финальный игровой программный продукт. В рамках анализа видеогр на языке оригинала, т.е. характерном для того региона, в котором видеигра разрабатывалась, многие игровые условности не оказывают значительного влияния на игровой процесс. Однако они вводят в заблуждение внимательных игроков, желающих глубже разобраться в том продукте, которому они посвящают столько времени. Но с выходом на другие целевые рынки общее положение игровых условностей усугубляется, ввиду требующейся локализации видеогры. Далеко не каждая фирма, локализирующая видеогры на целевых языках,

сможет однозначно определить, что от её сотрудников требует разработчик в конкретном случае. Именно поэтому влияние игровых условностей на локализованный игровой программный продукт столь велико. Наибольшей трудностью для специалистов по локализации выступает нейтрализация игровых условностей, позволяющая игрокам из других регионов беспрепятственно продвигаться по игровому процессу, не обращая внимания на незначительные сюжетные нестыковки, вызывающие у игроков даже в самых очевидных случаях лишь улыбку. Как показал анализ приведённых примеров — существует несколько наиболее подходящих путей нейтрализации игровых условностей. А сама нейтрализация может выполняться в нескольких основных связках: разработчик → локализатор, локализатор → игрок и игрок → игрок. С одной стороны, игровые условности не всегда могут быть нейтрализованы, особенно в случаях отсутствия прямого контакта между разработчиком и локализатором, что часто приводит к значительным искажениям локализуемого материала. Однако подобные ситуации могут побудить фанатов видеоигры и просто равнодушных людей к созданию своего рода народного творчества, источником которого выступают некачественные локализации.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. С. 3–20.

Комиссаров Г. 10 самых легендарных моментов из классики GTA — мемы, скандалы и мистика в GTA III, Vice City и San Andreas — Игромания. [Электрон. ресурс] / Г. Комиссаров, 2021. — Режим доступа: https://www.igromania.ru/article/32008/10_samyh_legendarnyh_momentov_iz_klassiki_GTA-memy_skandaly_i_mistika_v_GTA_III_Vice_City_i_San_Andreas.html (Дата обращения 15.09.2022).

Пиратский перевод | Grand Theft Wiki | Fandom [Электрон. ресурс] / Fandom. — 2010. — Режим доступа: https://gta.fandom.com/ru/wiki/Пиратский_перевод (Дата обращения 15.09.2022).

Потрачено (*Wasted*) — история мема из GTA San Andreas — Memepedia. Энциклопедия мемов. [Электрон. ресурс] / Memepedia, 2017. — Режим доступа: <https://memepedia.ru/potracheno/> (Дата обращения 15.09.2022).

Словарь Мультитран [Электрон. ресурс] / Multitrans, 2023. — Режим доступа: <https://www.multitrans.com/> (Дата обращения 16.01.2023).

Странные вещи в играх, которые постарались объяснить. YouTube [Электрон. ресурс] / YouTube, 2022. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=KIiu6L_rpGU (Дата обращения 15.09.2022).

Хорошо ли вы знаете «потраченный» перевод? Тест к 12-летию GTA San Andreas [Электрон. ресурс] / Телеканал Дождь, 2016. — Режим доступа: <https://tvrain.ru/lite/tests/21/result/> (Дата обращения 15.09.2022).

Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978.

GordonManFree. Легенды промтовского перевода. Часть 1 (GTA: San Andreas) | Пикабу [Электрон. ресурс] / GordonManFree, 2014. — Режим доступа: https://pikabu.ru/story/legendyi_promtovskogo_perevoda_chast_1_gta_san_andreas_1400898 (Дата обращения 15.09.2022).

Seven Warlords of the Sea | One Piece Wiki | Fandom [Электрон. ресурс] / Fandom, 2009. — Режим доступа: https://onepiece.fandom.com/wiki/Seven_Warlords_of_the_Sea (Дата обращения 15.09.2022).

References

Garbovskiy N. (2015) Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy = Sistemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Science Knowledge. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 3–20 (In Russian).

GordonManFree (2014) Legendy promtovskogo perevoda. Chast' 1 (GTA: San Andreas) | Pikabu = The legendary examples of PROMT translation [Electronic Resource]. Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/legendyi_promtovskogo_perevoda_chast_1_gta_san_andreas_1400898 (date of retrieval: September 15.2022) (In Russian).

Khorosho li vy znaete «potrachenny» perevod? Test k 12-letiyu GTA San Andreas (2017) = How good do you know the “wasted” translation? Test to celebrate 12 th Anniversary of GTA San Andreas [Electronic Resource]. Tv Rain. URL: <https://tvrain.ru/lite/tests/21/result/> (date of retrieval: September 15.2022) (In Russian).

Komissarov G. (2021) 10 samykh legendarnykh momentov iz klassiki GTA — memy, skandaly i mistika v GTA III, Vice City i San Andreas = 10 of the most legendary moments of GTA classics — memes, scandals and mysticism in GTA III, Vice City and San Andreas [Electronic Resource]. Igromania. URL: https://www.igromania.ru/article/32008/10_samyh_legendarnykh_momentov_iz_klassiki_GTA-memy_skandaly_i_mistika_v_GTA_III_Vice_City_i_San_Andreas.html (date of retrieval: September 15.2022) (In Russian).

Multitran Dictionary. [Electronic Resource]. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/> (date of retrieval: January 16.2023).

Piratskiy perevod (2010) = Unofficial translation. Grand Theft Wiki. Fandom [Electronic Resource]. Fandom. URL: https://gta.fandom.com/ru/wiki/Пиратский_перевод (date of retrieval: September 15.2022) (In Russian).

Potracheno (Wasted). (2017) Istoriya mema iz GTA San Andreas = Wasted — history of the meme from GTA San Andreas [Electronic Resource]. Meme-pedia. URL: <https://meme-pedia.ru/potracheno/> (date of retrieval: September 15.2022) (In Russian).

Seven Warlords of the Sea (2009) | One Piece Wiki. Fandom [Electronic Resource]. Fandom. URL: https://onepiece.fandom.com/wiki/Seven_Warlords_of_the_Sea (date of retrieval: September 15.2022)

Strannye veshchi v igrahk, kotorye postaralis' ob'yasnit' (2022) = The strange things in videogames that meant to be explained [Electronic Resource]. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Kliu6L_rpGU (date of retrieval: September 15.2022) (In Russian).

Yakobson R.O. (1978) O lingvisticheskikh aspektakh perevoda, Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike = Of linguistic aspects of translation. Questions of translation theory in foreign linguistics. Moscow. International Relations. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Арищенко Станислав Игоревич — аспирант кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; lilaysisstanislav@yahoo.com

ABOUT THE AUTHOR:

Stanislav I. Arishchenko — Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University; 1 bldg. 51 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia; lilaysisstanislav@yahoo.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

ТЕОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81' 255.2

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-22-38

ПЕРЕВОДЫ ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЁВЫЙ САД» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Бойко Борис Леонидович
Копылова Инесса Юрьевна

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
имени князя Александра Невского, г. Москва, Россия

Для контактов: bogisboiko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются фрагменты переводов пьесы Антона Павловича Чехова «Вишнёвый сад» на немецкий язык, выполненные Петером Урбаном, Иоганнесом фон Гюнтером, Гудрун Дювель и Хильде Ангаровой. Названные переводчики не были сторонниками интерпретативного метода перевода, они стремились передать текст как можно ближе к оригиналу. В процессе перевода перед ними стояли такие задачи, как верная передача реалий, фразеологических оборотов, речевых особенностей персонажей, сохранение стилистики драматурга и динамичности текста, что особенно сложно из-за грамматических различий немецкого и русского языков. Переводчики, каждый по-своему, стремились адаптировать чеховский текст для немецкого театра так, чтобы он был понятным для зрителя и легко произносимым со сцены. В ходе сопоставительного анализа четырех переводов мы стремились понять, как каждый переводчик справился с задачами сохранения языка А.П. Чехова и персонажей «Вишнёвого сада». В результате исследования мы пришли к выводу, что Петер Урбан и Хильде Ангарова наиболее точно передали текст оригинала вследствие точно подобранных эквивалентов. Языковые средства, которые использовали переводчики Иоганнес фон Гюнтер и Гудрун Дювель, ничуть не уступают тем, что были найдены Урбаном и Ангаровой. Тем не менее, в переводах Дювель обращает на себя внимание то, что в них

© Бойко Б.Л., Копылова И.Ю., 2023

недостаёт лаконичности, присущей тексту оригинала. Достаточно успешны отдельные переводческие решения, предложенные Иоганнесом фон Гюнтером, хотя и здесь имеет место быть ряд значительных недостатков, например, неверная передача некоторых реалий, излишние добавления к тексту оригинала, порой вольное обращение с синтаксисом текста оригинала, приводящее к искажению речевого портрета персонажа. Именно поэтому вариант пьесы, предложенный Иоганесом фон Гюнтером, во многом уступает, в чем нетрудно убедиться ниже, работам других рассмотренных нами переводчиков.

Ключевые слова: театральный перевод, художественный перевод, немецкий язык, Чехов, Гюнтер, Дювель, Урбан, Ангарова

Для цитирования: Бойко Б.Л., Копылова И.Ю. Переводы пьесы А.П. Чехова «Вишнёвый сад» на немецкий язык (сопоставительный анализ) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 3. С. 22–38. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-22-38

Статья поступила в редакцию 04.11.2023;
одобрена после рецензирования 09.11.2023;
принята к публикации 20.11.2023.

TRANSLATIONS OF ANTON CHEKHOV'S PLAY "THE CHERRY ORCHARD" INTO GERMAN: A COMPARATIVE ANALYSIS

Boris L. Boyko
Inessa Y. Kopylova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia

For contacts: borisboiko@gmail.com

Abstract. In spite of the fact that Anton Chekhov was skeptical about translations of his own works since he believed that his works would not be understood in the West, the first translations of his plays into German appeared already during his lifetime and were successfully staged in German theatres. The following article reviews translations of Anton Chekhov's play "The Cherry Orchard" into German by Peter Urban, Johannes von Gunther, Gudrun Duvel and Hilde Angarova. It may be worth noting that there are two approaches to literary translation. One involves adapting text for the recipient, which in-

evitably leads to a significant difference between the original and translated texts. The other involves translating closely to the original. Considering the fact that all the abovementioned translators kept to the second concept, they had to accomplish the following tasks: preserving stylistic peculiarities of the original text, translating Russian realia into German, managing phraseological locutions, conveying speech portraits of the characters, as well as adapting the text to a theatrical performance since the text should be understandable for the audience and easily pronounced by the actors. In the article we paid special attention to how all the four translators managed the difficulties and presented a detailed contrastive analysis of their works. As a result of the study, we came to the conclusion that the translations by Peter Urban and Hilde Angarova were closest to the original text due to precisely chosen equivalents. The translation by Gudrun Duvel is not inferior to the translations of Peter Urban and Hilde Angarova in the selection of lexical means, but it often sounds insufficiently concise, which distances it in some cases from the original text. Although Johannes von Gunther offered some interesting translation solutions, his translations have a number of shortcomings, the main ones are incorrect translation of realia and unnecessary additions.

Keywords: drama translation, literary translation, German language, Anton Chekhov, Peter Urban, Johannes von Gunther, Gudrun Duvel, Hilde Angarova

For citation: *Boyko B.L., Kopylova I.Y. (2023) Translations of Anton Chekhov's play "The Cherry Orchard" into German: a comparative analysis. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 22–38. DOI: 10.5959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-22-38*

The article was submitted on November 04, 2023;
approved after reviewing on November 09, 2023;
accepted for publication on November 20, 2023.

Введение

Художественный перевод — вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, пересоздаётся на другом. От оригинального творчества перевод отличается зависимостью от первоисточника. Для создания качественного перевода переводчику необходимо не только бережно относиться к оригинальному тексту, стараясь не переиначивать его на свой лад, но и воссоздать его как произведение искусства в единстве содержания и формы на языке перевода (Базылев, эл. ресурс).

Наряду с вышеупомянутым подходом к переводу художественного текста, предполагающим как можно более точное воспроиз-

ведение текста оригинала на языке перевода, существует и другая концепция: переложение или адаптация литературного произведения. Этой концепции обычно придерживаются писатели и поэты, авторы собственных известных литературных работ. Сторонники и первого, и второго подходов отчётливо понимают, что перевод не копирует оригинал, что текст оригинала, введённый в другой языковой и культурный контекст, начинает жить иной жизнью, отличной от той, что мог предполагать автор оригинала (Гарбовский, 2010: 5).

Именно поэтому художественный перевод можно по праву считать одним из самых сложных и наименее поддающихся формализации видов перевода (Раренко. 2020: 71). Приведём здесь лишь краткий перечень трудностей, с которыми приходится сталкиваться переводчику при работе с литературным переводом. В частности, это известные фундаментальные различия между языками, бытовые и социальные особенности жизни народов, национальные фразеологические единицы, игра слов, фразовые глаголы (если речь идёт, например об английском или шведском языках), необходимость найти золотую середину между подстрочным и вольным переводом, соответствие стилю, культуре, эпохе, «ложные друзья переводчика», большее, чем в русском языке, количество двусмысленных слов (например, в английском). В поэтическом переводе к этому списку можно добавить необходимость соблюдения рифмы и такта и сохранение авторского размера (Kazimova, 2023: 60).

При выполнении театрального перевода как особого жанра литературного перевода, включающего перевод пьес, оперетт, опер, мюзиклов, кинофильмов и т.д. (Базылев, Войнич, эл. ресурс: 60), переводчик наряду с вышеперечисленными трудностями сталкивается ещё со следующими особенностями перевода в этом жанре:

- 1) драматические тексты — это устные тексты, поэтому они должны быть удобны для спонтанной речи;
- 2) в сценических текстах характер персонажа раскрывается через особенности его речи. Переводчику важно понять, какой характер у каждого персонажа пьесы, чтобы правильно подобрать эквиваленты на языке перевода;
- 3) отношения между персонажами пьесы передаются средствами языка;
- 4) характер отношений между персонажами пьесы, который обычно меняется по ходу пьесы, заставляет переводчика тщательно подходить к подбору лексических средств. Например, обращение к сестре в немецком языке может быть передано как мини-

мум тремя разными способами: (meine) Schwester, Schwesterherz, Schwesterchen. Для каждого из них необходимо подобрать отдельный эквивалент, чтобы подчеркнуть уровень теплоты отношений между героями;

5) принцип понятности. Театральные тексты не должны содержать трудностей для восприятия зрителем, так как возможности вновь прослушать тот или иной фрагмент пьесы (как в случае, например, с романом) у зрителя попросту нет;

6) театральность, или сочетание вербальной и невербальной составляющих постановки, обе из которых одинаково важно учитывать при переводе (Kohlmayer. 2013: 354).

Язык Чехова лаконичен, точен, выразителен. Автор умело подмечает речевые особенности людей из разных социальных слоёв, поэтому у каждого персонажа его пьес есть свои уникальные особенности речи. Помимо этого, в текстах драматурга нередко встречаются реалии, понятные только российскому зрителю, усложняющие адаптацию его произведений к театральной культуре зарубежного зрителя. Возможно, именно поэтому Чехов скептически относился к переводу своих произведений на иностранные языки. Тем не менее, несмотря на скепсис писателя, переводы драматургических произведений на немецкий язык стали появляться ещё при его жизни и были успешно поставлены на немецкой сцене.

Основная часть

Сопоставительный анализ переводов фрагментов речи персонажей пьесы Чехова «Вишнёвый сад»

Далее мы рассмотрим переводы, появившиеся в течение 1940–1970-х гг., сопоставим переводческие решения, которые предложили в процессе перевода отдельных фрагментов текста пьесы Петер Урбан, Иоганнес фон Гюнтер, Гудрун Дювель и Хильде Ангарова, подвергнем анализу качество передачи индивидуальных особенностей речи персонажей пьесы в переводах на немецкий язык.

1. Речевые особенности Лопахина

В образе купца Лопахина Чехов отразил жизненный путь персонажа, его деревенское происхождение, социальную сущность, культуру и индивидуальные свойства его личности. Для Ермолая Алексеевича характерно как использование просторечий, подчёркивающих его деревенско-кулацкое происхождение, так и использование торгово-коммерческого жаргона (Ревакин, 1956).

Лопахин: — На сколько же это опоздал поезд? Часа на два, по крайней мере. (Зевает и потягивается.) Я-то хорош, какого дурака сваял!

В приведённом фрагменте купец использует фразеологизм «сваять дурака» (сделать что-то несурзное во вред самому себе).

Несмотря на то, что в русско-немецком словаре можно найти синонимичные русскому фразеологизму *сваять дурака* немецкие аналоги *den dummen August spielen, den Hanswurst machen, Mätzchen machen*. (Академик), ни один из переводчиков ими не воспользовался, так как приведённые фразеологизмы, характерные для речи немца, «онемечили» бы образ русского купца (неоправданная доместикация перевода).

В частности, Урбан предложил следующий перевод этого фрагмента пьесы:

Lopachin: — *Wieviel Verspätung hatte denn der Zug? Zwei Stunden, mindestens. (Gähnt und streckt sich.) Ich bin aber auch gut, wie kann man sich so dumm anstellen!*

Переводчик решил воспользоваться синонимичным в немецком языке русскому фразеологизму словосочетанием *sich dumm anstellen*. Наречие *so* использовано в переводе для усиления эмоциональности высказывания.

Однако позволим себе отметить небольшой недостаток в переводе этого фрагмента Петером Урбаном: для передачи глагола «потягиваться» переводчик подбирает эквивалент *sich strecken*, что по значению ближе к слову «вытягиваться» в русском языке, в то время как другие переводчики находят эквивалент *sich recken*. Последнее, с нашей точки зрения, ближе к значению русского глагола.

Хильде Ангарова предложила то же словосочетание *sich dumm anstellen* для передачи значения фразеологизма «сваять дурака». В отличие от Урбана переводчица не стала использовать безличное местоимение *man*, что сделало её перевод лаконичным и приближенным к оригиналу. В то же время нельзя не заметить то, что Ангарова не сохранила в переводе интонацию выражения досады в речи персонажа и поставила в конце предложения точку вместо восклицательного знака.

Lopachin: — *Wieviel Verspätung hat denn der Zug? Wohl mindestens zwei Stunden. (Gähnt und reckt sich.) Bin ich aber gut, mich so dumm anzustellen.*

Дювель предлагает свой не менее лаконичный, чем у Ангаровой, вариант *sich dumm benehmen* («глупо себя вести») (Deutsch-Russisches Wörterbuch dritter Band A-G: 1987: 187) и для передачи

выражения досады в исходной реплике персонажа использует слово *schön*.

Lopachin: — *Wieviel Verspätung hat der Zug denn nun gehabt? Doch mindestens zwei Stunden. (Er gähnt und reckt sich.) Ich bin auch gut, hab mich schön dumm benommen!*

Перевод этого фрагмента Гюнтером интересен тем, что он прибегает к дополнительным комментариям, которых в тексте оригинала нет (например, *Er legt das Buch beiseite* — «он откладывает книгу в сторону»). Эти отсутствующие у Чехова ремарки были убраны только в издании перевода 1963 года.

Что же касается предложения, содержащего фразеологизм, то Гюнтер здесь прибегает не только к лексической и грамматической замене, но и меняет синтаксис оригинала, делая из восклицательного предложения вопросительное. В его переводе «Я-то хорош, какого дурака сваял!» звучит как «Что могут подумать люди о моей глупой выходке?». На наш взгляд, не совсем удачное решение, так как перевод получился достаточно вольный и утратил свою лаконичность.

Lopachin: — *Wieviel Verspätung hat der Zug wohl gehabt? Zwei Stunden mindestens! (Er legt das Buch beiseite, gähnt und streckt sich.) Was soll man bloß von meinem Narrenstreich halten?*

Для Лопухина, сына простого крестьянина, характерно, как мы уже упоминали выше, использование просторечий. Свидетельство тому — слово *мальчонок* в значении *маленький мальчик*:

Помню, когда я был мальчонком лет пятнадцати, отец мой покойный — он тогда здесь на деревне в лавке торговал — ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носу...

В то время как Урбан и Дювель подобрали слову *мальчонок* нейтральный эквивалент *der Junge*, утратив таким образом его стилистическую окраску, Ангарова и Гюнтер постарались её передать.

В частности, Гюнтер вместо слова *der Junge* использовал слово *der Bub*, которое чаще можно услышать на юге Германии, в Австрии и Швейцарии (DWDS). С нашей точки зрения, это переводческое решение нельзя назвать удачным, так как персонаж пьесы, русский купец, никак не мог демонстрировать в своей речи диалектный вариант эквивалента.

Найденный Ангаровой эквивалент *das Bürschlein* можно признать наиболее точным, так как это слово относится к разговорному стилю и служит примером нетипичного словообразования (*Bursche* «мальчик» + уменьшительно-ласкательный суффикс *-lein*, обычно в разговорном немецком к этому слову добавляется суффикс *-chen*).

Обратим внимание на то, как переводчики передают фразеологизм «со свиным рылом в калашный ряд».

Урбан и Дювель прибегают к лексической замене: невозможная в немецком языке реалия «калашный ряд» не имеет эквивалентов в немецкой этнической культуре, предложенное решение *mit dem Schweinerüssel in die Konditorei*, не отражает культурно-историческое своеобразие русской речи. Подмена речевого образа лишний раз иллюстрирует этнические (культурно-исторические) различия русского и немецкого языков, реальные трудности перевода, связанные с понятиями лакуны, непереводаемого в переводе, имеет место быть доместикация в переводе.

Гюнтер предлагает эквивалент *der Schweinerüssel auf die Küchenschüssel* (досл. свиным рылом по кухонной миске).

Наиболее удачный, на наш взгляд, эквивалент нашла Ангарова — *ein Schwein im Blumengarten*. Хотя словосочетание не передаёт особенности русской культуры, оно не «онемечивает» речь Лопахина.

Обращает на себя внимание и то, какие эквиваленты были подобраны переводчиками для передачи некоторых реалий, использованных в речи Лопахиным:

Лопахин: — И квасу мне принесёшь.

Так как в Германии не существует подобного напитка, Урбан, Дювель и Ангарова использовали приём транслитерации, Гюнтер же решил опустить эту реалию в своём переводе:

Lopachin: — *Können mir bei der Gelegenheit was zu trinken bringen.*

Выразим несогласие с этим переводческим решением, так как, во-первых, предложенный перевод не передаёт национальное своеобразие персонажа и, во-вторых, переводчик не обратил внимание на тот нюанс, что Лопахин использует местоимение «ты» при обращении к Дуняше.

Следующий фрагмент текста пьесы интересен для нас тем, что в нем есть такая реалия, как «кулак».

Лопахин: — Ваш брат, вот Леонид Андреич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне решительно всё равно.

Урбан вновь прибегает к приему транслитерации при подборе эквивалента к вышеназванной реалии. Это более точный, на наш взгляд, переводческий приём, позволяющий сохранить культурные особенности, однако, возможно, не самый удачный в случае театрального перевода, так как для зрителя, не знакомого с культурой и реалиями купеческого быта России, этот момент будет непонятен.

Lopachin: — *Ihr Bruder, Leonid Andreiĉ, sagt von mir, ich sei ein Flegel, ein Kulak, aber das ist mir völlig egal.*

Слово Halsabschneider, выбранное Гюнтером для передачи реалии, имеет негативную коннотацию. Немецкий универсальный словарь Дуден (DUDEN. 2003) поясняет слово Halsabschneider как разговорное и имеющее негативную коннотацию. В немецко-русском (основном) словаре (М., 1992) это слово сопровождается пометой *разг.* (разговорное) и означает «живодёр», «обдирала», «лихоимец». Однако в Словаре русского языка С.И. Ожегова (1995: 307) слово КУЛАК сопровождается интерпретацией «богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий батраков, бедняков». Именно в этом значении слово было использовано Чеховым. Таким образом, можно говорить о неверной интерпретации смысла высказывания переводчиком.

Обращает на себя внимание, что для слова «хам», имеющего, наряду с более известным значением «грубый, наглый и невоспитанный человек», значение «человек, принадлежащий к низшим классам и лишённый поэтому всякого человеческого достоинства» (в языке дворян) (Толковый словарь Ушакова, 1935–1940), Гюнтер находит эквивалент *Prolet* — сокращение с презрительным оттенком от слова *Proletarier* (пролетарий) (DWDS). Слово *Prolet*, как и слово «хам», может употребляться в значении «грубиян» (в некоторых немецко-русских словарях это слово имеет значение «сапог», «лапоть», «деревня» (о человеке)) (см. Немецко-русский словарь разговорной лексики, 1994: 565), в то время как эквивалент *Flegel*, выбранный другими переводчиками, имеет лишь толкование «невежа», «грубиян», «хам» (Deutsch-Russisches Wörterbuch, erster Band A-G, 1987: 616) и не обозначает представителя низкого сословия. Таким образом, вариант, предложенный Гюнтером для слова «хам», мы считаем более точным.

Lopachin: — *Ihr Bruder, Herr Leonid, der sagt von mir, daß ich ein Prolet sei, ein Halsabschneider, aber das ist mir alles ganz gleich! ... aber das ist mir alles ganz gleich!*

Дювель, как и Урбан, использует метод транслитерации для передачи реалии «кулак» — Kulak. Что же касается слова «хам», то переводчик использует слово *Bauernflegel* (*Bauer* — крестьянин), подчёркивая тот факт, что это слово в русском языке имеет значение не только «грубый человек», но и «человек более низкого сословия». Это, по нашему мнению, удачное переводческое решение.

Lopachin: *Leonid Andrejitsch, Ihr Bruder, sagt, ich sei ein Bauernflegel, ein Kulak, aber das ist mir völlig gleichgültig.*

Слово *Ausbeuter*, подобранное Ангаровой в качестве эквивалента к реалии «кулак», в немецко-русском словаре имеет значения «кровопийца», «обирала», «эксплуататор» (Ibid.: 187). В упомянутом словаре Дудена объясняется как *jmd., der andere Menschen ausbeutet, ausnutzt* (то есть тот, кто использует других людей в своих корыстных целях). Таким образом, можно говорить о том, что Ангарова, как и Гюнтер, неверно передала смысл, заложенный в слове «кулак».

Lopachin: *Ihr Bruder, Leonid Andrejewitsch, sagt von mir, ich sei ein Flegel, ein Ausbeuter. Aber das ist mir höchst gleichgültig...*

2. Речевые особенности Пищика

Речь Пищика бедна и примитивна. Среди её особенностей можно назвать использование просторечий, фамильярных оборотов, иных выражений, по-видимому, напоминающих о его пристрастии к охоте. Такова, например, рассматриваемая нами ниже пословица «попал в стаю, лай не лай, а хвостом вилай».

Для передачи значения этой пословицы Урбан и Ангарова использовали немецкую рифмованную поговорку „*Mitgegangen — mitgefangen — mitgehungen*“, достаточно полно отражающую смысл русского высказывания.

Гюнтер находит немецкую идиому *mit den Wölfen heulen* (досл. вить с волками, т.е. присоединиться к мнению большинства) (Академик) и немного разворачивает её таким образом, что на немецком языке она звучит, как «оказавшись среди волков, вой по-волчьи». Достаточно интересный переводческий прием, так как он не только передает значение русского фразеологизма, но и ближе к нему с точки зрения образности, чем вариант, выбранный Урбаном.

Дювель подбирает сокращённый вариант немецкого устойчивого выражения, использованного Урбаном (*mitgefangen, mitgehungen*). По нашему мнению, этот переводческий приём не совсем удачен, так как в нем утрачены динамика и образность русского фразеологизма.

3. Речевые особенности Вари

Речь Вари скупа и рассудительна, но не лишена различных фразеологических оборотов, как, например, в следующем фрагменте:

Варя: (Лопахину и Пищику) — Что ж, господа? Третий час, пора и честь знать.

Урбан предложил следующий вариант перевода реплики, содержащий фразеологизм:

Varja: (zu Lopachin und Piščik) — *Ja nun, meine Herren? Es geht auf drei, Zeit zum Aufbruch.*

Найденный Урбаном эквивалент лаконичен и полностью передает смысл высказывания.

Гюнтер, как и Урбан, верно передаёт смысл высказывания, однако его перевод значительно уступает варианту, предложенному Урбаном: переводчик не только вольно обходится с авторской интерпретацией, делая из утвердительного предложения вопросительное, но и превращает простое предложение в сложное. В результате утрачивается лаконичность исходного текста и вместе с ней одна из речевых особенностей Вари — умение формулировать свои мысли коротко и ясно.

Warja: (zu Lopachin und Simeonow). — *Und Sie, meine Herren? Es ist bald drei, meinen Sie nicht, daß es für Sie höchste Zeit wird?*

Перевод Дювель более лаконичен, но всё же уступает переводу Урбана:

Warja: (zu Lopachin und Pistschik) — *Und Sie, meine Herren? Es geht auf drei, da wird es langsam Zeit, aufzubrechen.*

Для выражения значения фразеологизма «пора и честь знать» Ангарова подобрала лексически более точный, чем у других переводчиков эквивалент *Anstand kennen*, представляющий собой несколько видоизменённый вариант немецкого устойчивого выражения *den Anstand wahren* (соблюдать приличия) (Академик).

Warja: (zu Lopachin und Pischtschik) — *Nun, meine Herren, es ist drei Uhr, man muß doch Anstand kennen.*

4. Речевые особенности Ани

Речь Ани красивая, литературная, глубоко эмоциональная и мелодическая.

Аня: Дачу свою около Ментоны она уже продала, у неё ничего не осталось, ничего. У меня тоже не осталось ни копейки, едва доехали.

Определённую трудность в переводе на немецкий язык, судя по вариантам перевода, представляют фрагменты высказывания героини: «у неё ничего не осталось», «едва доехали». Немецким переводчикам пришлось решать одновременно несколько задач: передать смысл высказывания и сохранить по возможности динамичность и качество языка оригинала. Последнее важно, так как Аня — начитанная, грамотная и образованная девушка.

Урбан предложил наиболее лаконичный и близкий к оригиналу вариант перевода, сохранив при этом синтаксис исходного фрагмента.

Anja: — Ihr Landhaus bei Mentone hatte sie schon verkauft, nichts war ihr geblieben, nichts. Auch ich hatte keine Kopeke mehr, wir haben es kaum bis hierher geschafft.

Первое предложение Гюнтер передал практически так же, как и Урбан, добавив лишь *rein gar* для усиления эмоциональности высказывания. Однако во втором предложении переводчик использовал приём лексической замены, за счёт чего оно звучит в подстрочном переводе как «у меня тоже не было ни копейки, когда я приехала». Таким образом, теряется смысл предложения в переводе. Лаконичность и динамичность текста нарушены не только вследствие лексической замены, но и многоточий, добавленных переводчиком для того, чтобы подчеркнуть, что Аня не уверена в названии населённого пункта.

Anja: Ihre Villa in der Nähe von Manton, Mentone ... hatte sie nämlich schon verkauft, es ist ihr nichts geblieben, rein gar nichts. Auch ich besaß keine Kopeke mehr, als ich ankam.

Дювель при переводе первого предложения использовала грамматическую замену (местоимение «она» в переводе перешло из косвенного падежа в именительный). Во втором предложении переводчик использует лексическое развёртывание («у меня из денег не осталось ни копейки») и лексическую замену («мне едва ли было чем оплатить поездку»). С нашей точки зрения, предложенный перевод отражает содержание высказывания, но утрачивает динамичность.

Anja: Ihre Villa bei Mentone hatte sie schon verkauft, sie hatte nichts mehr, rein gar nichts. Von meinem Geld ist auch nicht eine Kopeke übrig geblieben, ich konnte kaum noch die Reise bezahlen.

Перевод Ангаровой, как и перевод Урбана, близок к оригиналу не только по содержанию, но и передаёт динамику текста.

Anja: Ihr Landhaus in der Nähe von Mentone hatte sie schon verkauft. Sie hat nichts behalten, nichts. Ich hatte auch keine Kopeke mehr, wir sind knapp hergekommen.

5. Речевые особенности Раневской

Речь Раневской красива, чувственна, эмоциональна. Причём эмоциональность достигается не только за счёт лексических средств, но и синтаксических, что важно учитывать при переводе.

Любовь Андреевна: (тихо плачет). — Мальчик погиб, утонул... Для чего? Для чего, мой друг. (Тише.) Там Аня спит, а я громко говорю... поднимаю шум... Что же, Петя? Отчего вы так подурнели? Отчего постарели?

Перевод Урбана лаконичен и близок к тексту оригинала. Интересно, что для слова «погибнуть» переводчик подбирает эквивалент *verunglücken*, имеющий значение «пострадать от несчастного случая» (Академик). Выбор именно этого глагола обусловлен не только лексической точностью, но и необходимостью сохранить эмоциональную напряжённость речи персонажа. Отметим, что при переводе двух последних предложений Урбан произвёл замену анафоры на эпифору.

Ljubov Andreevna: (*weint leise*) — *Der Junge ist verunglückt, ertrunken... Weshalb? Weshalb, mein Freund? (Leiser.) Dort schläft Anja, und ich spreche so laut... mache Lärm... Ja nun, Petja? Wovon sind Sie so häßlich geworden? So alt geworden?*

Перевод Гюнтера уступает по лаконичности переводу Урбана: переводчик усиливает эмоциональность высказывания за счёт добавления суффикса *-chen* к слову *Junge* и прилагательного *arm*. Наряду с этим он производит синтаксическую замену, трансформируя простое предложение в сложное. Не согласимся с эквивалентом *schlecht aussehen*, предложенным Гюнтером для слова «подурнеть», так как найденная переводчиком конструкция менее эмоционально окрашена, чем слово, использованное в тексте оригинала.

Ljubow Andrejewna: (*weint leise*) — *Das arme Jungchen, daß es ertrinken mußte... Warum nur... warum, mein Freund? (Leiser.) Anja schläft, und ich spreche hier so laut... Ich mache solchen Lärm... Wie geht es Ihnen, Petja? Warum sehen Sie so schlecht aus? Und weshalb haben Sie so rasch gealtert?*

Перевод Дювель лексически более точен, чем перевод Гюнтера, но значительно уступает переводу Урбана по лаконичности.

Ljubow Andrejewna: (*weint leise*) — *Der Junge ist ums Leben gekommen, ertrunken... Warum? Warum, lieber Freund? (Leiser:) Nebenan schläft Anja, und ich rede so laut...ich mache Lärm... Nun, und Sie, Petja? Weshalb sehen Sie so häßlich aus? Warum sind Sie so alt geworden?*

Текст Ангаровой не столь лаконичен, как текст Урбана, но лексически он достаточно точен. В тексте перевода двух последних предложений переводчице удалось сохранить единоначатие, одну из особенностей речи персонажа,

Ljubow Andrejewna: (*weint leise*) — *Der Junge ist zugrunde gegangen, ertrunken... Und warum? Warum, mein Freund? (Leiser:) Dort schläft*

Anja, und ich spreche laut... mache Lärm... Nun, Petja? Warum sind Sie so häßlich geworden, warum so gealtert?

Заключение

Таким образом, художественный перевод — это один из наиболее сложных жанров перевода, не поддающийся формализации. Существует два подхода в работе с этим видом перевода: один предполагает переложение текста оригинала либо его адаптацию под культурные особенности реципиента, второй фокусируется на более точной передаче текста оригинала, без переименования произведения. Переводчики, чьи решения мы подвергли анализу, были определённно сторонниками второго подхода: они стремились передать текст как можно ближе к оригиналу.

Театральный, или драматический перевод, — один из жанров художественного перевода. От других видов художественного перевода его отличает, прежде всего, необходимость адаптации текста перевода к закономерностям сценической речи, т.е. текст должен быть легко произнесён со сцены, услышан и понят зрителями. Здесь уместно высказаться в защиту авторов сценических произведений. Они пишут свой текст, воссоздавая жизненные ситуации, однако не всегда учитывают специфику сцены. Успех спектакля находится в прямой зависимости от мастерства режиссёра, таланта исполнителей, а в условиях современных театральных залов не в последнюю очередь от звукорежиссёров, художников-декораторов, режиссёров и мастеров света.

Сопоставление приведённых фрагментов позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Переводы Петера Урбана и Хильде Ангаровой наиболее точно передают стиль речи персонажей произведения. Это достигается не только за счёт правильно подобранных переводчиками лексических средств, но и средств синтаксиса.
2. Перевод Гудрун Дювель не уступает переводам Петера Урбана и Хильде Ангаровой по подбору лексических средств, однако часто звучит недостаточно лаконично, что отдаляет его в отдельных случаях от текста оригинала.
3. Несмотря на то, что Иоганнес фон Гюнтер предложил отдельные интересные переводческие решения, его переводы имеют ряд недостатков, основные из которых — неверная передача реалий и излишние добавления.

Список литературы

Академик [Электронный ресурс]: <https://dic.academic.ru/?ysclid=li79szgif7534245392> (Дата обращения 05.04.23).

Базылев В.Н. Художественный перевод. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyyperevod?ysclid=lhvp2pohd4789982881> (Дата обращения 02.10.23).

Базылев В.Н., Войнич И.В. Drama translation [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyyperevod?ysclid=lhvp2pohd4789982881> (Дата обращения 22.10.23).

Гарбовский Н.К. Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2010. № 3. С. 4–17.

Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12000 слов. М.: Рус. яз., 1994. 565 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: «Азъ», 1995. 307 с.

Раренко М.Б. Проблемы художественного перевода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2020. № 3. С. 71–76.

Ревякин А.И. Идейный смысл и художественные особенности пьесы «Вишнёвый сад» А.П. Чехова», М.: Учпедгиз, 1956 OCR Biografia.Ru

Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. (1935) М.: Учпедгиз, 1940 <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%85%D0%B0%D0%BC?ysclid=lhw5i4hi rz996886021>

DWDS [Электронный ресурс]: <https://www.dwds.de/> (Дата обращения 05.04.23).

Deutsch-Russisches Wörterbuch dritter Band A-G/H.H. Bielefeldt. Berlin: Akademie, 1987. 187 p.

DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch, 5. Überarbeitete Auflage 2003.

Kazimova S.A. (2023) Linguistic problems in theory and practice of literary translation. *Philological Sciences/Colloquium Journal*. No. 1/1(60).

Kohlmayer R. (2013) Theorie und Praxis der Bühnenübersetzung im deutschsprachigen Theater. Überblick und ein Beispiel // *Mutatis Mutandis*. Vol. 6. No. 2.

Tschechow. (1994) *Der Kirschgarten*. Diogenes. Berlin: 1994 (Übersetzung — Peter Urban).

Tschechow. (1951) *Der Kirschgarten*. Reclam. Leipzig (Übersetzung — Johannes von Guenther).

Tschechow. (1964) *Der Kirschgarten*. Rütten & Loening. Zürich. (Übersetzung — Gudrun Düwel).

Tschechow. (1947) *Der Kirschgarten*. Verlag für fremdsprachige Literatur. Moscow (Übersetzung — Hilde Angarowa).

References

Akademik [electronic source]: <https://dic.academic.ru/?ysclid=li79szgif7534245392> (access date 05.04.23).

Bazylev V.N. Hudozhestvennyj perevod = Literary translation [electronic source] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyyperevod?ysclid=lhvp2pohd4789982881> (access date 02.10.23) (In Russian).

Bazylev V.N., Vojnich I.V. Drama translation [electronic source] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyyperevod?ysclid=lhvp2pohd4789982881> (access date 02.10.23).

Garbovskij N.K. (2010) Perevod kak hudozhestvennoe tvorcestvo = Translation as an artistic creation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. No. 3, pp. 4–17 (In Russian).

Devkin V.D. (1994) Nemecko-russkij slovar' razgovornoj leksiki = German-Russian dictionary of colloquial vocabulary. *Svyshe 12000 slov*. Moscow: Rus. jaz. 565 p. (In Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. (1995) Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. Moscow: "Az' ", 307 p. (In Russian).

Rarenko M.B. (2020) Problemy hudozhestvennogo perevoda = Problems of artistic translation. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 6: Jazykoznanie. Referativnyj zhurnal*. No 3, pp. 71–76 (In Russian).

Revjakin A.I. (1956) Idejnyj smysl i hudozhestvennye osobennosti p'esy "Vishnevij sad" A.P. Chehova = Ideological meaning and artistic features of A.P. Chekhov's play *The Cherry Orchard*. Moscow: Uchpedgiz. OCR Biografia. Ru (In Russian).

Tolkovyj slovar' Ushakova. (1935–1940) = Ushakov's Explanatory Dictionary [electronic source]: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%85%D0%B0%D0%BC?ysclid=lhv5i4hirz996886021> (access date 22.10.23) (In Russian).

DWDS [electronic source]: <https://www.dwds.de/> (access date 05.04.23).

Deutsch-Russisches Wörterbuch dritter Band A-G/H.H. Biefeldt. (1987) Berlin: Akademie. 187 p.

DUDEN. (2003) Deutsches Universalwörterbuch, 5. Überarbeitete Auflage.

Kazimova S.A. (2023) Linguistic problems in theory and practice of literary translation. *Philological Sciences. Colloquium Journal*. No. 1/1 (60).

Kohlmayer R. (2013) Theorie und Praxis der Bühnenübersetzung im deutschsprachigen Theater. *Überblick und ein Beispiel. Mutatis Mutandis*. Vol. 6. No. 2.

Tschechow. *Der Kirschgarten*. — Diogenes. Berlin: 1994 (Übersetzung — Peter Urban).

Tschechow. *Der Kirschgarten*. Reclam. Leipzig: 1951 (Übersetzung — Johannes von Guenther).

Tschechow. *Der Kirschgarten*. Rütten & Loening. Zürich: 1964 (Übersetzung — Gudrun Düwel).

Tschechow. *Der Kirschgarten*. Verlag für fremdsprachige Literatur. Moscow: 1947 (Übersetzung — Hilde Angarowa).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Бойко Борис Леонидович — доктор филологических наук, профессор Военного университета Министерства обороны РФ. 123001, Москва, Большая Садовая ул., 14, стр. 1; borisboiko@gmail.com

Копылова Инесса Юрьевна — бакалавр Военного университета Министерства обороны РФ. 123001, Москва, Большая Садовая ул., 14, стр. 1; ineskakor51@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Boris L. Boyko — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. 14 bldg. 1 Bolshaya Sadovaya str., Moscow 123001, Russia; borisboiko@gmail.com

Inessa Y. Kopylova — Undergraduate Student at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. 14 bldg. 1 Bolshaya Sadovaya str., Moscow 123001, Russia; ineskakor51@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interest.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-39-51

ПОЭЗИЯ С. МАЛЛАРМЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Кочетков Петр Владимирович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: petr555667@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы перевода поэтического наследия французского поэта С. Малларме (1842–1898) на русский язык. Приводятся и сравниваются различные методы и системы перевода, различные переводческие подходы к передаче поэтики и стиля Малларме на русском языке. Трудности перевода рассматриваются как следствие оригинальности эстетической программы французского поэта, а также своеобразия его революционного подхода к языку. Рассматриваются и предлагаются варианты и способы разрешения основной переводческой проблемы, формулируемой как проблема поиска и создания внутри русской поэтической традиции языка, адекватного эстетико-философским и поэтическим исканиям французского поэта.

Ключевые слова: С. Малларме, проблемы перевода, французская и русская поэзия, символизм, модернизм

Для цитирования: Кочетков П.В. Поэзия С. Малларме на русском языке и проблемы перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 3. С. 39–51. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-39-51

Статья поступила в редакцию 03.06.2023;
одобрена после рецензирования 02.11.2023;
принята к публикации 20.11.2023.

STÉPHANE MALLARMÉ'S POETRY IN RUSSIAN AND TRANSLATION ISSUES

Petr V. Kochetkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: petr555667@yandex.ru

Abstract. The article regards the problems concerning the Russian translations of S. Mallarmé's (1842–1898) poetical works. Different methods and systems of translation, various approaches to rendering of mallarméan poetics and style are introduced and compared. The difficulties of translation are associated with the originality of the French poet's aesthetic program, as well as with the singularity of his revolutionary approach to language. Different variants and directions of resolving the main translation problem are taken into consideration, while the problem itself is formulated as a search for a language adequate to the aesthetic, philosophical and poetical pursuits of the French poet.

Keywords: Stéphane Mallarmé, problems of translation, French and Russian poetry, symbolism, modernism

For citation: Kochetkov P.V. (2023) Stéphane Mallarmé's poetry in Russian and translation issues. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22 Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 39–51. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-39-51

The article was received on June 06, 2023;
approved after reviewing received on November 02, 2023;
accepted for publication on November 20, 2023.

Проблема перевода творчества С. Малларме (Mallarmé, Stéphane; наст. имя Малларме, Этьен: Mallarmé, Étienne, 1842–1898) на русский язык имеет долгую историю и начинается в последние годы его жизни, когда поэт приобретает известность в России. Быстрому появлению первых переводов способствовало развитие русского символизма, и Малларме поэты этого направления переводили в одном ряду с Ш. Бодлером, П. Верленом, А. Рембо и др. Первоначальные переводы русских символистов касались, в основном, «раннего» или «среднего» («парнасского», 1860-е гг.) периодов творчества, периодов, чьим произведениям поэтический язык русской поэзии той эпохи ещё мог найти адекватный аналог. Что же касается наиболее поздних, наиболее «тёмных» и наиболее «революционных» произведений поэта — на тот момент почти все

© Kochetkov P.V., 2023

они выпадали из поля зрения. Поздний период творчества Малларме и до сих пор остаётся проблемой и большой трудностью для поэтического перевода.

Если вкратце пытаться описать историю переводов Малларме на русский язык, историю «русского Малларме»¹, то первыми переводческими опытами были опыты И. Анненского², поэтов русского символизма первого поколения (В. Брюсов, М. Волошин, Ф. Сологуб, Эллис) и их младших современников (Б. Лившиц, И. Эренбург). Как в статье, посвящённой теме взаимодействия русского символизма с французским, отмечает А. де ля Фортель, для русских символистов перевод являлся «тем плацдармом, на котором разыгрывается — через постоянную, подчинённую чётким закономерностям, деформацию французского текста — борьба за утверждение поэтической идентичности, отличной и очень часто враждебной оригиналу»³. Среди основных «закономерностей» исследователь отмечает такие, как использование слов с «насыщенной семантикой неопределённости и таинственности» (в то время как во французском оригинале используется лексика с более конкретным значением); появление «ярко выраженного эмоционального пафоса, лирических обращений, восклицаний, дейктических оборотов, вносящих в текст отчётливо субъективный оттенок» (в то время как французский текст предстаёт «эмоционально нейтральным, предельно свободным от субъективной интонации»). В приведённой статье исследователь анализирует переводческие стратегии И. Анненского (на примере его перевода «Разбитого колокола» (*La Cloche Fêlée*) Ш. Бодлера) и В. Брюсова (на примере перевода «Лебедя» Малларме), наглядно показывая, как в интерпретации русских переводчиков оригинал в обоих случаях становится более «субъективным», «романтическим» и, будучи для обоих французских поэтов «программным» текстом, приобретает почти полностью противоположный смысл.

---

¹ В наиболее полной на данный момент форме описанную в монографии Р. Дубровкина «Стефан Малларме и Россия». Bern; Berlin; Frankfurt on the Main; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1998.

² Сопоставлению поэтики Малларме с поэтикой Анненского посвящено большое количество работ. См. комментарий А.И. Червякова к письму Анненского к А.В. Бородине от 26 ноября 1908 г. в «Иннокентий Фёдорович Анненский: Материалы и исследования» / Под ред. А.И. Червякова. Вып. VIII, IX. СПб.: Галина скрипсит, 2009».

³ Здесь и далее цит. по: Forquenot de la Fortelle Anastassia. Шарль Бодлер и Стефан Малларме в переводах русских символистов. *Modernités Russes*, No. 17, 2018, pp. 139–147.

В основе подобного рода систематических «деформаций» де ля Фортель видит специфику развития русской поэтической традиции в конце XIX — начале XX в., указывая на прочность её «генетической связи с поэтикой романтизма» с присущими этой поэтике различными приёмами субъективации и лиризации высказывания. Как отмечает исследователь, «с этой точки зрения она оказывается во многом “чуждой и даже враждебной” моделям и образцам символизма французского», в котором «непоколебимые ценности эстетики романтизма... отходят на задний план», «на лиризм “надевается намордник”» и в котором «“я” предстаёт как другой» (Forquenot de la Fortelle, 2018: 147).

С систематическими «деформациями» подобного рода тексты Малларме трактовали не только В. Брюсов и И. Анненский (сделавший переводы «Дара поэмы» (*Don du Poëme*) и «Гробницы Э. По» (*Le Tombeau d'Edgar Poe*)), но и большинство переводчиков Малларме начала XX века (с большей или меньшей степенью «верности» оригиналу). Рассмотрим кратко ещё несколько примеров перевода «Лебедя».

В целом подходы к переводу произведений позднего творчества Малларме можно разделить на два основных направления (с различными промежуточными вариантами между ними): первое — направление «сюжетного» и лексико-тематического следования оригиналу, где от изначального текста сохраняется общее развитие лирического сюжета и лексические поля, но формальная структура и связанные с ней сложность, неоднозначность и двойственность сглаживаются или игнорируются (так что создаётся достаточно привычный для русской поэтической традиции текст, но с «маллармеанскими» образами, темами и мотивами); второе — направление более «буквалистского» характера, пытающееся передать в переводе всю «странность» оригинала, часто в ущерб ясности и благозвучности. В целом антагонизм между этими направлениями соответствует извечному переводческому антагонизму, лаконично сформулированному М.Л. Гаспаровым в статье «Брюсов и буквализм» (антагонизм между «вольным» и «буквалистским» переводом) (Гаспаров, 1988: 47–48).

Что касается «Лебедя», то к первому, «вольному», типу перевода можно отнести и перевод М. Волошина, чей текст, хотя и более стилистически «спокойный», чем перевод Брюсова, однако так же, в романтическом ключе, трансформирует исходную проблематику. Ко второму, «буквалистскому» — переводы М. Талова и И. Тхоржевского. Они представляют особый интерес, так как в них

текст, с одной стороны, семантически усложняется и приобретает несколько более сложную смысловую структуру, однако, с другой стороны, оба переводчика совершенно произвольно трактуют интонационную, коннотационную и экспрессивную сторону текста, стилистически остающегося совершенно нейтральным.

Таким образом, если бы мы захотели более или менее отчётливо представить себе оригинальный текст Малларме с его формальными, семантическими и эстетическими особенностями, мы не смогли бы довольствоваться лишь одним из перечисленных переводов. Нам, напротив, неизбежно пришлось бы иметь в виду все их сразу, чтобы, соединив в уме отличительные черты каждого (и желательно имея перед глазами ещё и историко-литературный комментарий, чтобы суметь отделить «маллармеанское» от «романтических» или каких-либо других привнесений переводчика), хотя бы отчасти воспринять всю специфику поэтической манеры Малларме.

Существуют, однако, и примеры другого типа, когда переводчику как будто удается сохранить «середину» между указанными путями. Таким примером может послужить перевод одного из поздних сонетов Малларме “Une dentelle s’abolit” (1887) Б. Лившицем («Отходит кружево опять»). В своём переводе Б. Лившиц пытается сохранить некоторый баланс между плавностью звуковой формы и «странностью» семантики, так что его перевод в целом можно рассматривать как пример более или менее удачной попытки «лавирования» между «Сциллой и Харибдой» (используя выражение М.Л. Гаспарова, который, впрочем, был «противником» «золотой середины» в переводе). Используемый Б. Лившицем переводческий метод, как и используемым им для перевода поэтический язык, вызывают ещё больший интерес, если взять во внимание особенности творческого пути самого переводчика (более или менее прямое влияние на его поэтику поэтического метода Малларме рассматривается, например, в статье П.Ф. Успенского (Успенский, 2012: 166–191).

Как в своей монографии, посвящённой истории восприятия творчества Малларме в России, утверждает Р. Дубровкин, после переводческих опытов Серебряного века творчество Малларме (по известным идеологическим причинам) долгое время оставалось вне поля зрения переводчиков (Vinogradova, 2001: 247). Однако присутствие Малларме даже в русской культуре начала XX века Р. Дубровкин называет «неоформленным» (Ibid.: 246), без прямых влияний или последователей. Как в рецензии на книгу Р. Дубров-

кина отмечает А. Виноградова, даже в эпоху символизма имя Малларме, как и переводы его произведений, появлялось в русской периодике крайне редко (Ibid.: 246). Несмотря на явный интерес к Малларме таких поэтов, как В. Брюсов и И. Анненский⁴ (Ibid.: 247) всё же «при символистах “первого поколения”... имя Малларме редко появлялось на страницах журналов *Новый путь* и *Золотое руно*, переводы его произведений были редки и фрагментарны»⁵ (Ibid.). Вторая, «теургическая» и религиозная, волна русского символизма вовсе «полностью отворачивается от Малларме»⁶ (Ibid.).

В своей монографии Р. Дубровкин ставит важнейшие для проблемы перевода творчества Малларме вопросы: «как подойти к этой маллармеанской поэтике, которая, во времена ещё первых контактов русской культуры с французским поэтом, была для русской поэзии революционной?... должен ли переводчик как-либо интерпретировать герметичный оригинальный текст, жертвовать усложнённым синтаксисом Малларме, чтобы его перевод был более ясным и доступным? Или может ли он переводить, свободно соединяя слова (не отдавая отчёта об объединяющих их синтаксических и грамматических связях) и надеясь, вслед за самим автором оригинала, что они “высветятся во взаимных отражениях подобно мнимой полоске огней на драгоценных камнях?”»⁷ (Ibid.: 247–248). По мнению Р. Дубровкина, «переводчики французского поэта в России до сих пор находятся в поиске того... что является залогом “победы”: идеального равновесия между “гармоничной формой и иллюзией ‘искажённого’ синтаксиса”»⁸ (Ibid.).

---

⁴ I. Annenskij considérait que Mallarmé était l'un des écrivains qui avaient exercé «l'influence la plus profonde» sur sa pensée.

⁵ ... à l'époque des symbolistes de la «première génération»... le nom de Mallarmé apparaissait rarement sur les pages des revues *Novyj put'* et *Zolotoe runo*, les traductions de ses poèmes étaient rares et fragmentaires.

⁶ Vient par la suite la deuxième vague, «théurgique» et religieuse, du symbolisme russe qui se détourne complètement de Mallarmé...

⁷ ... comment aborder cette poétique mallarméenne qui, au moment des premiers contacts de la culture russe avec le poète français, était révolutionnaire pour la poésie russe... le traducteur doit-il interpréter le texte original hermétique, sacrifier la syntaxe compliquée de Mallarmé pour rendre sa traduction claire et accessible? Ou peut-il traduire en réunissant librement les mots (sans tenir compte des liens syntaxiques et grammaticaux qui les unissent) et en espérant, à la suite de l'auteur de l'original lui-même, qu'ils s'éclaireront «de reflets réciproques comme une virtuelle traînée de feux sur des pierreries»?

⁸ les traducteurs du poète français en Russie sont encore à la recherche de ce qui... est le gage de la «Victoire»: l'équilibre parfait entre «la forme harmonieuse et l'illusion d'une syntaxe “altérée”».

Эти размышления поднимают, на наш взгляд, достаточно важную проблему в вопросе перевода наследия Малларме, связанную с неоднозначностью его положения в истории литературы и истории поэзии. С одной стороны, типологически он относится к школе «французского символизма», однако, как было показано в статье А. де ля Фортель, по своим целям и методам, и значит и по своему языку, символизм французский в значительной степени отличался от символизма русского. С другой стороны, Малларме, в своей поэтической теории и практике, являлся провозвестником, если уже не полноправным участником, нарождавшегося модернизма и даже авангарда, в то время как значительная часть деятелей русского символизма имели очень глубокие корни всё в той же романтической культуре века XIX. Таким образом встаёт вопрос: насколько правомерно пытаться выстроить аналогичный или хотя бы приближенный к маллармеанскому переводческий язык, опираясь в первую очередь на эстетику и поэтику, близкую к самому Малларме по времени, но далёкую и «отстающую» с точки зрения постановки поэтических проблем и способов их разрешения? Не была бы более продуктивной и релевантной (особенно если речь идёт о позднем периоде творчества) ориентация на образцы зрелого русского модернизма и авангарда, имеющего аналогии с соответствующими явлениями в Европе (особенно если учесть, что для перевода поэзии и в целом литературы модернизма необходимы средства и методы, в корне отличные от средств и методов при переводе произведений предшествующих эпох и направлений)?

Так, крайне актуальным для проблемы представляется привлечение поэтики и поэтического языка, например, зрелого О.Э. Мандельштама (периода 20-х годов). Между поэзией и даже «мыслью о поэзии» О. Мандельштама и Малларме уже проводились аналогии (Линкова, 2012). Хотя прямое влияние Малларме на поэтику О. Мандельштама могло ограничиваться лишь ранним периодом творчества, творческие искания О. Мандельштама и в более поздний период во многом соответствуют маллармеанским и по сути, и даже по форме. Так, в некоторых произведениях 20-х годов (например, «Я по лесенке приставной», «Я не знаю с каких пор») О. Мандельштам приходит к тому, что применительно к поэзии Малларме называют «поэтикой запинаний» (Schmelzer, 2018), характеризующейся, среди прочего, суггестивностью языка и неустойчивым, «шатающимся» ритмом. В стихотворении «Я по лесенке приставной» это ритмическое колебание соответствует на уровне

содержания антагонизму «гармонии/хаоса», основополагающему для поэтического мира Малларме.

Про этот антагонизм, а вместе с тем в целом про поэтические задачи Малларме, делающие его тексты столь сложными как для перевода, так и для восприятия, стоит сказать подробней.

Как об этом пишет Г. К. Косиков, Малларме «ясно и остро ощущал неустойчивый, текучий характер эмпирических явлений, не менее остро чувствуя в то же время и то, что они, вероятно, должны подчиняться каким-то подспудным закономерностям: “кажимость” внешнего мира можно преодолеть, двигаясь “в глубину вещей”, спускаясь “по лестнице человеческого духа” до тех пор, пока сознанию не откроется первопричина всего сущего... Первопричина всего, по Малларме, есть Материя — Абсолют, из которого всё рождается и в котором всё погибает, где нет индивидуально оформленных вещей, все противоположности взаимоуничтожены, не существует ни верха, ни низа, ни права, ни лева, ни прошлого, ни будущего, но есть лишь неизбывная самотождественность и бесконечное настоящее — Вечность, или Ничто — “ничто, которое есть истина”. “Истинность” Материи заключается для Малларме в том, что она вовсе не представляет собой бессмысленного хаоса, но, напротив, отличается высокой степенью внутренней организованности: в ней действуют бесконечные цепочки “причинных” связей, свидетельствующих о существовании некоей “непреложности”, “необходимости”, управляющей, миром и не дающей ему рассыпаться на бесчисленное множество осколков-феноменов... Человек — это самосознание материи (в этом его величие), донельзя эфемерное (в этом его ничтожество) и знающее об этой эфемерности. Маллармеанский человек оказывается в двойственном положении: с одной стороны, он целиком и полностью принадлежит Материи, вплетён в её цепочки-закономерности, с другой — эти цепочки настолько запутаны и сложны, что феноменальный мир в своей непосредственной данности представляется ему царством Случайности. В то же время, именно потому, что он наделён сознанием, человек в принципе способен проникнуть под покров феноменального мира и узреть Необходимость — структурные отношения, пронизывающие универсум и определяющие “место” любого индивидуального явления, события, вещи» (Косиков, 1993: 24–25). Таким образом, человек всё же должен стремиться к постижению и выражению «гармонии», и может он это делать в первую очередь через поэзию. Поэзия по Малларме призвана «дать орфическое истолкование Земли» (Малларме, 1995: 411), то есть выявить те неявные для вос-

приятия скрытые связи и «соответствия», которые сами по себе присутствуют в материи. Однако на практике каждый новый сонет Малларме, написанный в поздний период, оказывается посвящён скорее бесконечной рефлексии над самим процессом словесной фиксации «гармонии», с присущими ему бесплодностью и безысходностью, чем непосредственно её, гармонию, являет.

Таким образом, подходя к поэзии Малларме, переводчик сталкивается с исключительно сложной проблемой: как адекватно передать поэтический язык, столь осложнённый грандиозностью и «невыполнимостью» своей эстетической задачи? Кажется, что именно постановка, в самом тексте перевода, тех же проблем, а также следование тем же поэтическим и эстетическим принципам, которым следовал сам Малларме, и может стать для переводчика более или менее достижимой целью (в чём помочь ему может, как уже было сказано, опыт русского модернизма и авангарда, схожие проблемы и искания, например О. Мандельштама и др.)

В заключение предложим собственный взгляд на решение проблемы русского перевода одного из самых «тёмных» поздних произведений Малларме, соединяющего в себе многие основополагающие черты его эстетики и поэтики.

Речь идёт о сонете «À la nue accablante tu» (1892–1894). Приведём наш перевод полностью:

Туч тягостных для немоты
Низких базальтом и лавой
Даже и эхо без славы
Звуком рожка без чистоты

Какое крушение (ты
Пена, скрываешь, слюнявя)
Среди обломков что правит
Сбило мачту до наготы

Или то неистовством от
Нехватки смертельных высот
Бездны всей пустое крыло

В столь белом волосе над пеной
Должно быть жадно погребло
Утробу детскую сирены.

Как можно заметить, в этом переводе была предпринята попытка передать наиболее значимые и уже отмеченные черты поэтического стиля Малларме: «поэтику запинаний», колебание между «гармоничностью» и «хаотичностью» структуры, отсутствие яв-

ного референта, синтаксическую усложнённость и пр. Колебание ритмической структуры было достигнуто неустойчивым положением ударения при сохранении метрической основы. С точки зрения рифмы в первых двух строках перевод следует направлению М. Талова, однако местами более точно следует оригиналу. Рифма на «ав» оказалась тем более удачной, что соответствует исходнику даже по звучанию («слюнявить» является достаточно близким, хотя и неточным переводом глагола “baver” со значениями «брызгать, оплёвывать, пускать слюну»; с помощью «править» было переведено слово “suprême”, «высший»). С точки зрения синтаксиса и связей между словами, в переводе дана попытка «остранения» привычного синтаксиса с сохранением «логичности» внутри каждой отдельной строки. Во второй строфе особенную трудность представляла последняя строка, которую в конце концов удалось перевести конструкцией, непривычной синтаксически, однако, в этой непривычности косвенно отражающей «странность» в использовании глагольных форм у Малларме, заключающуюся в применении «абстрактных» глаголов к вещам материального мира (и таким «усиленно» материальным, как «обнажённая» мачта). В переводе результатом действия глагола, обозначающего действие физическое («сбивать»), является абстрактное состояние («нагота»). Достаточно «вольным» можно назвать перевод строки «Tout l’abîme vain éproué», переведённой как «Бездны всей пустое крыло». В данном случае при переводе был привлечён образ, выходящий за рамки самого произведения, но вполне актуальный для творчества Малларме периода написания сонета. Образ «крыла бездны» был почерпнут из поэмы «Бросок костей никогда не отменит случая» (*Un coup de dés jamais n’abolira le hasard*, 1897), где «Бездна... отчаянно парит... под наклоном... крыла... её собственное... заранее падает от невозможности набрать высоту»⁹ (пер. мой — П. К.) Перевод “flanc” как «утробы» (одно из возможных значений), как кажется, добавляет в текст дополнительный спектр значений и важных для Малларме тем, таких как слитность и взаимопереходность смерти и рождения, рождения и смерти (что усилено в том числе за счёт созвучности «погребения», «гроба» и «утробы»).

Для подведения итога всему вышесказанному, наиболее уместным кажется привести цитату из всё той же статьи М.Л. Гаспарова: «Перефразируя удачный образ С.С. Аверинцева в его “Похвале филологии”, мы можем сказать: цивилизация с цивилизацией зна-

⁹ «l’Abîme... plane désespérément... sous une inclinaison... d’aile... la sienne... par avance retombée d’un mal à dresser le vol».

комится так же, как человек с человеком: для того, чтобы знакомство состоялось, они должны увидеть друг в друге что-то общее; для того, чтобы знакомство продолжалось (а не наскучило с первых же дней), они должны увидеть друг в друге что-то необщее. Вот такой формой знакомства цивилизации с цивилизацией и является художественный перевод. На первых порах знакомства он отбирает для читателя те черты характера его нового знакомого — английского, латинского или китайского духовного мира, — которые имеются и в его собственном характере. А затем, когда первое знакомство уже состоялось, он раскрывает читателю характер его нового знакомого уже во всей широте и предоставляет самому читателю приспосабливаться к непривычным (а поначалу, может быть, и неприятным) чертам этого характера — если, конечно, читатель намерен поддерживать это знакомство и далее» (Гаспаров, 1988: 58–59). Остаётся выразить надежду, что читательское и переводческое знакомство с поэтическим наследием С. Малларме будет только поддерживать и углубляться, раскрывая всё новые и всё более «непривычные» грани «характера».

Список литературы

- Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 29–62.
- Дубровкин Р.* Стефан Малларме и Россия. Bern; Berlin; Frankfurt na M.; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1998.
- Косиков Г.К.* Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдора / Сост., общ. ред., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 5–62.
- Линкова Я.С.* «Друг друга отражают зеркала»: О.Э. Манделштам — русский Малларме? Вестник МГПУ. 2012. № 7. Т. 2.
- Малларме С.* Сочинения в стихах и прозе / Под ред. Р. Дубровкина. М.: Радуга, 1995.
- Малларме Стефан.* Стихотворения. Игитур. В переводе Романа Дубровкина. [Электрон. ресурс] / Р. Дубровкин, 2012. — Режим доступа: http://dubrovkin.imwerden.de/lib/exe/fetch.php/wiki:mallarme_v_perevodakh_romana_dubrovkina_2013_text.pdf
- Марков А.В.* Гностицизм и Стефан Малларме: об одном переводческом случае // Studia Humanitatis. 2020. № 3.
- Успенский П.Ф.* Механизмы русского футуризма: «Тепло» Бенедикта Лившица. М.: Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 166–191.
- Forquenot de la Fortelle Anastassia.* (2018) Шарль Бодлер и Стефан Малларме в переводах русских символистов. In: Modernités Russes. No. 17. Traduire la poésie, pp. 139–147.

Montbertrand G. (1987) “A la nue...’ ou le déshabillage d’un poème de Mallarmé”. *Nineteenth-Century French Studies*. Vol. 15. No. 3, pp. 285–301.

Schmelzer Felix K.E. (2018) (Neo) Platonic Thought in Saint John of the Cross and Stéphane Mallarmé. *Hipogrifo: Revista de literatura y cultura del Siglo de Oro*. Vol. 6. No. 2. 514 p..

Vinogradova A., Doubrovkine R. (2001) Stéphane Mallarmé и Россия. In: *Revue des études slaves*, vol. 73, fascicule 1, pp. 245–249.

References

Doubrovkine R. (1998) *Stephan Mallarme i Rossia = Stéphane Mallarmé and Russia*. Bern; Berlin; Frankfurt a. Moscow; New York; Paris; Wien: Peter Lang. (In Russian).

Forquenot de la Fortelle Anastassia. (2018) Charl Bodler i Stephan Mallarme v perevodah russkikh simvolistov = Charles Baudelaire and Stéphane Mallarmé translated by Russian Symbolists. In: *Modernités Russes*. No. 17. Traduire la poésie, pp. 139–147 (In Russian).

Gasparov M.L. (1988) Bryusov i bukvalizm = Bryusov and literalism. *Poetica Perevoda*. Moscow: Raduga, pp. 29–62 (In Russian).

Kosikov G.K. (1993) Dva puty frantsuskogo postromantizma: simvolisty i Lotreamon = Two ways of French Postromanticism: Symbolists and Lautréamont. *Poesia frantsuskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Maldorora*. Moscow: MSU, pp. 5–62 (In Russian).

Linkova I.S. (2012) “Drug druga otrazhaut zerkala”: O.E. Mandelshtam — ruskiy Mallarme? = “Mirrors reflect each other”: O.E. Mandelstam — Russian Mallarmé? *Vestnik MGPU*. No. 7. Vol. 2. (In Russian).

Mallarmé Stéphane. (1995) *Sochineniya v styhah i prose = Works in poetry and prose*. Pod red. R. Doubrovkina. Moscow: Raduga. (In Russian).

Mallarmé Stéphane. (2012) *Stihotvorenia. Igitur. V perevode Romana Doubrovkina = Poems. Igitur*. Translated by Roman Doubrovkine. [Elektron. resource] R. Doubrovkine. — Regime dostupa: http://dubrovkin.imwerden.de/lib/exe/fetch.php/wiki:mallarme_v_perevodakh_romana_dubrovkina_2013_text.pdf. (In Russian).

Markov A. V. (2020) Gnostitsizm i Stephan Mallarme: ob odnom perevodcheskom sluchae = Gnosticism and Stéphane Mallarmé: about one translation case. *Studia Humanitatis*. No. 3 (In Russian).

Montbertrand G. (1987) “A la nue...’ ou le déshabillage d’un poème de Mallarmé”. *Nineteenth-Century French Studies*. Vol. 15. No. 3, pp. 285–301.

Schmelzer Felix K.E. (2018) (Neo) Platonic Thought in Saint John of the Cross and Stéphane Mallarmé. *Hipogrifo: Revista de literatura y cultura del Siglo de Oro*, Vol. 6. 2. 514 p.

Uspenkiy P.F. (2012) Mechanizma ruskogo futurizma: “Teplo” Benedikta Livshitsa = Mechanisms of Russian Futurism: Benedikt Livshits’ “Teplo”. Moscow. *Voprosy Literaturny*. No. 3, pp. 166–191 (In Russian).

Vinogradova A., Doubrovkine R. (2001) Stéphane Mallarmé и Россия. In: *Revue des études slaves*, vol. 73, fascicule 1, pp. 245–249.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кочетков Петр Владимирович — магистрант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; petr555667@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Pyotr V. Kochetkov — Master's student at the Department of History of Foreign Literatures, Lomonosov Moscow State University; 1. Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia; petr555667@yandex.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-52-71

ЛИНГВИСТИКА ЦВЕТА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ И ПЕРЕВОДУ ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА¹

Кульпина Валентина Григорьевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: vgrkulpina@mail.ru

Аннотация. Актуальность. В статье речь идёт о лингвистике цвета как актуальном общем методе лингвистических исследований цветообозначений и как инструментарию их перевода как слов с цветовым компонентом. Проблемы перевода цветообозначений представлены в статье на фоне базовых теоретических положений лингвистики цвета как области современных лингвистических исследований. Лингвистика цвета характеризуется как активно разрабатываемая область лингвистических исследований с выделившимися направлениями и исследовательскими центрами и сформировавшимся кругом изучаемых проблем. Базовые положения лингвистики цвета анализируются в аспектах лингвистической прагматики как релевантные для практики перевода. Инструментарий лингвистики цвета рассматривается в опоре на лингвистическую колориметрию как собрание частных методик, способствующих пониманию и переводу текстов с цветообозначениями. Пониманию смысла терминов цвета и возможностям их перевода способствует установление их места

---

¹ Статья написана по докладу на юбилейной X Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Понимание в коммуникации». М., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 19–20 мая 2023 г. Организаторы конференции: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Лаборатория исследования проблем инфосоциальных технологий Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, Исследовательский комитет РОС «Социальная коммуникация, социальное участие и интерактивные масс-медиа». МГПУ, ГАУГН.

© Кульпина В.Г., 2023

в лексических системах и языковых картинах мира языков оригинала и перевода.

Результаты. Опыт изучения терминов цвета, обобщённый в лингвистике цвета и реализуемый через инструментарий лингвистической колориметрии, позволяет на основе методик сопоставительного анализа выработать способы перевода данного класса лексики. Результатом представленного в статье исследования является установление проблемных участков в текстах, содержащих термины цвета, описание проблем перевода, составление рекомендаций по устранению проблем и формированию в тексте транслята естественной языковой среды.

Выводы. Решению проблем перевода терминов цвета способствует инструментарий выявления этноцветовых предпочтений, созданный в недрах лингвистики цвета и сконцентрированный в рамках методик лингвистической колориметрии. Лингвистическая колориметрия, сформировавшаяся на основе положений лингвистики цвета, является полезным собранием методик и рекомендаций и действенным инструментом, способствующим практике понимания и перевода образной структуры лексических единиц с цветовыми компонентами.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, перевод, сопоставительный анализ, русский язык, польский язык

Для цитирования: *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета как ключ к пониманию и переводу образной структуры художественного текста // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3, 2023. С. 52–71. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-52-71

Статья поступила в редакцию 16.07.2023;
одобрена после рецензирования 06.11.2023;
принята к публикации 18.11.2023.

LINGUISTICS OF COLOR AS A KEY TO UNDERSTANDING THE FIGURATIVE STRUCTURE OF A LITERARY TEXT

Valentina G. Kulpina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: vgrkulpina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the linguistics of color as an urgent general method of linguistic research into color and as instruments of translation of texts containing terms of color (words with a color component). The problems of

such translation are presented in the article against the background of theoretic aspects of linguistics of color as a sphere of contemporary linguistic studies. The linguistics of color is represented as a widely elaborated sphere of linguistic knowledge which has its worked-out notable directions, research institutions and a range of investigating problems. The basic concepts of the linguistics of color are analyzed from the perspective of pragmatics and are embodied into the practice of translation. Linguistics of color's critical apparatus is considered on the basis of linguistic colorimetry as a collection of particular methods contributing to understanding and translation of texts with color terms. The comprehension of color terms and possibilities of their translation depend on determining their role in the lexical systems of both the source and target languages and their place in the linguistic worldviews.

Results. The experience of color terms research concentrated in the linguistics of color and embodied in the linguistic colorimetry's critical apparatus creates possibilities (on the basis of linguistic colorimetry methods and methods of contrastive analysis) for working out different ways of translating this lexical class. The results of the research consist in disclosure of complicated moments of texts with terms of color, the describing of translation's problems, the compiling of recommendations as to how to deal with the terms of color and eliminate the translation problems and create a natural linguistic environment in the translated text.

Conclusions. The elimination of translation problems can be reached by using critical apparatus of linguistic colorimetry. This apparatus of disclosure of ethnic color priorities and ethnic color inclinations was created in the linguistics of color and concentrated in the linguistic colorimetry. The linguistic colorimetry based on linguistics of color is a useful collection of methods and recommendations. It is an effective mechanism contributing to the practice of understanding and translation of the figurative structure of lexical units with color components.

Keywords: linguistics of color, term of color, translation, contrastive analyses, the Russian language, the Polish language

For citation: *Kulpina V.G. (2023) Linguistics of color as a key to understanding the figurative structure of a literary text. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal 3. P. 52–71. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-52-71*

The article was received on July 16, 2023;
approved after reviewing received on November 11, 2023;
accepted for publication on November 18, 2023.

В статье речь идёт о лингвистике цвета как актуальном общем методе лингвистических исследований цветообозначений и как инструментарию их перевода как слов с цветовым компонентом

(семой цвета). Проблемы перевода терминов цвета представлены в статье на фоне базовых теоретических положений лингвистики цвета как области современных лингвистических исследований. Лингвистика цвета характеризуется как активно разрабатываемая область лингвистических исследований с выделившимися направлениями и исследовательскими центрами и сформировавшимся кругом изучаемых проблем. Базовые положения лингвистики цвета анализируются в аспектах лингвистической прагматики как релевантные для практики перевода. Инструментарий лингвистики цвета рассматривается в опоре на лингвистическую колориметрию как собрание частных методик, способствующих пониманию и переводу текстов, содержащих цветообозначения.

1. Лингвистика цвета и её ключевые понятия как релевантные в плоскости перевода

Лингвистика цвета является областью и общим методом лингвистических исследований. Инструментарий лингвистики цвета опирается на лингвистическую колориметрию как собрание частных методик, способствующих пониманию и переводу текстов с цветолексемами.

Проблемы понимания и перевода цветолексем могут быть рельефно обозначены на фоне базовых положений лингвистики цвета как направления современных лингвистических исследований.

Пониманию смысла терминов цвета и возможностям их перевода способствует установление их места в лексических системах и языковых картинах мира языков оригинала и перевода.

Опыт изучения лингвокультур говорит о том, что цвет, процессы цветообозначения не являются кросскультурным явлением и в каждом языковом ареале характеризуются выраженной спецификой (Wierzbicka, 1999: 405–448).

Цветовая субстанция, будучи вербализована в категориях конкретного языка, становится частью его лексической системы и языковой картины мира, а точнее — лингвоцветовой картины мира. О том, что таковая есть, говорит то, что цветообозначения конкретного языка складываются в определённую лексическую парадигму данного языка, дополняя друг друга.

Хотя цвет не относится к универсалиям, в его языковом устройстве могут быть выделены определённые общеязыковые моменты. В одном из положений лингвистики цвета говорится, что цвет существует лишь в привязке к определённым объектам, которые в свою очередь группируются по тематическим зонам. Отсюда такая

характерная особенность цветовой картины мира, как её зональное устройство, предполагающее тематическое распределение терминов цвета по типам объектов цветообозначения. Это означает, что функционирование терминов цвета протекает в пределах этих зон в виде цветовых оппозиций. Цветовые зоны носят ярко выраженный антропоцентрический характер; это зоны внешности человека, характера человека, сферы чувств, зоны продуктов питания, окружающей природной и социосреды и ряд других (Кульпина, 2001).

Значимости в пределах цветовых зон устанавливаются в силу формировавшейся веками системы оппозиций. Так, к примеру, в русском языке в зоне цветообозначения глаз *карие глаза* составляют оппозицию к *голубым, серым, чёрным* и другим цветовым разновидностям глаз. В зоне цветообозначения волос элементами оппозиций являются *тёмные волосы, светлые, чёрные, каштановые* и др.

Принципиально важно, что значимости устанавливаются и распределяются исключительно в пределах тематических зон. Ведь не имеет какого-то языкового и экстралингвистического смысла объединение в одну группу и установление цветового тождества, к примеру, *синих глаз, синего моря, синих ночей и синей дали*. «Цветовая неидентичность» этих сущностей и невозможность их рассмотрения в пределах одной тематической группы очевидны. Конечно, синие глаза можно сравнить цветом неба и васильков — однако имея при этом в виду, что такое сравнение — это образный комплимент (но не знак принадлежности синих глаз к группе природных реалий или цветов).

2. Проблемы и трудности понимания и перевода цветолексем близкородственных языков

Могло бы показаться, что тексты близкородственных языков понятны (они же близкородственные!) и даже не нуждаются в переводе. Тем не менее, после предполагаемого периода общеславянской общности прошли века, и каждый из славянских языков пошел своим путём, развиваясь внутри себя и для себя. Отсюда понимание терминов цвета близкородственных языков и их перевод не представляются столь однозначными процессами, как это могло бы показаться на первый взгляд. Очертим возможные трудности и проблемы с адекватным пониманием и переводом терминов цвета близкородственного русскому польского языка.

Ни в текстах гуманитарных, ни технических наук понимание цветообозначений и их перевод не являются лёгкой задачей в силу разных причин. Именно в процессах перевода проступают про-

блемы понимания — что именно человек понимает, в какой степени понимает. Без понимания текста переводчиком, как известно, перевод не реализуем. Вместе с тем «перевод, рассматриваемый, оцениваемый, определяемый прежде всего как текст, вторичный в языковом плане, потому что основанный на оригинале, функционирует независимо от этого признака. Именно напряжение между этими двумя признаками определяет его статус как специфического типа коммуниката» (Lewicki, 2017: 350).

Профессиональные возможности и качества переводчика формируются на базе глубокой информированности о единице перевода, что характеризует современный подход к процессу перевода: «Важнейшим оказывается вопрос о построении единой системы знаний для каждой единицы перевода, включающей как привычные структурированные определённым образом данные, содержащиеся в классических для перевода ресурсах (словари, энциклопедии, лингвистические корпуса, общие и корпоративные базы данных и т.п.), так и неструктурированные, поступающие из множества сайтов, социальных сетей, блогов, переводческих форумов, общения с коллегами, корпоративных архивов, документов, средств массовой информации и пр.» (Гарбовский, 2018: 38). При этом множественность данных должна сложиться в некую целостность — в силу системного характера устройства цветообозначения в языке и системной обработки информации в процессах перевода: «Системологическая парадигма науки о переводе строится на основе синтеза множества данных, воспринимаемых как нечто целое» (Гарбовский, 2015: 14).

Термины цвета составляют отдельные единицы перевода. О единицах перевода на материале русского и польского языков написано немало работ. Так, А. Богуславски посвятил этой проблеме раздел своей монографии «Основы конфронтативной переводной лингвистики» (Bogusławski, 2013: 111–128). Однако термины цвета в качестве единиц перевода им и другими польскими исследователями отдельно не рассматривались. В то же время выделение таких представляется актуальной проблемой в свете несомненной специфики семантической структуры этого лексического класса и транслятологических возможностей. Нашим стремлением было формирование лингвистического и экстралингвистического пласта информации о каждой такой единице на основе разнообразных источников — системно-лексикографических, текстовых и корпусных данных, с привлечением ряда других с целью перехода от теоретических положений лингвистики цвета к практике их перевода.

Занимаясь переводом цветообозначений какого-либо конкретного языка, необходимо осознавать, что таковые неодинаково, по-разному важны для носителей данного языка. Определённым языкам и культурам присущи какие-то характерные предпочтения в сфере цвета. А эти предпочтения в свою очередь могут сказываться на возможностях понимания иноязычного текста. Цвета вербализуются данным языком, живут в мироощущениях языковой личности. Этноцветовые приоритеты народа, говорящего на данном языке — это реальность (Кульпина, 2019) — они часть культуры, особого мировидения народа. Выступая в определённой концентрации, они могут вызывать ощущение диссонанса, непонимания и неуместности у носителей другого языка, они трудны для перевода и требуют особого внимания переводчика.

3. Цветовые предпочтения и их проявления в языке и культуре

За цветовыми предпочтениями в лингвистике цвета закрепилось название *этноприоритетных цветов*. При этом самый любимый цвет данного народа получил название *этноцвет*. Среди проявлений цветовых предпочтений прежде всего следует назвать повышенную употребительность в польскоязычном ареале (с точки зрения носителя русского языка) *термина зелёного цвета* (польского этноцвета). Эта особенность польской цветовой картины мира с достаточной рельефностью проявилась в творчестве польского поэта Константы Галчиньского. Так, придуманный Галчиньским театр был назван им Zielona Geś — букв. ‘Зелёная гусыня’. Сам себя Галчиньский в одном из стихотворений неоднократно называет zielony Konstatnty ‘зелёный Константы’, свою супругу — zielona Natalia ‘зелёная Наталья’. Переводчиком его поэзии — Давидом Самойловым эта склонность к зелёному цвету отмечается как индивидуальная черта его поэтического почерка. Однако есть основания полагать, что привязанность К. Галчиньского к зелёному цвету — это не прихоть мастера слова, но проявление любви к нему польского народа, в том числе и Галчиньского как сына его (см. подробнее: (Кульпина, 2001; Кульпина, 2008: 122–124)).

Столь же необычно для польских переводчиков русской поэзии выглядит обилие *синего/голубого цвета* у поэтов, пишущих на русском языке, например, у Сергея Есенина как следствие приверженности поэта любимому цвету русского народа (его этноцвету). Может, наверное, подуматься — как же не любить синий/голубой цвет, это же так естественно под любимыми широтами. Однако у других

народов цветковые приоритеты нередко иные. Стремясь привести цветовосприятие поэтики Сергея Есенина в соответствие с цветовой картиной мира носителя польского языка, польские поэты-переводчики нередко опускают *термин голубого/синего цвета* там, где его употребление ощущалось бы их соотечественниками как чрезмерное и неадекватное (см.: (Кульпина 2008: 101–140)) или дополнительно эстетизируют текст (Кульпина, 2015: 370–377) за счёт эстетически маркированных замен голубому/синему цвету. В цветовой картине мира Есенина есть *синее счастье* (в других языках такого счастья нет), *голубой день*, *синий вечер*, *синяя ночь*. Переводчик его поэзии встаёт перед непростой задачей увязать цветовосприятие, в силу языковой традиции закрепившееся в польском языке (как языке перевода), с таковым в русской лингвокультуре и выраженном в есенинском оригинале. Очевидно, что у многих художников слова можно встретить «нестандартные» с точки зрения носителя другого языка цветоупотребления. Так, у Велимира Хлебникова фраза «Будет небо голубó!» (СЯРП, II: 131) означает надежду на хорошее, и эти особые смыслы выражены с помощью голубого цвета. Олег Газманов поёт: «Мне хочется белого снега, морозного синего дня...». Хорошее, красивое нашло у Газманова воплощение в *синем дне*.

Особенно много свидетельств любви к этноцвету в поэзии, однако этносклонности проявляются и в предпочтениях вещных, в предпочтительности артефактов такого цвета. Когда по телевидению демонстрируют польский сейм, можно наблюдать цвета его интерьера с различными оттенками зелёного цвета. Мужчины в России не склонны носить галстуки зелёного цвета, а у польских мужчин такой цвет галстука вполне в ходу. Вполне материальными проявлениями этноцвета можно считать сиденья в Государственном Кремлёвском дворце эталонного василькового цвета, заставки на телевидении, например, на канала Россия, синего/голубого цвета. А галстуки мужчины у нас в стране любят синие, с синими полосками, пиджаки и костюмы — тоже синие или серо-голубые. Могло бы показаться, что так и у всех других народов, но это не так.

И таким образом, существует *этноприоритетный цвет* — сокращенно *этноцвет*, самый любимый данным этносом, и при этом доставляющий проблемы переводчикам. Этноцвет не следует путать с *национальными цветами* — то есть с *государственной символикой*. Это совсем другой пласт приоритетов, находящийся проявления прежде всего в общественной жизни страны, государства. Каждый переводчик владеет знанием этой символики, и ни-

когда не перепутает сочетание полос на флажке, стоящем на месте, предназначенном для его делегации.

Наряду с каким-то самым любимым (этноприоритетным) для данного этноса цветом (этноцветом), в каждом языке есть и ряд других цветов, составляющих этноцветовую гамму данной лингвокультуры, на что в своё время обратили внимание Б. Берлин и П. Кей в своей известной книге «Основные цветообозначения. Их универсальность и эволюция» (Berlin, Kay, 1969). Эти авторы предприняли попытку определить, каковы они, эти основные, базовые цвета. Исследовательская практика показывает, что их количество и состав разнятся от языка к языку, но по количеству как базовый костяк могут быть выделены 10–11 цветов. Поскольку цвета эти для разных языков не идентичны, а их «спектральные границы» не совпадают, то и в этой группе цветообозначений — так наз. **этно-релевантных цветов** (Кульпина, 2001) возникают проблемы с их осмыслением и переложением на другой язык.

Среди цветовых предпочтений каждой лингвокультуры отдельного внимания — в силу своей эвентуальной непонятности и переводческих трудностей, требуют к себе **этноспецифические цветообозначения**, встречающиеся только в данном языке и начисто отсутствующие в концептосфере языка сопоставления. Таковы, например, цвета польского языка *wrzosowy* ‘вересковый’ и *amarantowy* ‘амарантовый’ (‘тёмно-розовый’), *piwny*: «о глазах, их цвете, карие с жёлтым оттенком, таком как пиво» (USJP 3: 157); цвета **рябиновый, сиреневый, брусничный, малиновый** русского языка.

Этноспецифические цветообозначения, относящиеся к группе безэквивалентной цветолексики, отсутствующей в языке перевода, вызывают особые проблемы с их транспозицией в язык транслята.

Установление их цветовых значимостей и семантических пределов само по себе, без активных поисков переводного эквивалента, необязательно обеспечит адекватность перевода. На буквальный перевод тем более не стоит полагаться. Так, если польские *sarnie oczy* — букв. ‘глаза серны’ мы так и переведём — с сохранением внутренней формы, то в полученном тексте перевода может произойти определённая деформация смысла, ведущая к утрате достоверности транслята, так как в оригинале имеются в виду не глаза животного, а размер и цвет глаз человека: «большие карие глаза» (USJP 3: 1227).

Проблема с переводом этноспецифических цветов нередко может быть решена путём отхода от внутренней формы такого типа цветообозначений, базирующихся на эталоне-стереотипе какого-то цвета (*рябина, брусника*), и подстановки похожих по цветово-

му наполнению эстетически маркированных цветообозначений, к примеру, на линии *малиновый — амарантовый*. Характеристика цвета может быть дана в описательном плане: w kolorze jarzębiny ‘цвета рябины’ или через сравнение: w takim kolorze, jaki ma jarzębina ‘такого цвета, как у рябины’.

Стилистические проблемы перевода нередко бывают связаны с непереложимостью ряда цветолексем на другие языки в аналогичной оригиналу стилистике. Такие проблемы возникают в силу неодинакового места, занимаемого этими лексемами в системах языков оригинала и перевода. На фоне этноязыковых предпочтений возникает необходимость обозначить *стилистическую не-нейтральность* этноприоритетных и этнорелевантных цветообозначений. Так, *термины синего/голубого цвета* в русском языке художественной литературы, особенно поэзии, стилистически не нейтральны, выполняя фактически функцию эпитета. См. эти проявления не-нейтрального, особенного в названиях стихотворений у Сергея Есенина: «Голубая кофта, Синие глаза»; «Вечером синим, вечером лунным», «Синий туман, снеговое раздолье». В последнем названии его этническое звучание и особая стилистика подчёркиваются ещё и словом *раздолье*. Такого рода лексемы с пространственной семантикой типа *ширь, даль, простор, раздолье* и др. под. в русском языке являются характерной частью картины мира русского языка и картины свободы, вызывая ощущения несквозности, нестеснённости (Шмелев, 2005: 60–63; Шмелев, Левонтина, 2005: 65–67). Ощущение не-нейтральности *синего/голубого терминов цвета*, наличия в их интенционале поэтико-романтической и эстетической информации, у польских переводчиков явно возникает и находит в переводе нетривиальные решения.

Особым проявлением этноцветовых предпочтений являются порождаемые окружающей действительностью *новые термины цвета*, формирование которых протекает в каждом языке «своими путями» (см., например, формирование в русском языке терминов *цвет хурмы* (Сивова, 2003: 99–102)) и *цвет цикория* (Сивова, 2022: 471–481), не имеющих аналогов в польском языке. Они требуют тщательного анализа по выявлению цветовой значимости и старательных поисков адекватного эквивалента.

Хотя благоприятнейшей почвой бытования этноцвета является художественный текст, и прежде всего — поэтический, тем не менее, его проявлений немало в разговорной речи, в публицистических, рекламных и другого типа текстах, способных послужить в том числе формированию новых терминов цвета.

Выражение в процессах перевода феномена этноцвета: этно-приоритетных и этнорелевантных цветообозначений, а также этноспецифических цветообозначений, относится к непростым проблемам перевода и требует от переводчика особого переводческого чутья, понимания особого места этих лексем в картине мира переводящего языка.

4. Решение проблем перевода терминов цвета через инструментарий лингвистики цвета

Лингвистическая колориметрия позволяет на критериальной основе выявлять особые с точки зрения перевода типы цветообозначений и обозначать алгоритмы их перевода. Среди методик лингвистической колориметрии по выявлению цветовых предпочтений важное место занимает сопоставительная методика, внутри- и межъязыковая.

Критерии определения этноцвета были выработаны на материале русской и польской лингвокультур (см. (Кульпина, 2001; Кульпина, 2018: 304)), однако они достаточно универсальны для тех языков, в которых вообще имеет место цветообозначение. Главный критерий, вокруг которого осциллирует масса других — это широта распространения (включая частотность употребления) этноцвета, воспринимаемая носителями иных лингвокультур как чрезмерная в силу охвата данным термином цвета сущностей, которые в других языках могут не быть цветом обозначены, то есть не подлежать цветообозначению. Под широтой распространения этноцвета имеется в виду в том числе его использование в самых разных сферах коммуникации и в неожиданных для представителей других лингвокультур функциях и ракурсах (см.: *голубые города*, *синие ночи* в русском языке, *zielone pose* ‘зелёные ночи’, *zielone morze* ‘зелёное море’ в польском языке), охват абстрактных сущностей (*голубая мечта*), а также использование для цветообозначения родины (*голубая Русь* у Сергея Есенина); *zielona ojczyzna* ‘зелёная родина’ (о Польше у Киприана Норвида); активное формирование неологизмов (*круглосинья вода* у Велимира Хлебникова) и ономастических структур (*Синегорск* (город), *Синьково*, (деревня в Подмоскowie), *синеглазка* (сорт картофеля), *Zielona Góra* ‘Зелёна-Гура’, *Zielone Świątki* (букв. ‘Зелёные праздники’) праздник Троицы.

При переводе цветообозначений вопросы множатся, в том числе потому, что «границы» цветов в разных языках, этот как бы закрашиваемый» каждой цветолексемой (пусть даже практически

идентичной по внутренней форме) сегмент цветового спектра, не совпадают по языкам. Эти несовпадения границ могут быть продемонстрированы на примере польского термина цвета *fioletowy* ‘фиолетовый’,

В толковых словарях польского языка представлена обширная экземплификация употребления этого цветообозначения в характерной атрибутивной функции, демонстрирующая широту его семантического диапазона: “Polana była pełna fioletowych wrzosów. Był fioletowy ze złości. Fioletowe niebo” (USJP 1: 910) ‘Поляна была полна фиолетового вереска. Был фиолетовым от злости. Фиолетовое небо’. Для данного термина цвета в польском языке характерны разные частеречные реализации: “Macierzanka kwitnie fioletowo” (USJP 1: 910) ‘Чабрец цветёт фиолетово’; “niebo fioletowiało” (SWJP: 254). ‘небо *фиолетовело’) ‘небо лиловело’².

Лингвистическая колориметрия, накопившая опыт анализа разных типов межъязыковых лингвоцветовых расхождений, помогает выявить такие несовпадения в *широте охвата цветового сегмента* спектра. Примером таких несовпадений «цветового зренья» россиян и поляков может послужить текст польской песни «Fioletowe groszki do sukienki» ‘Фиолетовый душистый горошек к платью’ на слова Станислава Вернера и музыку Антония Шалиньского (Bednarowicz, Werner: 373–375). Текст песни показателен для обсуждаемой тематики; поэтому для наглядности он будет сопровождаться буквальным переводом термина цвета *fioletowy* как ‘фиолетовый’.

Уже со второй строчки у русскоязычного читателя может возникнуть ощущение диссонанса при словосочетании *fioletowych oczu twoich cień*, ‘фиолетовых глаз твоих тень’. Ведь в русском языке *фиолетовых глаз* не бывает, в том числе в поэтическом дискурсе, а распространённым, эмоционально окрашенным, устойчивым эпитетом, комплиментом для глаз являются *синие глаза* (или *чёрные глаза*). Сочетание *фиолетовые глаза* в ареале русского языка выглядит *крайне необычно* даже для привыкшего к поэтическим вольностям читателя. В то же время примеры из Национального корпуса польского языка (НКJP) говорят о том, что такой цвет глаз

---

² Перевод *fioletowiało* как ‘лиловело’ не нарушает сочетаемости русского языка (в котором нет лексемы *фиолетоветь) и не вызывает ощущения диссонанса — благодаря замене глагольной цветолексемы польского языка русской лексемой с несколько иной цветовой значимостью, но также цветовой. Такого типа замены, произведённые с целью «встраивания» цветолексемы оригинала в язык перевода, неизбежны.

пребывает в пределах польской лингвокультурной нормы. См.: (1) «W oczach czarodziejki zapłonął fioletowy ogień» ‘В глазах волшебницы запылал фиолетовый огонь’ (из художественного текста);

Как явствует из примеров выше, цветоопределение глаз как *fioletowe* ‘фиолетовые’ в польском языке не неологично, а вполне помещается в пределах лингвокультурной нормы, и звучит оно для польского уха, в том числе и в нижеприведённом тексте, вполне естественно. См. далее выделенные полужирным курсивом «нестандартные» для носителя русского языка употребления термина фиолетового цвета.

Nie chcesz róż od lotnika? ‘Не хочешь роз от лётчика?’

Zgoda! ‘Ладно!’ (...).

Nie przyjęłaś storczyka? ‘Ты не приняла от меня орхидею?’

Szkoda. ‘Жаль’.

Ale to musisz przyjąć ode mnie. ‘Но это ты должна принять от меня’.

Fioletowe groszki do sukienki, ‘Фиолетовый душистый горошек к платью’,

fioletowych oczu twoich cień, ‘*фиолетовых глаз* твоих тень’.

dla kapryśnej *fioletowej pani* ‘для капризной *фиолетовой барышни*’

fioletowy aż do zmierzchu dzień ‘*фиолетовый до самых сумерек день*’.

Fioletową taksówką z postoju ‘На фиолетовом такси со стоянки’

do kawiarni cię wezmę na krem. ‘в кафе заберу тебя на кремовый десерт’.

Fioletowo, znaczy to: we dwoje, ‘*Фиолетово*, это значит: вдвоём’,

bardziej razem niż słońce z dniem. ‘больше вместе, чем солнце с днём’.

Как вытекает из текста песни, внешность человека (весь человек) может характеризоваться в польском языке через термин фиолетового цвета, см.: «*fioletowa pani*» ‘*фиолетовая барышня*’. Такая возможность подтверждается и примерами из «Национального корпуса польского языка» (НКЯ): “Aż pewnego dnia poprosiłem o lustro i nie poznałem siebie. Byłem fioletowy jak śliwka...” (из публицистического текста) ‘И вот как-то раз я попросил зеркало и не узнал себя. Я был фиолетовый как слива’. В русском языке для характеристики внешности человека, перенёсшего болезнь (видимо, о такой ситуации идёт речь в примере из польского корпуса) практически наверняка не был бы употреблён термин фиолетового цвета, но, возможно, вид человека охарактеризовали бы с помощью цветообозначений *бледный* или *зелёный*. Примечательно, что в тексте польской песни термин фиолетового цвета служит показателем прекрасного внешнего вида девушки, а в примере из публицистики, напротив, нездорового вида. Такая экземплификация позволяет сделать вывод, что амплитуда употребления термина фиолетового

цвета в польском языке весьма широка, вплоть до характеристик сущностей-антиподов.

В русском языке ни для характеристики здорового внешнего вида, ни нездорового фиолетовый цвет не применяется. Отсюда задача переводчика осуществить перевод на русский язык в пределах цветовой нормы русского языка, чтобы избежать излишней — непонятной и ненормативной — экзотизации переводного текста.

Стоит обратить также внимание, что термин фиолетового цвета в приведённом выше тексте песни употреблён для обозначения времени суток — *дня*, см.: *fiioletowy aż do zmierzchu dzień* ‘*фиолетовый* вплоть до сумерек *день*’. Вместе с тем польский корпус (НКЯ) демонстрирует возможности употребления этого термина для обозначения другого времени суток — сумерек. См.: “*Odłożył słuchawkę. Była za kwadrans ósma, na dworze gęstniał fiioletowy mrok*” ‘Он положил трубку. Было без четверти восемь, за окном густели *фиолетовые сумерки*’.

И таким образом, в польском языке термином фиолетового цвета могут быть обозначены как день, так и сумерки. В русском языке для обозначения времени суток термин фиолетового цвета не применяется. Как средство образной номинации времени суток в русском языке может выступать термин синего цвета. Примечательно, что, выступая в аналогичной функции, он не менее «растяжим» и диффузен, как и польский *fiioletowy*, и может обозначать как день, так и вечер и ночь. В свете этой растяжимости и диффузности — как же всё-таки перевести сочетание *fiioletowy dzień* ‘фиолетовый день’ на русский язык? Если, к примеру, дать этому польскому сочетанию эквиваленты *розовый*, *голубой* или *синий день*, то такие сочетания русского языка не вызовут эффекта отторжения и будут звучать вполне достоверно — несмотря на преобразование концептологической сущности термина фиолетового цвета. О преобразовании концептов в переводе (в данном случае, цветовых) и о категории достоверности как исключительно значимой транслятологически см.: «Концепты, родившиеся в одной языковой культуре, в результате их перевода в другую культуру преобразуются. Именно достоверность определяет степень соответствия представлений о некоем явлении в оригинале и в переводе» (Гарбовский, 2018: 39).

На основании представленной широкой экземплификации может быть сделан вывод, что цветообозначение *fiioletowy* в польском языке широкозначно и чрезвычайно романтично. Его русский коррелят *фиолетовый* не имеет таких коннотаций. Характерно, что

в лексикографии русского языка словарные статьи на это цветообозначение не назовёшь обширными (СО, БТС, МАС). Более того, в «Большом универсальном словаре русского языка» (БУС) такое цветообозначение отсутствует как таковое. Очевидно также, что с точки зрения носителя русского языка польские цветообозначения *fioletowy* диффузно, функционально «заходит» на те сферы, которые в русском языке покрываются терминами цвета *розовый, лиловый, голубой, синий, фиолетовый*.

Таким образом, на примере лексемы *fioletowy* польского языка можно наблюдать широкий зазор вариативности в её переводе на русский язык, что в целом подтверждает вариативность как имманентное свойство перевода, о чём пишет Р. Левицки: «Исходя из отрицания трактовки переводческой деятельности как поиска идеального перевода, каждый перевод признаётся иноязычным вариантом оригинала. (...). Отсюда вариативность есть присущее переводу свойство, состоящее в реальном или потенциальном существовании разных переводов одного и того же оригинала на данный язык» (Lewicki, 2017: 352). Определённое поле вариативности связано с особенностями переводческой деятельности как таковой, которую К.С. Карданова-Бирюкова рассматривает как «слабоалгоритмизируемый процесс» (Карданова-Бирюкова, 2015: 243), отсюда переводчику отводится роль центрального звена переводческой деятельности, «поскольку именно от его решений зависит то, каким будет конечный продукт перевода» (Там же: 244).

5. Заключение

Перевод цветообозначений чреват рядом проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации. Среди таковых значимым является несовпадение границ цветообозначений по языкам, когда цветообозначением охватывается неодинаковый сегмент спектра. При этом характерно, что не совпадают с таковыми в русском языке могут цветовые границы любого иноязычного термина цвета, в том числе термина-интернационализма. Такой тип межъязыковой асимметрии наблюдается в том числе у коррелирующих основных цветообозначений (как это имеет место при переводе цветообозначения *fioletowy* польского языка, аналогичного русскому по фонетико-фонологическому составу и внутренней форме). Поэтому для обеспечения адекватного, достоверного, перевода важно определить, какой сегмент спектра термин цвета охватывает с точки зрения носителя русского языка, каковы пределы его цветового варьирования.

Особенное, нестереотипное в цветовосприятии другого народа, в данном случае близкородственного, имеет множество проявлений. Лингвистика цвета помогает пролить свет на причины и истоки содержащихся в тексте оригинала нестереотипных с точки зрения носителя целевого языка моментов, осознать их значимость и найти пути устранения диссонансов в цветовосприятии разных лингвокультур.

Инструментарий лингвистики цвета, сконцентрированный в рамках методик лингвистической колориметрии, позволяет установить место термина цвета в системе данного языка и его языковой картине мира. Среди таких методик прочное место занимает сопоставительная методика и выработанные в лингвистике цвета критерии, благодаря которым удаётся выявить цветовые этноязыковые предпочтения (этноприоритеты) анализируемых лингвокультур. Понимание и осмысление особого статуса цветолексем переводимого оригинала позволяет найти коррелирующую по смыслу лексему в целевом языке и тем самым (путём устранения моментов диссонанса и непонимания, нередко через имплантацию элементов дополнительной эстетизации) переведённый текст преобразуется в доступный и достоверный.

Адекватность и достоверность перевода цветообозначений являются равнодействующей системологического подхода к устройству цвета в языках оригинала и перевода с учётом всей совокупности ресурсных данных о единице перевода, при этом информированность переливается в опыт и интуицию переводчика, его вкус, такт, чувство меры и пропорций. Таковы направления мысли о цвете и его отражении в переводных текстах.

Список литературы

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. и сост. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Гарбовский Н. К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3–20.

Гарбовский Н. К. Перевод: *cognitio* и *communicatio* в эпоху «больших данных» // Когнитивные исследования языка / Ред. серии Н.Н. Болдырев. Вып. XXXIV. *Cognitio* и *communicatio* в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2018 года; Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. С. 37–40.

Карданова-Бирюкова К.С. Глава 5. Принципы конструирования деятельностиной модели перевода (аутопоэтический подход) // Сулейманова

О.А., Карданова-Бирюкова К.С., Лягушкина Н.В., Беклемешева Н.Н., Трухановская Н.С. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий: Комплексный анализ переводческого процесса. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 208–248.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

Кульпина В.Г. Проблемы и закономерности перевода этноприоритетных классов лексики (русско-польская традиция) // Ментальность. Коммуникация. Перевод: Сб. статей памяти Федора Михайловича Березина (1931–2003) / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исследований; Отд. языкознания; Отв. ред. и сост. Раренко М.Б. М., 2008. 280 с. (Серия: Теория и история языкознания). С. 104–140.

Кульпина В.Г. Приём эстетизации терминов цвета при переводе поэтических текстов // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы Международной научной конференции. Салоники, 29 апреля — 3 мая 2015 г. / Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова (электронное издание). М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 370–377.

Кульпина В.Г. Значение лингвистики цвета в экспликации когнитивных механизмов этноменталитета // Когнитивные исследования языка / Ред. серии Н.Н. Болдырев. Вып. XXXIV. *Cognitio* и *communicatio* в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2018 года; Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. С. 301–304.

Кульпина В.Г., Сивова Т.В. Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь» // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 64. М.: МА КС Пресс, 2023. С. 26–54.

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 64–75. (Язык. Семиотика. Культура).

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

Сивова Т.В. Цвет хурмы в концептосфере русского языка: от оранжево-красного к вкусному цвету переспелой хурмы // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. трудов. Вып. 4 / Науч. ред. Г.Г. Молчанова. М.: КДУ, 2003. С. 99–102.

Сивова Т.В. Цвет цикория в цветовой концептосфере языка: от голубого и коричневого к цвету цикория // Неофилология. 2022. Т. 8. № 3. С. 471–481.

СО — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1987. 797 с.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. М.: ЯС К, 2001–2015. Т. I–VI. (*Studia philologica*).

Шмелев А.Д. Широга русской души // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 51–63. (Язык. Семиотика. Культура).

- Berlin B., Kay P.* (1969) Basic color terms. Their universality and evolution. Berkeley — Los Angeles: California University Press. 178 p.
- Bogusławski A.* (2013) Podstawy konfrontatywnej lingwistyki przekładowej. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM. 287 p.
- ISJP — Inny słownik języka polskiego PWN (2000) V 2 vol. Red. nac. Mirosław Bańko. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN.
- Lewicki R.* (2017) Zagadnienia lingwistyki przekładu. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 362 p.
- NKJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego; режим доступа: 09.06.2023.
- USJP — Uniwersalny słownik języka polskiego (2003) V 4 vol. Pod red. Stanisława Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Werner S.* (1965) Fioletowe groszki do sukienki. Żołnierska rzecz. Zbiór pieśni wojskowych. Wybór i opracowanie Jędrzej Bednarowicz, Stanisław Werner. Warszawa, (444 p.), pp. 373–375.
- Wierzbicka A.* (1999) Znaczenie nazw kolorów i uniwersalia widzenia. Wierzbicka A. Język — umysł — kultura. Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, pp. 405–448.

References

- Berlin B., Kay P.* (1969) Basic color terms. Their universality and evolution. Berkeley — Los Angeles: California University Press. 178 p.
- Bogusławski A.* (2013) Podstawy konfrontatywnej lingwistyki przekładowej. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM. 287 p. (In Polish).
- BTS Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka (1998) = Large explanatory dictionary. Gl. red. i sost. S.A. Kuznecov. Sankt Petersburg: Norint. 1536 p. (In Russian).
- Garbovskij N.K.* (2015) Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy = Systemological model of translation science. Transdisciplinarity & the system of scientific knowledge. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 3–20. (In Russian).
- Garbovskij N.K.* (2018) Perevod: cognitio i communicatio v epohu "bol'shikh dannyh". Kognitivnye issledovaniya yazyka. Red. serii N.N. Boldyrev. Issue XXXIV. Cognitio i communicatio v sovremennom global'nom mire: materialy VIII Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike 10–12 oktyabrya 2018 goda. Otv. red. vypuska L.A. Manerko. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova: Neolit, pp. 37–40. (In Russian).
- ISJP — Inny słownik języka polskiego PWN: v 2 vol. (2000) Red. nac. Mirosław Bańko. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN. (In Polish).
- Kardanova-Biryukova K.S.* (2015) Glava 5. Principy konstruirovaniya deyatel'noj modeli perevoda (autopoeticheskij podhod) = The principles of construction of active model of translation (autopoetic approach). Sulejmanova O.A., Kardanova-Biryukova K.S., Lyagushkina N.V., Beklemesheva N.N. Truhanovskaya N.S. Lingvisticheskie teorii v interpretacii perevodcheskih strategij: Kompleksnyj analiz perevodcheskogo processa. Moscow: LENAND, pp. 208–248. (In Russian).

Kul'pina V.G. (2001) *Lingvistika cveta: terminy cveta v pol'skom i ruskom yazykah* = Linguistics of color: terms of color in Polish and in Russian. Moscow: Moskovskij Licej. 470 p. (In Russian).

Kul'pina V.G. (2008) *Problemy i zakonmernosti perevoda etnoprioritetnyh klassov leksiki (rusško-pol'skaya tradiciya)* = The problems and principles of translation of ethnically meaningful lexical classes (Russian-Polish tradition). *Mental'nost'. Kommunikaciya*. Perevod: Sb. statej pamyati Fedora Mihajlovicha Berezina (1931–2003). RAN. INION. Centr gumanit. Nauch.-inform. issledovanij; Otd. yazykoznaniya; Otv. red. i sost. Rarenko M.B. Moscow. 280 p. (Seriya: Teoriya i istoriya yazykoznaniya), pp. 104–140. (In Russian).

Kul'pina V.G. (2015) *Priem aesthetizacii terminov cveta pri perevode poeticheskih tekstov* = The method of terms of color aesthetic values giving in the poetic texts' translation. *Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Saloniki, April 29 — May 3, 2015. Vysshaya shkola perevoda MGU imeni M.V. Lomonosova (elektronnoe izdanie)*. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 370–377 (In Russian).

Kul'pina V.G. (2018) *Znachenie lingvistiki cveta v eksplikacii kognitivnyh mekhanizmov etnomentaliteta* = The value of linguistics of color in explication of mechanisms of ethnic mentality. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Red. series N.N. Boldyrev. Issue XXXIV. *Sognitio i communicatio v sovremennom global'nom mire: materialy VIII Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike 10–12 October 2018*. Otv. red. vypuska L.A. Manerko. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova; Neolit, pp. 301–304 (In Russian).

Kul'pina V.G., Sivova T.V. (2023) *Ob izdatel'skom proekte "Lingvistika cveta: enciklopedicheskij slovar'"* = About publishing project "Linguistics of color encyclopedia". *Yazyk, soznanie, kommunikaciya*. Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. Issue 64. Moscow: MAKSS Press, pp. 26–54 (In Russian).

Levontina I.B., Shmelev A.D. (2005) *Rodnye prostory* = Native open spaces. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoju kartiny mira: Sb. st. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury*, pp. 64–75. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russian).

Lewicki R. (2017) *Zagadnienia lingwistyki przekladu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 362 p. (In Polish).

MAS Slovar' russkogo yazyka: V 4 vol. (1984) = The dictionary of Russian language. Pod redakciej A.P. Evgen'evoj. Moscow: Russkij yazyk. 1981–1984 (In Russian).

NKJP Narodowy Korpus Języka Polskiego (2023); rezhim dostupa: 09.06. (In Polish)

Sivova T.V. (2023) *Cvet hurmy v konceptosfere russkogo yazyka: ot oranževo-krasnogo k vkusnomu cvetu perezreloj hurmy* = The color of persimmon in the colour conceptosphere of the Russian language: from orange-red to the delicious colour of overripe persimmons. *Yazyk. Kul'tura*. Perevod. Kommunikaciya: Sb. nauch. Trudov, issue 4. Nauch. red. G.G. Molchanova. Moscow: KDU, pp. 99–102 (In Russian)

Sivova T.V. (2022) *Cvet cikoriya v cvetovoj konceptosfere yazyka: ot golubogo i korichneвого k cvetu cikoriya* = The colour of chicory in coloristic concep-

tual sphere of language: from blue and brown to colour of chicory. *Neofilologiya*. Vol. 8. No. 3, pp. 471–481 (In Russian).

SO Ozhegov S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* = The dictionary of Russian language. Pod red. N.Yu. Shvedovoj. Izd. 18-e, stereotip. Moscow: Russkij yazyk. 797 p. (In Russian).

SYaRP *Slovar' yazyka russkoj poezii XX veka (2001–2015)* = The dictionary of Russian poetry of XX century. Otv. red. V.P. Grigor'ev, L.L. Shestakova. Moscow: YaSK. Vol. I–VI. (*Studia philologica*) (In Russian).

Shmelev A.D. (2005) *Shirota russkoj dushi* = Breadth of Russian soul. *Klyuchevye idei russkoj yazykoj kartiny mira*: Sb. st. Moscow: *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, pp. 51–63 (*Yazyk. Semiotika. Kul'tura*) (In Russian).

USJP *Uniwersalny słownik języka polskiego: v 4 vol.* (2003) Pod red. Stanisława Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish).

Werner S. (1965). *Fioletowe groszki do sukienki. Żołnierska rzecz. Zbiór pieśni wojskowych. Wybór i opracowanie Jędrzej Bednarowicz, Stanisław Werner.* Warszawa. (444 p.), pp. 373–375 (In Polish).

Wierzbicka A. (1999) *Znaczenie nazw kolorów i uniwersalia widzenia.* Wierzbicka A. *Język — umysł — kultura.* Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, pp. 405–448 (In Polish).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кульпина Валентина Григорьевна — доктор филологических наук, доцент по кафедре славянских языков МГУ имени М.В. Ломоносова, МГУ, ГСП-2. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; vgrkulpina@mail.ru; ORCID 0000-0002-1076-7868

ABOUT THE AUTHOR:

Valentina G. Kulpina — Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Chair of Slavic languages, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, Moscow State University, GSP-2. Lomonosov Moscow State University; 1. Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia; vgrkulpina@mail.ru; ORCID 0000-0002-1076-7868

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-72-91

ДИСТАЦИОННЫЕ ДИФФЕРЕНЦИИ МЕЖДУ ОБЪЕКТОМ И ЛОКУМОМ ПРИ ПРЕДЛОГАХ У, ОКОЛО, ПРИ И ПОД В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИХ ПЕРСИДСКИМИ КОРРЕЛЯТАМИ

Маджид Эстири

Университет Гонбад-Кавус, Иран

Для контактов: m.estiri@gonbad.ac.ir

Аннотация. В синонимические отношения вступают разные части речи, в том числе предлоги. Ряд пространственных предлогов со значением близости относится к синонимичным предлогам. Принадлежат к пространственным отношениям и составляя большую группу, в языковой системе русского и персидского языков эти предлоги являются типичными и широко представленными. Для выражения пространственных отношений со значением близости употребляются синонимические предлоги *у, около, при* и *под*, близкие и тождественные по смыслу, но отличаются друг от друга семантическими признаками. Смысловая близость предлогов *у, около, при* и *под* и их персидских коррелятов со значением близости провоцирует ложное отождествление и приводит к возникновению ошибок у иранских студентов-русистов, в то время как перевод прочих предлогов как *недалеко от, возле* со значением близости не вызывает затруднения у них. Также, в настоящее время только данные предлоги остаются неосвещёнными для иранских студентов, и они не могут конкретизировать и разграничить дистанционные дифференции между объектом и локумом при исследуемых предлогах, что обусловлено актуальностью данного исследования и причиной ограничения материала исследования. Кроме того, сложность употребления указанных русских предлогов иранскими студентами объясняется тем, что все эти предлоги могут выражаться в персидском языке словами “نزدیک” (*наздик-э*¹), “کنار” (*кэнар-э*), “پهلوی” (*пахлу-йэ*) и т.д., обозначающими близость объекта от локума, однако в смысловом оттенке персидских эквивалентов не отражена дис-

¹ Здесь и далее персидские примеры приводятся в кириллической транслитерации.

© Маджид Эстири, 2023

танционная дифференция между объектом и локумом. Цель этой статьи — уточнить дистанционные дифференции между объектом и локумом при предлогах *у, около, при* и *под* со значением близости в сравнении с их персидскими коррелятами, а также определить существующие соотношения между ними. Результаты статьи могут быть использованы для иранских студентов с целью минимизации и нейтрализации их ошибок при употреблении синонимичных предлогов *у, около, при* и *под* со значением близости.

Ключевые слова: пространственные предлоги, дистанционные дифференции, объект, локум, русский и персидские языки

Для цитирования: *Мажид Эстири*. Дистанционные дифференции между объектом и локумом при предлогах *у, около, при* и *под* в сопоставлении с их персидскими коррелятами // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 3. С. 72–91. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-72-91

Статья поступила в редакцию 06.06.2023;
одобрена после рецензирования 16.11.2023;
принята к публикации 18.11.2023.

DISTANCE DIFFERENCES BETWEEN OBJECT AND LOCUM IN THE PREPOSITIONS *У, ОКОЛО, ПРИ* AND *ПОД* IN COMPARISON WITH THEIR PERSIAN CORRELATES

Majid Estiri

Gonbad Kavous University, Iran
For contacts: m.estiri@gonbad.ac.ir

Abstract. Different parts of speech, including prepositions, enter into synonymous relations. A number of spatial prepositions with the meaning of proximity are synonymous prepositions. Belonging to spatial relations and constituting a large group, in the language system of the Russian and Persian languages, these prepositions are typical and widely represented. To express spatial relations with the meaning of proximity, synonymous prepositions *у, about, at* and *under* are used, which are close and identical in meaning, but differ from each other in semantic features. The semantic proximity of the prepositions *у, about, at* and *under* and their Persian correlates with the meaning of proximity provokes a false identification and leads to errors in the use of these prepositions by Iranian Russian students while translation other prepositions as *как недалеко от, возле*

with the meaning of proximity does not cause any difficulty for them. Also, at present only just, these prepositions with the meaning of proximity remain unlit for Iranian students, and they cannot concretize and distinguish between distance differences between the object and locum with the studied prepositions, which is due to the relevance of this study and the reason for the limitation of the research material. In addition, the difficulty of using these Russian prepositions by Iranian students is explained by the fact that all these prepositions can be expressed in Persian by the words نزدیک (nazdik-e), کنار (kenar-e), پهلوئی (pakhlu-ye), etc., denoting the proximity of the object to the locum, however, the semantic shade of the Persian equivalents does not reflect the distance differentiation between the object and the locum. The purpose of this article is to clarify the distance differentiations between the object and the locum with the prepositions *y*, *about*, *at* and *under* with the meaning of proximity in comparison with their Persian correlates, and also to determine the existing relationships between them. The results of the article can be used for Iranian students in order to minimize and neutralize their mistakes when using synonymous spatial prepositions *y*, *near*, *at* and *under* with the meaning of proximity.

Keywords: spatial prepositions, distance differentiations, locum, object, Russian and Persian languages

For citation: Majid Estiri (2023) Distance differences between object and locum in the prepositions *y*, *около*, *при* and *под* in comparison with their persian correlates. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 72–91. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-72-91

The article was submitted on June 06, 2023;
approved after reviewing on November 16, 2023;
accepted for publication on November 18, 2023.

Введение

Язык является одним из средств формирования картины мира человека. Носитель любого языка воспринимает языковую картину мира по-своему; т.е. языковая картина мира характерна для того или иного носителя языка по-разному. Одним из формирующих элементов языковой картины человека в реальном мире является пространство, определяющееся как одна из «первых реалий бытия, которая воспринимается и осознается человеком» (Гак, 2000: 17). Этот термин приобретает разные трактовки в каждом языке и, разумеется, языковые средства выражения категории пространства и их особенности существенно отличаются друг от друга. На самом деле, каждый язык и его носитель дают своё определение

стабильной и статической локализации и передвижения предметов в пространстве и обладают своими языковыми средствами для их выражения. Речемыслительная и познавательная деятельность носителя языка даёт конкретное определение категории пространства на основе языковых определённых факторов, поэтому концептуализация категории пространства выделяется в зависимости от сущности языка. К примеру, дистанционные параметры пространства отличаются друг от друга у носителей русского и персидского языков и, следовательно, способы выражения пространственных отношений в русском и персидском языках не всегда совпадают. Пространственные отношения, являясь общими для всех языков мира, в том числе русского и персидского языков, определяются как «соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира» (Всеволодова, Дементьева, 1997: 31). Пространственные отношения — это отношения, которые связывают позиционируемый объект и локум. Локум — это любое пространство, представляемое как ориентир, относительно которого описывается объект. Пространственные отношения более всего проявляются в семантике локативных предлогов как одно из средств репрезентации пространственных отношений и ситуаций в сочетании с существительными или местоимениями.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования служат примеры, отобранные автором методом сплошной выборки из различного рода исследовательских работ, включая национальный корпус русского языка (НКРУ), учебники русского языка для студентов-иностранцев, двуязычные русско-персидские словари, а также при личных наблюдениях и контролях за устным и письменным переводом студентов русского как иностранного в иранской аудитории при проведении практических занятий. Методы исследования, применяющиеся при выполнении данной работы:

- метод сплошной выборки, при котором примеры отобраны для анализа и иллюстрации теоретических положений;
- описательно-сравнительный метод, при описании способов адекватной и эквивалентной передачи смысловых оттенков синонимичных пространственных предлогов, а также при изучении исследуемых предлогов путём словесного изложения;
- объяснительно-иллюстративный метод, при котором пользуется наглядными средствами, в том числе рисунками.

Исходя из цели исследования, которая заключается в выявлении дифференции синонимичных пространственных предлогов *у, около, при* и *под* со значением близости, возникает необходимость определить смысловые нюансы данных предлогов по сравнению друг с другом, а также дать их корреляты в персидском языке. Согласно данному подходу, были конкретизированы смысловые нюансы данных предлогов, их различия и сходства, дистанционные дифференции между объектом и локумом при исследуемых предлогах.

Обсуждение

Перевод — это сложное и многослойное явление. Перевод как научная единица содержит теоретическую и практическую части. Практическая часть представлена практикой перевода, а теоретическая часть охватывает три основных понятия: общая теория, частная теория и специальная теория перевода. Общая теория перевода включает в себя общие тенденции и закономерности процесса перевода. Положения общей теории перевода распространяются на любые виды перевода, с любого языка на любой язык. Перевод с определённого языка на определённый язык характеризуется уже не общей, а частной теорией перевода, в рамках которой приходится заниматься сопоставлением и противопоставлением языковых явлений двух языков (русско-персидский, персидско-русский и т.д.). Таким образом, частные теории перевода исследуют аспекты перевода и определённые особенности перевода с одного конкретного языка (русского) на другой конкретный язык (персидский). Специальная теория перевода выявляет конкретные жанровые, языковые и культурные моменты данного перевода. Важнейшим методом переводческой деятельности служит сопоставительный анализ формы и содержания текста перевода в соотнесении с формой и содержанием оригинала. В теории и практике перевода существуют такие понятия, как «план выражения» (содержание) и «способ выражения» (форма). Теоретики не объединяют их в одно целое, считая, что слова — двусторонние единицы, имеющие с одной стороны смысл — план содержания, с другой — план выражения. Анализ ряда высказываний при предлогах *у, около, при* и *под* демонстрирует, что имеется возможность провести чёткие границы между содержанием и формой данных предлогов при переводе на персидский язык. В современном русском языке предлоги с пространственным значением составляют довольно большую группу, из которой 33 единицы выражает пространственную близость кого-л., чего-л. к какому-л. объекту (Залозная, 2006: 31). В персидском языке пред-

логи с пространственным значением существуют, но их точное количество не указано в книгах по грамматике. По значению такие предлоги в персидском языке весьма мало подвергались рассмотрению, и о них редко говорилось, в то время как они охватывают широкий пласт исследований и научных обсуждений по грамматике русского языка. В персидском языке такие предлоги, как “*نزدیک*” (наздик-э), “*در نزدیکی*” (дар наздики-йэ), “*کنار*” (кэнар-э), “*در کنار*” (дар кэнар-э), “*پهلوی*” (пахлу-йэ), “*پیش*” (пиш-э), “*بغل*” (багал-э), “*پای*” (па-йэ), “*دم*” (дам-э) и т.д. выражают пространственные отношения со значением близости, но каждый из них выражает смысловые оттенки дистанционных параметров по-разному. Кроме того, отличаясь стилистической окраской, ряд из этих предлогов, таких как “*پهلوی*” (пахлу-йэ), “*پیش*” (пиш-э), “*بغل*” (багал-э), “*پای*” (па-йэ), “*دم*” (дам-э) используются в разговорном стиле, а другие как “*نزدیک*” (наздик-э), “*در نزدیکی*” (дар наздики-йэ), “*کنار*” (кэнар-э), “*در کنار*” (дар кэнар-э) — в нейтральном. Персидские лингвисты А.А. Садеги (1970), Х. Фаршидвард (2003) и Х. Хатиб Рахбар (1988) называют предлоги “*نزدیک*” (наздик-э), “*کنار*” (кэнар-э), “*پهلوی*” (пахлу-йэ), “*پیش*” (пиш-э), “*بغل*” (багал-э), “*پای*” (па-йэ), “*دم*” (дам-э) сложными, состоящими из существительного и изафетного показателя. Кроме того, предлоги “*در نزدیکی*” (дар наздики-йэ) и “*در کنار*” (дар кэнар-э) со структурой “предлог + существительное + изафетный показатель” являются сложными. В русском языке пространственные предлоги *у, около, при* и *под* со значением близости выражаются персидскими предложениями “*نزدیک*” (наздик-э), “*در نزدیکی*” (дар наздики-йэ), “*کنار*” (кэнар-э), “*در کنار*” (дар кэнар-э), “*پهلوی*” (пахлу-йэ), “*بغل*” (багал-э), “*پای*” (па-йэ), “*دم*” (дам-э). В стабильном и статическом положении персидские предлоги “*نزدیک*” (наздик-э), “*در نزدیکی*” (дар наздики-йэ) указывают на ближайшее фиксированное и неподвижное местоположение, а предлоги “*کنار*” (кэнар-э), “*در کنار*” (дар кэнар-э), “*پهلوی*” (пахлу-йэ), “*بغل*” (багал-э), “*پای*” (па-йэ), “*دم*” (дам-э) — на боковую поверхность фиксированного локума. Данные предлоги со значением близости являются лексическими синонимами в общем значении нахождения в пространстве и частных значениях близости, но эти синонимичные локативные предлоги, как уже выше сказано, выражают небольшие нюансы, и это представляет значительные трудности для иранских студентов, изучающих русский язык как иностранный в иранской аудитории. Эти предлоги, сочетаясь с однородными пространствами, различаются в значениях и демонстрируют дифференциальные дистанционные параметры между

объектом и локумом. Пространство в лингвистике применяется как категория, отражающая местоположение объекта относительно какого-либо локума, а также как характеристика дистанции между ними. В этом значении в русском языке пространство трактуется с помощью разных предлогов и разных падежей существительного, следующего за предлогом, в то же время как в персидском языке ввиду отсутствия категории падежа такое значение пространства выражается предлогами в сочетании с существительными. Предложно-падежные формы являются самым типичным для русского языка способом выражения пространственных значений, однако в персидском языке сочетание предлогов и существительных как правило выражает пространственные значения. Действительно, отсутствие в персидском языке категории падежа усиливает грамматическую функцию служебных слов, в том числе предлогов, указывающих на связь и отношения между словами. Предлоги в обоих изучаемых языках выражают разнообразные отношения. Так, пространственные предлоги *у*, *около*, *при* и *под* со значением близости и их персидские корреляты относятся к маркерам пространственных отношений. Сопоставление употребления пространственных предлогов в русском и персидском языках приводит к выявлению семантических сходств и различий и, разумеется, будут уточнены дистанционные дифференции между объектом и локумом в пространственных представлениях сообществ. Таким образом, менталитет носителей русского и персидского языков о пространственных предлогах и их дистанционных параметрах и особенностях разнообразен и идентичные и сходные пространственные предлоги могут получить разную вербализацию, что трактуется дифференцией в структурировании и категорировании пространства носителями исследуемых языков.

Результаты

Сопоставляя пространственные предлоги *у*, *около*, *при* и *под*, необходимо говорить о том, что для иранских студентов употребление данных предлогов будет представлять особенную сложность, поскольку с семантической точки зрения они синонимичны, но не одинаковы. Чтобы разобраться в смысловых нюансах предлогов *у*, *около*, *при* и *под* со значением близости и определить дистанционные дифференции между объектом и локумом при данных предлогах применены два из приемов обучения переводу, т.е. рисунки, способствующие более глубокому осмыслению дистанционных дифференций данных предлогов иранским студентами, и инте-

грированный подход, включающий работу с семантикой, с одной стороны, и параллельными конструкциями в персидском языке. Также, на основе частной теории перевода и различий между содержанием и формой предлогов *у, около, при и под* при переводе на персидский язык, будут конкретизированы дистанционные дифференции между объектом и локумом.

Семантические нюансы предлогов

Предлог «у»: употребляется с существительными в родительном падеже при обозначении локума, в непосредственной близости от которого происходит что-л. или находится, располагается объект. Как отмечается в работе О.Н. Селиверстовой, «пространственный предлог «у» употребляется только в том случае, если Y имеет чёткие внешние границы (горизонтальные и/или вертикальные), которые и могут задавать начало примыкающей к Y-у области R» (Селиверстова, 2004: 825).

Мы уселись: я у окна, он у затопленной печи.

ما نشستیم: من کنار پنجره و او کنار بخاری روشن.

[Ма нэшастим: ман **кэнар-э** панджарэ ва у **кэнар-э** бохарийэ рошан.]

Минут пять я стоял у двери, прислушиваясь к звукам снаружи, потом залез на маты.

حدود پنج دقیقه کنار در ایستاده بودم و از بیرون به صداها گوش می‌دادم، سپس روی تشک رفتم.

[Ходудэ пандж дагигэ **кэнар-э** дар истадэ будам ва аз бирун бэ сздаха гуш мидадам, сэпас руйэ тошак рафтам.]

У двери висела стенная газета.

کنار در، روزنامه دیواری بود.

[**Кэнар-э** дар, рузнамэ дивари буд.]

Он даже не стал ждать меня у выхода из зала, на улице, что было для него значительно легче.

او حتی کنار در خروجی سالن، داخل خیابان، که برایش خیلی راحت‌تر بود، منتظر من نشد.

[У хата **кэнар-э** дарэ хоруджи салон, дахэлэ хиябан, кэ барайаш хэйли рахаттар буд монтазэрэ ман нашоод.]

Предлог «у» в значении непосредственной близости объекта от локума передается в персидском языке такими словами, как “کنار” (кэнар-э), “پهلوی” (пахлу-йэ), “بغل” (багал-э), “دم” (дам-э) и “پای” (па-йэ). В персидском языке предлог “کنار” (кэнар-э) обозначает непосредственное нахождение одного объекта на близком расстоянии от другого в стабильном положении. В разговорном стиле предлоги “پهلوی” (пахлу-йэ), “بغل” (багал-э), “دم” (дам-э) и “پای” (па-йэ) синонимичны к предлогу “کنار” (кэнар-э).

Можешь выйти на улицу и стой у входа.

می‌تونی بیرون بری و دم در ورودی وستی.

[Митуні бирун бэри ва дамэ дарэ воруди васти.]

آدیچکای خونسرد روی صندلی دیگه ای بغل (پای)،
دم پنجره نشسته بود.

[Адичкае хунсард руйэ сандали дигэи багал-э (па-йэ, дам-э) панджарэ нэшиастэ буд.]

В значении близости употребление предлога «у», как сказано в работе М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирского, ограничено нижеуказанными классами слов; т.е. состав «у + Р.п.» не используется:

«1) именами существительными:

Александр Александрович остановился **возле** Кости Журбина (но не у Кости).

الکساندر الکساندرویچ کنار کست ژوربین
ایستاد.

[Александр Александрович кэнар-э Кость Журбин истад.]

2) именами со значением мелких предметов типа тарелка, ручка, тетрадь:

Вилка **около** тарелки (но не у тарелки).

چنگال کنار (پای) بشقاب

[Чангалэ кэнар-э (па-йэ) бошгаб.]

Рядом с книгой (но не у книги) лежали блокноты.

دفترچه یادداشتها کنار کتاب بودند.

[Дафтарче яддашитха кэнар-э кэтаб буданд.]

3) личными местоимениями:

Около него (но не у него) в грязи нашли кинжал и платок.

نزدیک او داخل گل یک خنجر و یک دستمال پیدا شد.

[Наздик-э у дахэлэ гэл йэк ханджар ва йэк дастмал пэйда шод.]

4) относительным местоимением *который*:

Ленька подошел ближе к забору, **около** которого (но не у которого) густо разросся бурьян.

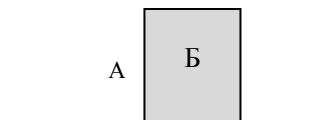
لینکا به حصارى نزدیک شد که در نزدیکی آن علفهای هرز به شدت رشد کرده بودند.

[Ленька бэ хэсари наздик шод кэ **дар наздики-йэ** ан алафхайэ харз бэ шудат рошд кардэ буданд.]» (Всеволодова, Владимирский, 2009: 158).

В двуязычных русско-персидских словарях предлог “نزدیک” (наздик-э) также приведён для эквивалента предлога «у», но данный предлог не выражает точного значения предлога «у», так как предлог “نزدیک” (наздик-э) обозначает только близость от объекта, в то время как “کنار” (кэнар-э), “پهلوی” (пахлу-йэ), “بغل” (багал-э), “پای” (па-йэ), “دم” (дам-э) обозначают непосредственное нахождение одного объекта на близком расстоянии от другого и имеют значение большей степени близости.

Из персидских эквивалентов предлога «у» следует, они не ограничены собственными именами существительными, именами со значением мелких предметов, личными местоимениями и относительным местоимением и они способны сочетаться со всеми типами слов. Предлоги “دم” (дам-э) и “پای” (па-йэ) не употребляются в сочетании с одушевлёнными, а “کنار” (кэнар-э), “پهلوی” (пахлу-йэ), “بغل” (багал-э), способны использоваться как с одушевлёнными, так и с неодушевлёнными.

Пространственное значение предлога «у» в рисунке будет так:

В рисунке показывается, что объект (А) находится в непосредственной близости от локума (Б).

Предлог «около»: этот предлог со значением близости употребляется в родительном падеже для обозначения лица, предмета,

локума, возле, вблизи которого совершается что-л., располагается кто-л., что-л. Предлог «около» может употребляться тогда, когда близкая локация предметов послужила базой для номинации того или иного объекта. Ссылаясь на работу О.Н. Селиверстовой, О.В. Волгина отмечает, что «в пространственной семантике предлога «около» отражается его этимология, восходящая к понятию колеса, т.е. объект находится в пространстве, окружающем ориентир наподобие круга» (Волгина, 2008: 129). По сравнению с предлогом «у» со значением близости, предлог «около» выражает значение средней близости, т.е. предлог «у» показывает месторасположение к предмету ближе, чем на это указывает «около». Приведём пример:

В предложении «около парка выросли красивые цветы» предлог «около» синонимичен предлогу «у», но они всё-таки отличаются друг от друга. В данном примере предлог «около» сигнализирует о том, что «красивые цветы выросли» где-то на территории «парка», но не указывается их точное и конкретное местоположение. А из предложения «у парка выросли красивые цветы» понимается, что «цветы» находятся очень близко к «парку».

Персидскими эквивалентами предлога «около» со значением средней близости являются «نزدیک» (наздик-э), «در نزدیکی» (дар наздики-йэ), «حوالی» (хавали-йэ), «کنار» (кэнар-э). В персидском языке указанные эквиваленты со значением средней близости способны выражать непосредственную и посредственную близость от локума. Среди персидских эквивалентов предлога «около», предлог «کنار» (кэнар-э), обозначает непосредственную близость от локума.

Около леса, как в мягкой постели, выспаться можно.

نزدیک (حوالی) جنگل، همانند یک تخت نرم
می شود سیر خوابید.

[Наздик-э (хавали-йэ) джангал хаманандэ йэк тахтэ нарм мишавад сир хабид.]

Мы живём около театра.

ما در نزدیکی (حوالی، نزدیک) تاتر زندگی
می کنیم.

[Ма дар наздики-йэ (хавали-йэ, наздик-э) тэатр зэндэги миконим.]

Мы сидели **около** большого кирпичного камина и бабушка рассказывала нам сказки.

ما نزدیک شومینه آجری بزرگی نشستہ بودیم
مادربزرگ برای ما قصہ تعریف می‌کرد.

[Ма **наздик-э** шуминэйэ аджорийэ бозорги нэшаствэ будим ва мадарбозор барайэ ма гэсэ тариф микард.]

Громадная печь занимала почти треть пекарни; **около** неё на грязном полу лежали мешки муки.

تنور بزرگ تقریباً یک سوم نانوائی را اشغال
می‌کرد. کنار تنور روی زمین کثیف کیسه های آرد
قرار داشتند.

[Танурэ бозорге тагрибан йэк сэвомэ нанваи ра эшгал микард. **Кэнар-э** танур руйэ заминэ касиф кисэхайэ ард гарар даштанд.]

Я останавливаюсь **около** него, чувствую, что он хочет мне сказать что-то важное.

من کنار او می‌ایستم، حس می‌کنم که او
می‌خواهد چیز مهمی به من بگوید.

[Ман **кэнар-э** у миистам, хэс миконам кэ у михахад чизэ мохэми бэ ман бэгуйад.]

Из примеров следует, что предлог «около» и его персидские эквиваленты, кроме «حوالی» (хавали-йэ), могут сочетаться с одушевлёнными и неодушевлёнными существительными. В персидском языке предлог «حوالی» (хавали-йэ) сочетается только с неодушевлёнными существительными.

Пространственные значения предлога «около» в рисунках показаны так:

Эти рисунки показывают, что объект (А) расположен в непосредственной или посредственной близости от локума (Б), однако по сравнению с предлогом «у» объект (А) находится в большей удалённости.

Предлог «при»: употребляясь в предложном падеже, предлог «при» указывает на локум, возле или в непосредственной близости от которого объект находится. Предлог «при» со значением возле, вблизи локума выражается в персидском языке словами “نزديک” (наздик-э), “در نزديکی” (дар наздики-йэ) и “حومه” (хумэ-йэ), а со значением непосредственной близости от локума — словами “کنار” (кэнар-э), “پهلوی” (пахлу-йэ), “دم” (дам-э). В персидском языке “نزديک” (наздик-э) и “حومه” (хумэ-йэ) обозначают местонахождение объекта вблизи локума, а “کنار” (кэнар-э), “پهلوی” (пахлу-йэ) и “دم” (дам-э) в непосредственной близости от локума. Слова “دم” (дам-э) и “پهلوی” (пахлу-йэ) употребляются в разговорном стиле, а слова “کنار” (кэнар-э), “نزديک” (наздик-э) и “حومه” (хумэ-йэ) — в нейтральном. В персидском языке слова “دم” (дам-э) и “حومه” (хумэ-йэ) не сочетаются с одушевлёнными существительными, а “کنار” (кэнар-э), “پهلوی” (пахлу-йэ), “نزديک” (наздик-э) сочетаются так с одушевлёнными, как и с неодушевлёнными.

Коняга лежит **при** дороге и тяжело дремлет.

کانیاگا (اسب) کنار (نزديک) جاده دراز
می‌کشد و به سختی می‌خوابد.

[Коняга (асб) **кэнар-э** (наздик-э) джадэ дэраз микэшад ва бэ сахти михабад.]

«Куда вы?» — спросил меня официант, стоявший **при** входе за кулисы.

پیش‌خدمتی که کنار (نزديک) در ورودی پشت
صحنه ایستاده بود از من پرسید: کجا می‌روی؟

[Пишхэдмати кэ **кэнар-э** (наздик-э) дарэ врудийэ поитэ сахнэ истадэ буд аз ман порсид: коджа мрави?]

Вон стоит **при** дороге деревцо и тихо покачивает по ветру гибкими веточками.

درختی کنار جاده قرار دارد و آرام در باد
با شاخه‌های نرمش تاب می‌خورد.

[Дэрахти **кэнар-э** джадэ гарар дарад ва арам дар бад ба шахэхайэ нар-маиш таб михорад.]

Запыленные цветы **при** дороге клонились к земле.

گل‌های پر از گردوغبار کنار (نزديک) جاده به
طرف زمین خم شده بودند.

[Голхайэ пор аз гардогобарэ **кэнар-э (наздик-э)** джадэ бэ тарафэ замин хам шодэ буданд.]

Отец разбил сад **при** доме.

پدرم **کنار** (**نزدیک**) خانه ، باغ احداث کرد .

[Пэдарам кэнарэ (**наздик-э**) ханэ, баг эхдас кард.]

Не беспокойтесь, дядюшка, я буду **при** вас.

نگران نباش عمو جان ، من **کنار** شما خواهم بود .

[Нэгаран набаиш амуджан, ман **кэнар-э** шома хахам буд.]

Согласно примерам можно сделать вывод, что «**при**» сочетается так с неодушевленными, как и с одушевленными существительными.

Форма «**при** + П.п.» со значением пространственной близости, как отмечается в работе М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирского, ограничена кругом существительных, в состав которых входят:

«1. Определённые отглагольные имена *вход, выход, въезд, выезд, съезд, спуск, впадение, слияние, пересечение, начало*:

Они остались стоять **при** входе.

آنها ماندند تا **کنار** در ورودی بایستند .

[Анха манданд та **кэнар-э** дар-э воруди бэистанд.]

2. Существительные *дорога, устье*:

Деревня стояла прямо **при** дороге.

روستا درست **کنار** جاده بود .

[Руста дорост **кэнар-э** джадэ буд.]

Азов — город на Азовском море, **при** устье реки Дон.

آزوف شهری در کنار دریای آزوف ، در **نزدیکی**

دهانه رودخانه دون است .

[Азов шахри дар кэнар-э даряйэ Азов, **дар наздикийэ** даханэйэ рудханэйэ Дон аст.]

3. Названия населённых пунктов, где происходят военные действия:

Битва **при** городе.

نبرد در **حومه** شهر

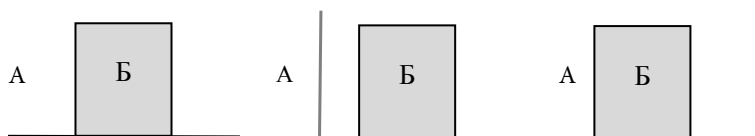
[Набард **дар хумэйэ** шахр.]

Десятого августа вступили в сражение **при** городе Пирно и в сем сражении мы потеряли 3 убитыми и 8 ранеными и 10 лошадей.

ده آگوست وارد نبرد در نزدیکی شهر پیرنو
شدیم که در این نبرد 3 کشته و 8 مجروح و 10
اسب از دست دادیم.

[Дахэ агуст варэдэ набард **дар наздики-йэ** шахрэ Пирно шодим кэ дар ин набард 3 коштэ, 8 маджрух ва 10 асб аз даст дадим.] (Всеволодова, Владимирский, 2009: 158).

Предлог «**при**» со значениями «возле» и «в непосредственной близости от локума» показывается следующими рисунками:

Кроме вышеуказанных значений, предлог «**при**» обозначает локум, к которому присоединяется что-л., в зависимости от которого находится что-л. Данное сочетание выражает пространственное значение с оттенком принадлежности, отнесенности и подчинённости. В данных словосочетаниях предлог «**при**» указывает на локум, в составе которого какой-то объект помещается, действует, при этом объект может находиться вблизи от локума.

При школе есть небольшой дом.

کنار مدرسه خانه نه چندان بزرگی وجود دارد.
[Кэнар-э мадрсэ ханэйэ на чандан бозорги вуджуд дарад.]

Учебный центр **при** заводе.

مرکز آموزشی در جوار (جنب، کنار) کارخانه
[Марказэ амузэши дар джавар-э (джанб-э, кэнар-э) карханэ]

Институт восточных языков **при** МГУ.

دانشگاه زبان های شرقی جنب دانشگاه دولتی
مسکو

[Данэшкадэйэ забанхайэ шарги джанб-э данэсгахэ долатийэ Моско]

Общежитие **при** институте.

خوابگاه دانشگاه

[Хабгах-э данэсгах]

В последнем примере, предлог «*при*» выражается в персидском языке изафетом, не отображающимся по преимуществу на письме. В персидском языке изафет — один из универсальных элементов выражения определения по принадлежности, подчиненности и относительности в конструкции изафетных словосочетаний. Изафетные словосочетания как самый распространённый тип словосочетаний в персидском языке представляет собой такой способ подчинительной связи именных словосочетаний, при котором определяемое слово, находящееся в препозиции, связывается с последующим, определение, при помощи изафета. В подобных изафетных конструкциях пространственное значение близости не отражается, а выражаются понятия принадлежности, подчиненности, а также отнесенности. Приведём другие примеры:

Аптека **при** больнице —
داروخانه بیمارستان

[Даруханэ-йэ бимарэстан]

Столовая **при** заводе —
غذاخوری کارخانه

[Газахори-йэ карханэ]

Библиотека **при** церкви —
کتابخانه کلیسا

[Кэтабханэ-йэ кэлиса]

Буфет **при** станции —
بوفه ایستگاه

[Буфэ-йэ истгах]

Также, приведённые примеры можно перевести на персидский язык следующим образом:

Аптека **при** больнице —
داروخانه وابسته (متعلق) به بیمارستان

[Даруханэ-йэ вабастэ (мотэалэг) бэ бимарэстан]

Столовая **при** заводе —
غذاخوری وابسته (متعلق) به کارخانه

[Газахори-йэ вабастэ (мотэалэг) бэ карханэ]

Библиотека **при** церкви —
کتابخانه وابسته (متعلق) به کلیسا

[Кэтабханэйэ вабастэ (мотэалэг) бэ кэлиса]

Буфет **при** станци

بوفه وابسته (متعلق) به ایستگاه

[Буфэйтэ **вабастэ** (мотэалэг) бэ истгах]

В этих примерах предлог «**при**» со значением принадлежности и подчинённости передаётся сочетаниями “**وابسته به**” (**вабастэ бэ**) и “**متعلق به**” (**мотэалэг бэ**), выражающими это же понятие в персидском языке.

Предлог «под»: предлог «**под**» в творительном падеже указывает на локум, около которого, в непосредственной близости от которого находится кто-л., что-л. или происходит что-л. В персидском языке предлог «**под**» в значении около локума выражается словами “**نزدیک**” (**наздик-э**), “**حومه**” (**хумэ-йэ**), “**اطراف**” (**атраф-э**), а в значении непосредственной близости от локума — “**کنار**” (**кэнар-э**).

В сентябре **под** Якутском было ещё довольно тепло.

سپتامبر حومه (اطراف) یاکوتسک خیلی گرم بود.

[Сэптамбр **хумэ-йэ** (**атраф-э**) Якутск хэйли гарм буд.]

Белая береза **под** моим окном принакрылась снегом, точно серебром.

توس سفید نزدیک پنجره من مثل نقره پوشیده از برف شده بود.

[Тусэ сэфидэ **наздик-э** панджерэйэ ман мэслэ ногрэ нушидэ аз барф шодэ буд.]

Товарищ Роман, что же это? Бой **под** городом.

رفیق رمان، چه خبر است؟ نبرد در حومه شهر.

[Рафиг Роман чэ хабар аст? Набард **дар хумэ-йэ** шахр.]

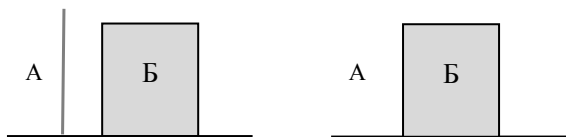
Недавно командующий был на даче у товарища Сталина **под** Москвой, и беседа товарища Сталина с ним длилась два часа.

اخيراً فرمانده در خانه رفیق استالین در نزدیکی مسکو بود و گفتگوی رفیق استالین با او دو ساعت به طول انجامید.

[Ахиран фармандэ дар ханэйэ рафиг Эсталин **дар наздики-йэ** Моско буд ва гофтэгүйэ рафиг Эсталин ба у до саат бэ тул анджамид.]

Предлог «под» со значением близости можно показать следующими рисунками:

Эти рисунки показывают, что объект (А) может находиться около или в непосредственной близости от локума (Б).

Заключение

Опыт работы с иранскими русистами и переводчиками показывает, что персы обращают к синонимичным пространственным предлогам *у*, *около*, *под*, *при* как элементам, не отличающимся друг от друга дистанционными параметрами и, следовательно, в их менталитете употребление таких предлогов не изменяет содержательной стороны текста. Для решения проблемы усвоения и перевода синонимичных пространственных предлогов *у*, *около*, *при*, *под* со значением близости рекомендуется на уроках РКИ в иранской аудитории уделить особое внимание дистанционным различиям локума и объекта и особенностям их местоположения. При обучении таким предлогам следует сосредоточиться на посредственной и непосредственной близости локума от объекта, отнесенности объекта к локуму. Также объяснительно-иллюстративный подход способствует глубокому осмыслению и осмысленному усвоению различий данных пространственных предлогов и оптимизирует методики обучения этим предлогам в иранской аудитории. В статье показано, что предлоги *у*, *около*, *при* и *под* со значением близости по сравнению со своими персидскими эквивалентами демонстрируют дифференцию дистанционных параметров более детально и четко; т.е. выбор предлогов со значением близости зависит от дистанции между объектом и локумом, категории одушевлённости и неодушевлённости объекта. Среди персидских эквивалентов предлогов *у*, *около*, *при* и *под* со значением близости, наиболее употребительным эквивалентом является предлог “*نزدیک*” (*наздик-э*).

Список литературы

Волгина О.В. Предлоги со значением пространственной близости в нижегородских говорах // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2008. № 4. С. 128–132.

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке, М.: Книжный дом «ЛИБРО КОМ», 2009. 288 с.

Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная структура предложений. М.: МГУ, 1997. 170 с.

Гак В.Г. Пространство вне пространства. Сборник статей: Логический анализ языка. Языки пространств. 2000. С. 127–134.

Залозная Т.Е. Семантико-стилистические различия предлогов со значением пространственной близости, Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы): Материалы III Международной научной конференции, Минск, 6–7 апреля 2006 г. С. 34–36.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике, М.: Языки славянской культуры, 2004. 926 с.

صادقی علی اشرف، 1970، حروف اضافه در فارسی معاصر، نشریه دانشگاه تبریز، شماره 95-96، صص 441-470

Садеги А.А. Предлоги в современном персидском языке. Университет Тебриз, 1970. № 95–96. С. 441–470.

فرشیورد خسرو، 2003، دستور مفصل امروز بر پایه زبان‌شناسی جدید، تهران، سخن، 704 ص.

Фаршидвард Х. Современная подробная грамматика. Тегеран: Сохан, 2003. 704 с.

خطیب رهبر خلیل، 1988، حروف اضافه و ربط، تهران: سعدی، 543 ص.

Хатиб-Рахбар Х. Предлоги и союзы, Тегеран: Сади, 1988. 543 с.

References

Farshidvard Kh. (2003) Contemporary detailed grammar. Tehran, Sokhan, 704 p. (In Persian).

Gak V.G. (2000) Prostranstvo vne prostranstva = Space out of space, Sbornik statej: Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv, pp. 127–134 (In Russian).

Khatib Rahbar Kh. (1988) Prepositions and conjunctions, Tehran, Saadi. 543 p. (In Persian).

Sadeghi A.A. (1970) Prepositions in modern Persian. *Journal of Tabriz University*. No. 95–96, pp. 441–470 (In Persian).

Seliverstova O.N. (2004) Trudy po semantike = Proceedings on semantics. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 926 p. (In Russian).

Volgina O.V. (2008) Predlogi so znachenem prostranstvennoj blizosti v nizhegorodskikh govorakh = Prepositions with the mening of spatial proximity in the Nizhny Novgorod dialects. *Vestnik KGU imeni N.A. Nekrasova*. No. 4, pp. 128–132 (In Russian).

Vsevolodova M.V., Dement'eva O.Ju. (1997) Problemy sintaksicheskoi paradigmatiki: kommunikativnaja struktura predlozhenij = Problem of syntax paradigmatic: communicative paradigm of sentences. Moscow: MGU. 170 p. (In Russian).

Vsevolodova M.V., Vladimirskaia E.Ju. (2009) Sposoby vyrazhenija prostranstvennykh otnoshenij v sovremennom russkom jazyke = Ways of expressing

spatial relations in modern Russian, Moscow: Knizhnyj dom "LIBROKOM", 288 p. (In Russian).

Zaloznaja T.E. (2006) Semantiko-stilisticheskie razlichija predlogov so znacheniem prostranstvennoj blizosti = Semantic and stylistic differences of prepositions with the meaning of spatial proximity, *Russkij jazyk: sistema i funkcionirovanie* (k 80-letiju professora P.P. Shuby): Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, Minsk, 6–7 April 2006 g., pp. 34–36 (In Russian).

صادقی علی اشرف، 1970، حروف اضافه در فارسی معاصر، نشریه دانشگاه تبریز، شماره 95-96، صص 470-441

Sadegi A.A. (1970) Prepositions in modern Persian. *Tabriz University*, No. 95–96, pp. 441–470. (In Persian).

فرشیدورد خسرو، 2003، دستور مفصل امروز بر پایه زبان‌شناسی جدید، تهران، سخن، 704 ص.

Farshidvard Kh. (2003) Contemporary detailed grammar, Tehran: Sokhan, 704 p. (In Persian).

خطیب رهبر خلیل، 1988، حروف اضافه و ربط، تهران: سعدی، 543 ص.

Khatib Rahbar Kh. (1988) Prepositions and conjunctions, Tehran, Saadi, 543 p. (In Persian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Маджид Эстери — кандидат филологических наук, ассистент профессора, старший преподаватель русского языка кафедры иностранных языков, университет Гонбад-Кавус, Иран, г. Гонбад-Кавус, 4971799151, ул. Фалахи, университет Гонбад-Кавус; m.estiri@gonbad.ac.ir, ORCID: 0000-0003-0014-4330

ABOUT THE AUTHOR:

Majid Estiri — Candidate of Philology, Assistant Professor, Senior Lecturer of the Russian Language, Department of Foreign Languages, Gonbad Kavous University, Iran, Gonbad Kavous, 4971799151, st. Falahi, Gonbad Kavous University; m.estiri@gonbad.ac.ir, ORCID: 0000-0003-0014-4330

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81`25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-92-103

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ГЕНДЕРНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ
«ВИШНЁВЫЙ САД» А.П. ЧЕХОВА
НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК СИМИН ДАНЕШВАР)**

**Саиди Али
Искандари Махнуш**

Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран

Для контактов: a.saeidi1364@gmail.com, m_eskandary@atu.ac.ir

Аннотация. Русский язык входит в число синтетических, а персидский в число аналитических языков. Структура этих двух языков различается друг от друга. Различие между структурами этих двух языков осложняет перевод с одного языка на другой. Одно из этих различий — наличие в русском языке гендерных местоимений и их отсутствие в персидском языке. Это различие приводит к тому, что при наличии двух гендерных местоимений в русском предложении, переводчику придется применять некоторые приемы для уточнения гендерного содержания вышеупомянутых местоимений. Цель статьи — выявление приёмов уточнения гендерного содержания русских гендерных местоимений при переводе с русского языка на персидский язык. Новизна статьи заключается в том, что в данной статье впервые рассматривается эта проблема при переводе с русского языка на персидский язык и выявляются приёмы его решения. Данное исследование является описательным, проведённым системным подходом. Статическая совокупность данного исследования включала русские предложения, содержащие гендерные местоимения из текста пьесы «Вишнёвый сад», при переводе которых переводчик персидского языка сталкивается с проблемой, и их переводы на персидский язык. В конце статьи перечисляются приемы перевода русских гендерных местоимений с русского языка на персидский на материале перевода «Вишнёвый сад» Чехова в переводе Симин Данешвар.

© Саиди Али, Искандари Махнуш, 2023

Ключевые слова: гендерное местоимение, перевод, персидский язык, русский язык, Вишневый сад, Чехов, Смин Данешвар

Для цитирования: Саиди Али, Искандари Махнуш. Особенности перевода гендерных местоимений с русского языка на персидский язык (на материале перевода пьесы «Вишнёвый сад» Чехова на персидский язык Симин Данешвар) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 3. С. 92–103. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-92-103

Статья поступила в редакцию 13.07.2023;
одобрена после рецензирования 11.10.2023;
принята к публикации 18.11.2023.

TRANSLATION OF GENDER PRONOUNS FROM RUSSIAN INTO PERSIAN: A CASE STUDY OF THE PLAY “THE CHERRY ORCHARD” BY ANTON CHEKHOV INTO PERSIAN BY SIMIN DANESHVAR

Saeidi Ali
Iskandary Mahnush

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

For contacts: a.saeidi1364@gmail.com, m_eskandary@atu.ac.ir

Abstract. Russian is a synthetic language, whereas Persian is an analytical language. The structures of these two languages are different from each other. The difference between the structures of these two languages makes it difficult to translate from one language to the other. One of these differences is the presence of gender pronouns in Russian and its absence in Persian. This difference will lead to the fact that if there are two gender pronouns in a Russian sentence, the translator will have to apply some tricks to clarify the gender content of the above pronouns. The purpose of the article is to identify techniques and methods for clarifying the gender content of Russian gender pronouns when translating from Russian into Persian. The novelty of the article lies in the fact that this article for the first time considers this problem when translating from Russian into Persian and identifies methods for solving it. This study uses a descriptive and systematic approach. The static population of this study included Russian sentences containing gender pronouns from the text of the play “The Cherry Orchard” by Anton Chekhov. At the end of the article, the methods of translating

Russian gender pronouns from Russian into Persian are listed and illustrated by the Persian translation of “The Cherry Orchard” made by Simin Daneshvar.

Keywords: Gender pronoun, translation, the Persian language, the Russian language, “The Cherry Orchard”, Anton Chekhov, Simin Daneshvar

For citation: *Saeidi Ali, Iskandary Mahnush. (2023) Features of the translation of gender pronouns from Russian into Persian (on the basis of the translation of the play “The Vyshnevyy Orchard” by Chekhov into Persian by Simin Daneshvar). Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 92–103. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-92-103*

The article was submitted on July 06, 2023;
approved after reviewing on October 16, 2023;
accepted for publication on November 18, 2023.

Введение

Понятие «гендер» заимствовано из западной социологии, где оно означает конструкт, в основе которого лежат три группы характеристик: биологический пол, полоролевые стереотипы и так называемый гендерный дисплей — многообразие проявлений, связанных с предписанными обществом нормами мужского и женского взаимодействия» (Ласкова, 2001: 343–344).

В лексике любого языка можно найти слова, указывающие на гендер, обозначающие мужчин и женщин, но в некоторых языках гендерные характеристики встречаются в разных уровнях языка, включая лексику и грамматику (морфологию и синтаксис).

Как отмечает Богачева Оксана, «большинство языков можно разделить на три группы по степени выраженности гендерных различий» (Богачева, 2022: 19). Первая группа языков под названием «гендерно-маркированные языки» отличается самой высокой степенью содержания гендерно-маркированной лексики и местоимений» (Там же: 20). Русский язык входит в число языков этой группы.

Английский язык и языки, «в которых существуют гендерные различия в области местоимений, но большая часть лексики не маркирована по половому признаку» (Там же: 21) входят во вторую группу.

Персидский язык входит в число языков третьей группы под названием гендерно-неориентированных языков, в которых не указывается на гендерную принадлежность и «отсутствуют морфологическое и лексическое согласования между существитель-

ными, глаголами и прилагательными в контексте указания на род определяемого слова» (Yasir Suleiman, 1999).

Следует отметить, что персидский язык не входит в число гендерно-нейтральных языков, под которыми понимается «совокупность языковых способов выражения, которые сводят к минимуму использование слов и фраз, сигнализирующих о биологическом поле человека» (Богачева, 2022: 21).

Гендерные местоимения отчётливо указывают на пол существительного, которое употреблялось в контексте. В русском языке личные местоимения «он» и «она» и их морфологические парадигмы, также притяжательные местоимения «его» и «её» являются гендерными местоимениями. Местоимения в персидском языке — гендерно-неориентированные, т.е. по отношению к мужскому и женскому полам употребляется единственное личное местоимение «او». Выражение притяжательности в персидском языке осуществляется при помощи слова «مال» плюс личные местоимения и в этом языке нет особых притяжательных местоимений. В персидском языке также существуют слитные притяжательные местоимения «م. ت. ش. مان. تان. شان», которые прикрепляются к названию вещей, которые принадлежат кому-нибудь. Это различие между русским и персидским языками осложняет процесс перевода, особенно с русского языка на персидский язык. Чтобы устранить двусмысленность при переводе гендерных местоимений русского языка на персидский язык, переводчик вынужден применять приёмы для перевода этих местоимений.

Русский язык имеет богатую систему обозначения участников дискурса и таким образом писатель русского текста благодаря гендерному различию между женскими и мужскими местоимениями не повторяет личные имена персонажей в тексте. Он применяет русские гендерные местоимения и у читателей не возникает недопонимание.

Поскольку в персидском языке не существуют гендерных местоимений, переводчик при переводе русского текста сталкивается с проблемой передачи этих местоимений на персидский язык. Представляется очевидным, что если вместо всех местоимений в исходном тексте переводчик ставит местоимение в тексте назначения, то получается текст, который не понимает носитель персидского языка, именно поэтому ему приходится применять способы, чтобы уточнять гендерное значение названных местоимений.

В этой статье на материале перевода на персидский язык пьесы А.П. Чехова «Вишнёвый сад», который выполняла иранская

писательница Симин Данешвар, мы хотим выявить, какие способы может применять переводчик при переводе гендерных местоимений с русского языка на персидский язык. Гендерное местоимение «он» в первом действии этой пьесы употреблялось 24 раза, во втором действии 13 раз, в третьем 23 раза и наконец в четвёртом действии — 2 раза. В общей сложности в этой пьесе встречается 62 гендерных местоимения «он».

Гендерного местоимения «она» в первом действии встречается 18 раз, во втором действии 8, в третьем 12 и в четвёртом действии — 9 раз. В общей сложности в этой пьесе гендерное местоимение «она» употреблено Чеховым 47 раз.

Гендерное притяжательное местоимение «его» 29 раз, а гендерное местоимение «её» 21 раз употреблялись в этой пьесе.

Следует отметить, что русские гендерные личные местоимения, включая «он» и «она» и их парадигмы в остальных падежах, включая «его», «её», «ему», «ей», «ним», «ней», а также русские гендерные притяжательные местоимения, т.е. «его» и «её», в персидском языке одинаково переводятся на «او». Если в одном предложении употребляются два или более вышеупомянутых местоимений, затрудняется процесс перевода с русского языка на персидский язык для переводчика и ему придется применять некоторые способы для правильной передачи этих местоимений. Этот пример показывает часть таких трудностей:

Виктор и Анна друзья. Каждое утро **он** отвозит **её** на работу.

Во втором предложении употреблено два гендерных местоимения «он» и «её». Если переводчик вместо этих местоимений в персидском языке поставит их первичный перевод, получается это предложение: «او هر روز او را سر کار می برد». В русском предложении понятно именно кто отвозит кого на работу, но персидский вариант нуждается в объяснении для точного понимания. Персидский вариант двусмыслен: 1) Каждое утро **он** отвозит **её** на работу. И 2) Каждое утро **она** отвозит **его** на работу. Именно поэтому переводчику придется так переводить данное предложение: «ویکتور هر روز او را سر کار می برد» или «او هر روز انا را سر کار می برد». В этих предложениях вместо одного из гендерных местоимений употреблено имя человека, указанное в первом предложении.

Персидский язык входит в число про-дроп языков или языков с эллипсисом местоимения, поскольку «в персидском языке рассматривается богатое спряжение глаголов и допустимость оставления подлежащего из изъяснительного придаточного предложения.

В этом типе языков во всех формах глагола с разными временами личное местоимение может быть опущено» (متولیان/ Мотеваляян, 2013: 72). Но чтобы точно передать гендерное содержание русских местоимений, переводчик иногда удаляет местоимение и заменяет местоимение другим словом, например опорным словом, а иногда объединяет местоимение и следующее слово.

Основная часть

В этой части статьи рассматриваем случаи, когда переводчик выясняет гендерные местоимения в своём переводе:

Гендерное местоимение «он» и его парадигма в разных падежах

— Он тогда здесь на деревне в лавке торговал.

— پدرم دکانی در این دهکده داشت.

Опорное слово к местоимению «он» в этом предложении — отец мой в предыдущей фразе и переводчик для уточнения гендерного значения в своем переводе употребляла родственное отношение вместо этого местоимения.

— Человек он смиренный.

— مرد آرامی است.

В этом примере для уточнения содержания гендерного местоимения «он» переводчик использовала слово, обозначающее мужской пол «مرد» (мужчина).

— он в старинной ливрее и в высокой шляпе.

— لباس کهنه مهتری دارد و کلاه بلندی بر سر گذاشته است.

В этой части пьесы речь идет о Фирсе, который «торопливо проходит, ездивший встречать Любовь Андреевну», но мы сталкиваемся с двумя персонажами — Фирс и Любовь Андреевна. Предложение «он в старинной ливрее и в высокой шляпе» в русском языке не нуждается в выяснении, поскольку гендерное местоимение «он» показывает, что речь в этом предложении идет о Фирсе. В персидском предложении опущено местоимение, и переводчик не выяснила, о каком человеке идет речь.

— Варя, он сделал предложение?

— واریا، از تو خواستگاری کرده؟

— Ведь он же тебя любит.

— حتما دوستت دارد.

В этих двух примерах также переводчик опустила гендерное местоимение и не выяснила содержание местоимения.

— Теперь он только чай пьет на балконе.

این روزها آدم‌های بی‌لاق برو فقط توی ایوان خان‌شان لم می‌دهند و چای خود ر

Здесь переводчик вместо гендерного местоимения «он» использовала опорное слово во множественном числе, которое не нуждается в гендерном выяснении.

— О чем это он?

— چه می‌گوید؟

Здесь переводчик опустила гендерное местоимение и не выяснила содержание местоимения.

— Он хороший **человек**.

— خوب مردی است.

В этом примере для уточнения содержания гендерного местоимения «он» переводчик использовала слово, обозначающее мужской пол «مرد» (мужчина).

— Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а **он** за мной...

— چشم‌انم را بستم و بدون فکر فرار کردم. اما **مردکه** هم دنبالم آمد.

Здесь для уточнения гендерного значения местоимения «он» переводчик использовала слово «مردکه», которое является неодобрительным обращением к мужчинам. Это слово прямо указывает на гендер.

— Напугал **он** меня. (О прохожем)

— **مردک** مرا ترساند.

В этом примере Данешвар использовала неодобрительное обращение к мужчинам, указывающее на мужской пол «مردک».

— Он хороший **человек**, мне нравится. (О Лопакхине)

— **لوپاخین** مرد خوبی است. دوستش دارم.

Здесь переводчик использовала опорное слово, т.е. Лопакхин вместо гендерного местоимения «он» для уточнения гендерного значения этого местоимения.

— Ведь **он** обобрал вас!

— این مرد شما را لخت کرده، دوشیده.

Здесь Данешвар использовала слово, прямо указывающее на гендерное значение «مرد» (мужчина).

— **Он** идёт к двери, **она** за **ним**. (Он — Епиходов, она — Варя)

— **یه‌پیخودوف** به سوی در می‌رود و **واریا** دنبالش می‌رود.

В этом примере рассматривается два гендерных местоимения. Переводчик вместо этих местоимений и для выяснения их гендерного содержания использовала опорные слова Епиходов и Варя.

— Сейчас, сейчас... Экие, право. (Уходит за **ним**.) (Ним — Трофимов)

— ا، همین الان ... این آدمها. (دنبال تروفیموف می‌رود.)

В этом примере видно использование опорного слова «Трофимов» вместо гендерного местоимения «ним» для выяснения его гендерного значения.

Гендерное местоимение «она» и её парадигма в разных падежах

— Хороший **она** человек.

— ا، همین الان ... این آدمها. (دنبال تروفیموف می‌رود.)

Здесь переводчик для уточнения содержания гендерного местоимения «она» использовала слово, обозначающее женский пол «زن» (женщина).

— Сядем на вокзале обедать, и **она** требует самое дорогое и на чай лакеям даёт по рублю.

— توی ناهار خوری ایستگاه غذا می‌خوردیم و مادرم گرانترین غذاها را سفارش می‌داد و به هر پیشخدمتی یک روبل انعام می‌داد.

В этом примере родственное отношение «мама» заменено гендерным местоимением «она» и таким образом переводчик выяснила гендерное значение этого местоимения.

— **Она** вскрикивает и роняет блюдечко. (О Дуняше)

— دونیاشا فریاد می‌کشد و نعلبکی از دستش می‌افتند.

Здесь гендерное значение местоимения «она» выясняется употреблением опорного слова «Дуняша» вместо исходного местоимения.

— **Она** оглянулась на него.

— مادام رانوسکی او را و رانداز می‌کند.

В этом примере переводчик заменяет опорное слово «رانوسکی» гендерным местоимением «она».

— **Она** хорошая, добрая, славная, я её очень люблю, но ...

— **خواهرم** خوب، مهربان و ظریف است. من خیلی دوستش دارم، اما ...

Здесь также переводчик использовала родственное отношение «خواهرم» (моя сестра) вместо гендерного местоимения «она».

— Твоя мама поговорит с Лопахиным; он, конечно, **ей** не откажет...

— البته او روی حرف مادرت حرف نخواهد زد ...

В этом примере использовано два личных гендерных местоимения «он» и «ей», первый из которых относится к женскому, а

второй — к мужскому полам. Переводчик при переводе второго гендерного местоимения использовала родственное отношение «مادرت» (твоя мать).

— **Она** у меня из простых, работает целый день. (O Vare)

— دختر خوب و ساده‌ای است. تمام روز کار می‌کند.

Здесь переводчик для уточнения гендерного значения местоимения «она» использовала слово, указывающее на гендер, т.е. «دختر» (девушка).

— Входят через переднюю Любовь Андреевна и Гаев; **она** не плачет, но ...

— مادام رانوسکی و گایف از ایوان تو می‌آیند. مادام رانوسکی گریه نمی‌کند اما ...

В этом примере в персидском предложении использовано опорное слово для выяснения содержания гендерного местоимения «она».

— (стараясь **её** утешить) Дядечка купил, я в этом уверена.

— کوشش می‌کند مادرش را آرام کند. حتما دایی جان ملک را خریده‌اند.

В этом примере Данешвар вместо гендерного местоимения «её» использовала родственное отношение «мать» (مادر).

— я мечтала... выдать **её** за вас, да и по всему видно было, что вы женитесь.

— فکر می‌کردم واریا زن شما می‌شود. قراین هم اینطور نشان می‌داد که شما

دو تا زن و شوهر می‌شوید.

В этом же примере на месте гендерного местоимения «её» использовано опорное слово «Варя».

Гендерное притяжательное местоимение «его»

— Я приказала его не будить.

— سپردم پتیا را بیدار نکنند.

В этом примере переводчик использовала опорное слово «Петя» вместо гендерного притяжательного местоимения «его».

Гендерное притяжательное местоимение «её»

— **Её** рукой закрывает себе лицо.

— صورتش را با دست‌های آنیا می‌پوشاند.

Здесь также переводчик использовала опорное слово «Аня» вместо гендерного местоимения «её».

Выводы

Исходя из того, о чём говорилось в тексте статьи, переводчик старается «заменить многозначные местоимения в исходном тексте формами, позволяющими точно идентифицировать, референт местоимения. Кроме того, более сложные синтаксические конструкции переводимого языка заменяются более простыми и лёгкими синтаксическими конструкциями исходного языка» (تجویدی/Таджвиди, 2008: 55).

Рассмотренный материал и примеры в данной статье показывают, что Данешвар как переводчик пьесы «Вишнёвый сад» А.П. Чехова применяет нижеследующие способы для уточнения гендерно-значения русских местоимений, употребляемых в тексте пьесы:

1. Указание на гендер опорного слова или референта при помощи слов, прямо указывающих на пол в персидском языке, в том числе «مرد» (мужчина), «زن» (женщина), «رتخد» (девушка), «پسر» (парень). 7 раз переводчик использовала эти слова для выяснения содержания гендерных местоимений.

2. Использование опорного слова или референта и собственно-го имени в предложении и замена референта гендерным местоимением. Этот прием преобладает в переводе гендерных местоимений в переводе Данешвар. 13 раз для выяснения содержания гендерных местоимений употреблялись опорные слова.

3. Замена родственного отношения гендерным местоимением. В рассмотренном переводе употреблялись такие родственные отношения, как «خواهر» (сестра), «برادر» (брат), «مادر» (мать, мама) и «پدر» (отец, папа). 5 раз переводчик применяла этот приём в своём переводе.

Список литературы

Богачева О. Выпускная квалификационная работа Гендерная проблематика в шведском языке (на примере политического дискурса), Санкт-Петербург, 2022.

Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2001.

Чехов А.П. Вишнёвый сад. М.: АСТ, 2018. 256 с.

Yasir Suleiman "Language and Society in the Middle East and North Africa", ISBN 0-7007-1078-7, Chapter 10: "Gender in a genderless language: The case of Turkish", by Friederike Braun. 1999.

تجویدی غلامرضا. جهانی‌های ترجمه از فرضیه تا نظریه // مطالعات ترجمه. سال 6. شماره 23. ص 43-60. 1387. сол.کال.

دانشور سیمین. باغ آلبالو / سیمین دانشور. تهران: قطره، 1401. сол.کال.

متولیان رضوان ضمیر فاعلی عام در زبان فارسی: مقایسه ای بین زبانهای ضمیر
انداز ثابت و نسبی // پژوهش های زبانشناسی، 1392، ص 71-88. сол.кал.

References

Bagacheva O. (2022) *Vipusknaya kvalifikatsionnaya pabota gendernaya prablematika v shevedskom yazike (na primere paliticheskava diskursa)* (Graduation thesis Gender issues in the Swedish language (on the example of political discourse)). Saint Petersburg, 99 p. (In Russian).

Chekhov A.P. (2018) *Vishnovy sad = The Cherry Orchard*. Moscow: AST. 256 p. (In Russian).

Daneshvar S. (2022) *The Cherry Orchard*. Simin Daneshvar. Tehran: Ghatre. 110 p. (In Persian).

Laskova M.V. (2001) *Gramaticheskaya kategoria roda v aspekte gendernoy lingvistiki = The grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics*. Krasnodar. 301 p. (In Russian).

Motevaliyan R. (2013) General subject pronoun in Persian language: a comparison between fixed and relative pronoun languages. *Linguistic research*. No. 9, pp. 71–88 (In Persian).

Tajvidi gh. (2008) Translation worlds from hypothesis to theory. *Translation studies*. No. 23, pp. 43–60 (In Persian).

Yasir Suleiman (1999) "Language and Society in the Middle East and North Africa", ISBN 0-7007-1078-7, Chapter 10: "Gender in a genderless language: The case of Turkish", by Friederike Braun (In English).

تجویدی غلامرضا. جهانی‌های ترجمه از فرضیه تا نظریه // مطالعات ترجمه. سال
6. شماره 23. ص 43-60. 1387. сол.кал.

دانشور سیمین. باغ آلبالو / سیمین دانشور. تهران: قطره، 1401. сол.кал.

متولیان رضوان ضمیر فاعلی عام در زبان فارسی: مقایسه ای بین زبانهای ضمیر
انداز ثابت و نسبی // پژوهش های زبانشناسی، 1392، ص 71-88. сол.кал.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Саиди Али — преподаватель русского языка кафедры русского языка Университета имени Алламе Табатабаи, Иран. Иран, Тегеран, Шоссе Шахид Чамран, Мост Модират, Улица Южный Алламе, Факультет персидской литературы и иностранных языков, Кафедра русского языка и литературы. Почтовый индекс: 1997967556; a.saeidi1364@gmail.com

Искандари Махнуш — доцент кафедры русского языка университета имени Алламе Табатабаи, Иран. Иран, Тегеран, Шоссе Шахид Чамран, Мост Модират, Улица Южный Алламе, Факультет персидской литературы и иностранных языков, Кафедра русского языка и литературы. Почтовый индекс: 1997967556; m_eskandary@atu.ac.ir

ABOUT THE AUTHORS:

Saeidi Ali — Russian Language Teacher at the Department of Russian Language, Allameh Tabataba'i University, Iran. Iran, Tehran, Shahid Chamran highway, Modiriya bridge, Southern Allame street, Faculty of Persian literature and Foreign Languages, Department of Russian Language and Literature. Postal Code: 1997967556; a.saeidi1364@gmail.com

Iskandary Mahnush — Associate Professor at the Department of Russian Language, Allameh Tabataba'i University, Iran. Iran, Tehran, Shahid Chamran highway, Modiriya bridge, Southern Allame street, Faculty of Persian Literature and Foreign Languages, Department of Russian Language and Literature. Postal Code: 1997967556; m_iskandary@atu.ac.ir

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interest.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК:85'21

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-104-124

ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК ТЕРМИНА «人才» НА ОСНОВЕ ТРАНСЗНАНИЕВЕДЕНИЯ — НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ СИ ЦЗИНЬПИНА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ IV»

Ван До

Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, Китай

Для контактов: duflduo1998@gmail.com

Аннотация. Перевод центральной литературы КПК — это важный путь для демонстрации образа страны и распространения голоса Китая. Цель данной статьи — на основе этой идеи и руководствуясь трансзнаниеведением, анализировать методы перевода на русский язык высказываний о 人才 (профессионал) в различных текстах и контекстах из Си Цзиньпина «О государственном управлении IV» и исследовать политику по кадровым делам Китая, заложенную в переводе. Знание будет передано через политический дискурс, чтобы показать дискурс власти внутри знания. Методы исследования объединяют качественный и количественный подходы, используя метод глубинного анализа, чтобы раскрыть социальную природу языковых явлений. Исследование показывает, что в переводе данной статьи наиболее часто использовались слова «кадры» для передачи значения «人才», вторые по частоте — «специалист», «профессионал» и «талант». Китайская промышленность и другие отрасли имеют «кластерную» структуру, каждый регион имеет свои преимущественные отрасли, и соответствующие потребности в профессионалах также различны, поэтому при переводе следует учитывать конкретные обстоятельства и эпохальную ситуацию. Выбор разных слов для выражения термина «人才» показывает не только знание по ситуации китайского экономического развития, но и китайское официальное отношение к мировым человеческим ресурсам.

© Ван До, 2023

Ключевые слова: перевод центральной литературы, транскnowledgeology, метод перевода и политическая интенция

Для цитирования: Ван Ду. Перевод на русский язык термина «人才» на основе транскnowledgeology — на материале публикаций Си Цзиньпина «О государственном управлении IV» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 3. С. 104–124. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-104-124

Статья поступила в редакцию 19.08.2023;
одобрена после рецензирования 06.11.2023;
принята к публикации 18.11.2023.

THE TRANSLATION OF THE TERM “人才” INTO RUSSIAN BASED ON TRANSKNOWLEDGEOLOGY: XI JINPING’S PUBLICATION “THE GOVERNANCE OF CHINA IV”

Wang Duo

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

For contacts: duflduo1998@gmail.com

Abstract: Translating the central literature of the CPC is an important way to showcase the image of the country and disseminate China’s voice. The aim of this article is, based on the aforementioned idea and guided by transknowledgeology, to analyze the methods of translating expressions related to “人才” (talent/professional) into Russian in various texts and contexts from Xi Jinping’s “The Governance of China IV” and to explore China’s personnel policy embedded in translation. Knowledge is conveyed through political discourse to demonstrate the discourse of power within knowledge. The research methods combine qualitative and quantitative approaches, using in-depth analysis to reveal the social nature of linguistic phenomena. The study shows that in the translation of this article, the word “кадры” (cadres) was most frequently used to convey the meaning of “人才,” followed by “специалист” (specialist), “профессионал” (professional), and “талант” (talent). Chinese industry and other sectors have a “cluster” structure, with each region having its own preferred sectors, and corresponding professional needs vary. Therefore, when translating, specific circumstances and the epochal situation should be taken into account. The choice of different words to express the term “人才” not only reflects an understanding of the situation in Chinese economic development but also China’s official stance on global human resources.

Keywords: translation of central literature, transknowledgeology, translation method, political intention

For citation: Wang Duo. (2023) The translation of the term “人才” into Russian based on transknowledgeology: Xi Jinping’s publication “The governance of China IV”. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 104–124. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-104-124

The article was received on August 19, 2023;
approved after reviewing received on November 06, 2023;
accepted for publication on November 18, 2023.

1. Исследовательский контекст и ценность данной статьи

1.1. Исследовательский контекст

С XVIII съезда КПК и до настоящего времени, китайские коммунисты во главе с Си Цзиньпином придерживаются объединения основных принципов марксизма с конкретными условиями Китая, сочетания выдающейся китайской традиционной культуры с китайскими особенностями в новую эпоху. Великая практика по руководству партией и народом, преодоление трудностей и открытие нового пути согласно ситуации, глубокие размышления и научное рассмотрение ряда важных теоретических и практических вопросов, связанных с развитием партии и государства в новую эпоху — всё это привело к представлению ряда оригинальных новых идей, новых концепций и новых стратегий управления государством. Были даны научные ответы на вопросы Китая, мира, народа и времени.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин на Центральной конференции по кадровой работе заявил: «В настоящее время наша страна вступает в новый этап строительства социалистической современной страны и движения к второй цели столетия. Мы сейчас ближе всего к великой цели восстановления китайской нации, чем когда-либо в истории, и стараемся больше всего получить талантливых людей». В новой эпохе и на новом этапе движения, важное выступление Си Цзиньпина по вопросам кадровой работы обозначило направление для успешного выполнения работы по кадрам, ускорения построения сильной страны талантов и служит фундаментальным принципом для великого восстановления нации.

1.2. Исследовательская ценность

В отношении термина «人才» (кадры, талант, профессор, профессионал и др.) в иностранных языках, таких как русский, английский и японский, существует множество различных выражений. Например, на русском языке есть слова кадры, талант, профессор, профессионал и другие, которые также имеют это значение. На английском языке можно встретить такие выражения, как professor, talent, people with ability, an able person и др. Между этими выражениями есть небольшие различия: разница в объёме осмысленного содержания, разница в сферах использования, а также разница между местными и иностранными словами. Выбор того, какой способ выражения использовать в каком контексте и с учётом ситуации, имеет важное значение для формирования концепции кадров в своей стране. Например, необходимые кадры для Шанхайского региона в Китае и для региона на западе Китая будут различными: Шанхай является финансовым центром Китая и требует специалистов с высшим образованием и профессиональными знаниями в области финансов и Интернета; тогда как на западе Китая, где преобладают сельское хозяйство и традиционная промышленность, будут нужны специалисты с профессиональными ремесленными навыками или эксперты с профессиональными навыками в оптимизации тяжёлой промышленности.

2. Теоретическая основа и источники материала

2.1. Теоретическая основа

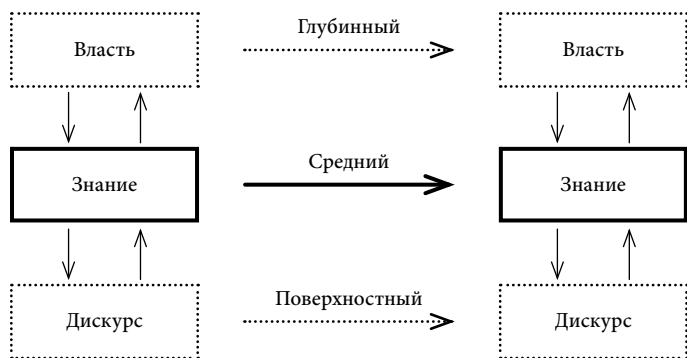
Теоретическая база данной работы основывается на трансзнание. В 2021 году в пятом номере журнала «Современные исследования иностранных языков» Ян Фэн опубликовал статью под названием «Манифест трансзнаниеведения, что знаменует появление трансзнаниеведения на академической сцене как новой теории и метода переводоведения и философской мысли о переводе. С одной стороны, он указывает на недостатки традиционных исследований в области перевода: «Прошлые исследования перевода либо заикливаются на детальных описаниях языкового перехода, либо представляет избыточные интерпретации культурного влияния», а с другой стороны, он подчёркивает преимущества трансзнаниеведения: «Трансзнаниеведение фокусируется на производстве и изменении локального знания в мировое, исследует перевод в контексте и исторической перспективе различных знаний, научно анализирует культурный контекст, социальные условия и по-

литическую среду перевода и принятия, а также процессы и опыт перевода, обработки и преобразования различных знаний, включая языковые преобразования, концептуальное формирование и передачу знаний и их культурный контекст, социальные условия и политическую среду». Трансзнаниеведение исследует процессы, связанные с пересмотром, переформулировкой и повторным распространением знаний на разных языках, а также взаимосвязи, движении и закономерности. Ядром трансзнаниеведения является идея перехода локального знания в глобальное знание через перевод. Чтобы распространить знания с помощью перевода, нужно учитывать знания о культурном контексте исходного текста, чтобы обеспечить без потерь знания в процессе перевода, а также учитывать знания о культурном контексте целевого текста, чтобы обеспечить приемлемость знания в процессе перевода.

Отношение между знанием, дискурсом и властью Фуко проанализировал ещё в своих классических работах: «Без построения соответствующей области знания невозможны отношения власти, и без предварительного установления и построения отношений власти не может быть никакого знания». Фуко отрицает объективность или чистоту знания или истины, указывая на взаимосвязь власти с речью/знанием. От имени знания и истины власть использует дискурс для получения скрытого авторитета, создания соответствующей социальной структуры и укрепления отношений власти, а так называемые знания, истина и рациональность являются продуктом практики дискурса (Сю Цзюньи, 2010). Перевод, скорее, является «путешествием от исходного дискурса к целевого дискурса через переводчика». Таким образом, дискурс является внешним средством и формой выражения, знание — это феномен, а власть — это ядро. Отношение между речью и властью неразрывно диалектическое. Дискурс — это средство реализации и форма выражения власти, а власть — это ядро дискурса. Сущность дискурса — это власть, власть проявляется через знание, а для проявления знания требуется в большей степени использование дискурса. Сущность термина «дискурсная власть» заключается во власти, проявленной через дискурс. Данная статья обращает внимание на взаимоотношения между властью, политическим знанием и политическим дискурсом, потому что дискурс — текст и материалы данной статьи, мы передадим знание «人才» иностранным с помощью политического дискурса, то есть официальный дискурс — Си Цзиньпин «О государственном управлении IV». А власть,

точнее, здесь дискурс власти. Такой вид власти отражён политическим дискурсом, формируется через знание в политических дискурсах. Китай официально хочет формировать свой дискурс власти в творческих областях, привлекать иностранные таланты и показать китайские богатые человеческие ресурсы в разных отраслях.

Сущность перевода заключается не только в преобразовании местного знания в мировое, но и в преобразовании местного дискурса как формы выражения знания и местной власти в мировой дискурс и власть на более глубоком уровне. Знание как посредник между дискурсом и властью играет в этом процессе важную роль. Поэтому в теории перевода знание занимает центральное место, поскольку дискурс слишком поверхностен и очевиден, а власть слишком глубоководная и трудна для понимания.

Рис. 1. Взаимоотношения «власть, знание и дискурс» между исходным и целевым языками (схема моя — В.Д.)

О трансназаниеведении в настоящее время в Китае есть несколько замечательных достижений, но большинство исследований всё ещё сосредоточены на аспектах теоретической конструкции: Цуй Линсяо и Ли Шухуа (2023) представляют требования к субъективности переводчика с точки зрения процесса широты знаний и стандартов перевода; Лян Линсин и Ванг Ди (2023) излагают дискуссию о связи между переводчиком и знанием, а также роль переводчика с точки зрения теории трансназаниеведения; Чен Кайю (2023) анализирует причины и стратегии принудительной интерпретации с точки зрения перспективы трансназаниеведения; Пань Суйчен (2022) сосредотачивается на роли знаний отдельного переводчика в процессе перевода, подчёркивая этический

аспект переводчика как субъекта перевода. Чжан Шэнсян (2022) предложил возможный путь построения теории транснаниеведения, он упрощает переводную область знаний до моделирования, преобразования и создания, улучшая и уточняя стратегию ассимиляции/адаптации, предложенную Венути, чтобы руководить конкретной практикой перевода; Чэнь Далиан (2022) и Лан Хунцзун (2022) обеспечивают рациональные основы для транснаниеведения в качестве теории и метода, рассматривая перевод знаний как метатеорию и методологию, направляя практику перевода; Тин Цзяньхуа (2022) акцентирует внимание на взаимосвязи между производством, управлением и преобразованием знаний в переводе, считая, что перевод — это миграция знаний, перестройка речи и создание ценностей, под влиянием отношений власти и идеологии.

Стоит отметить, что Пань Яньян (2022) уделяет особое внимание связи между транснаниеведением и когнитивным переводом. Она считает: «Можно рассматривать когнитивную теорию перевода как часть транснаниеведения и считать, что в рамках когнитивной науки можно исследовать следующие темы в области транснаниеведения, например: как знания, возникающие и распространяющиеся через перевод, осуществляют функции конструкции понимания, оценки, изменения и толкования и т.д. Когнитивная теория перевода и когнитивная наука предоставляют конкретные теории и методы для транснаниеведения, чтобы осуществить переход от локальных знаний к глобальным. Транснаниеведение является метанаукой, а когнитивная теория перевода — отраслевой наукой, представляющей область познавательного эмпирического исследования транснаниеведения.

На практическом уровне применения транснаниеведения, Джин Руге (2023) исследовал ранние русские переводы «Судовой середины малоханий» с точки зрения транснаниеведения; Лин Фэн и Юэ Фэн (2023) проанализировали метод «Сокрытия» в «И Цзин»; Мяо Пэн (2022) провёл анализ перевода и введения знаний о вирусах в конце цинской и республиканской эпохи с точки зрения транснаниеведения.

2.2. Источники материалов

Многоязычные переводы публикации Си Цзиньпин «О государственном управлении IV» были опубликованы в июне 2023 года и включают в себя восемь версий на разных языках: русский,

французский, арабский, испанский, португальский, немецкий, японский и традиционный китайский. В четвёртом томе содержится важное творчество Си Цзиньпина в период с 3 февраля 2020 года по 10 мая 2022 года, включая 109 статей: выступления, беседы, речи, поздравительные послания и указания. Книга разделена на 21 тематическую часть, в соответствии с хронологическим порядком. Русский перевод был сделан Отделом пропаганды ЦК КПК (Пресс-канцелярия Госсовета КНР) совместно с Институтом партийной истории и литературы при ЦК КПК и Управлением КНР по делам издания и распространения литературы на иностранных языках.

Таблица 1

Слово «人才» и контекст

№	Тема	Китайский	Русский
1	在中国共产党成立 100 周年上的讲话 Речь на торжественном собрании по случаю столетнего юбилея со дня основания коммунистической партии Китая	人才强军	наращивать военную мощь посредством реформ, опираясь на <i>высокопрофессиональные кадры</i>
2	弘扬伟大抗美援朝精神, 进行具有许多新的历史特点的伟大斗争 Развивать великий дух сопротивления американской агрессии и оказания помощи корейскому народу, вести великую борьбу, имеющую множество новых исторических черт	人才强军	повышения боеспособности армии за счёт научно-технического прогресса, привлечения <i>профессионалов высокого уровня</i>
3	在全国脱贫攻坚总结表彰大会上的讲话 Выступление на собрании по подведению итогов и награждению лиц и коллективов, отличившихся в решительной борьбе по ликвидации бедности	促进人才、资金、技术向贫困地区流动	содействовали направлению <i>людских ресурсов</i> , капитала и технологий в бедные районы

4	扎实推进共同富裕 Строить совместное благосостояние на реальной основе	要加大技能人才培养力度	<i>Квалифицированные рабочие являются важной составляющей группы со средними доходами</i>
5	构建新发展格局、 重塑新竞争优势 Формировать новую архитектуру развития, создавать новые конкурентные преимущества	要充分激发人才创新活力, 全方位培养、引进、用好人才, 造就更多国际一流的科技领军人才和创新团队, 培养具有国际竞争力的青年科技人才后备军	Надо в полной мере активизировать инновационную креативность кадров, подготавливать, привлекать и должным образом использовать выдающихся специалистов по всем направлениям, готовить больше ведущих специалистов и инновационных команд первоклассного международного уровня в научно-технической сфере, работать над подготовкой резервов молодых научно-технических специалистов с международной конкурентоспособностью
6	加快构建新发展格局 Ускорять формирование новой архитектуры развития	既要持续深化商品、服务、资金、人才等要素流动型开放	Надо не только продолжать углублять открытость, характеризующуюся обменом такими элементами, как товары, услуги, денежные средства, выдающиеся специалисты и т.д.
7	努力在危机中育新机、于变局中开新局 Усердно изыскивать новые возможности в условиях кризиса, формировать новую обстановку на фоне меняющейся ситуации	我国拥有1亿多市场主体和1.7亿多受过高等教育或拥有各类专业技能的人才	В стране насчитывается свыше 100 млн рыночных субъектов и более 170 млн человек с высшим образованием или обладающих различными профессиональными навыками
8	扎实推进长三角一体化高质量发展 Основательно продвигать интеграционное высококачественно развитие дельты реки Янцзы	长三角区域要发挥人才富集	Регион дельты реки Янцзы должен в полной мере использовать богатые людские ресурсы
		长三角区域吸引海内外人才安家落户	Регион дельты реки Янцзы — привлекать китайских и зарубежных высококвалифицированных специалистов
		发现人才、培育人才、使用人才	Надо искать и привлекать высококвалифицированных специалистов, готовить таких специалистов

9	以铸牢中华民族共同体为主线, 推动新时民族工作高质量发展 Способствовать высококачественному развитию национальной работы партии в новую эпоху, рассматривая в качестве основной линии укрепление сознания общности китайской нации	要更加重视、关心、更多优秀人才	Необходимо обращать больше внимания на выдающихся <i>специалистов</i>
10	加强国际传播能力建设, 展示真实、立体、全面的中国 Увеличивать наращивание потенциала в сфере международного вещания, всесторонне показать настоящий, трёхмерный Китай	加强专门人才队伍	Создать сильную команду <i>специалистов</i>

В силу ограничения объёма, в таблице приведена лишь часть статистических данных по языковым материалам данной статьи. В соответствии с моими поисковыми запросами, в данной статье имеется 14 вариантов перевода слова «人才» на русский язык, а именно:

- 1) высококвалифицированные кадры;
- 2) профессионал высокого уровня;
- 3) человеческие ресурсы;
- 4) квалифицированные рабочие;
- 5) кадры;
- 6) выдающийся\ведущий\научно-технический\высококвалифицированный специалист;
- 7) человек, обладающий различными профессиональными навыками;
- 8) выдающиеся научные кадры и специалисты;
- 9) таланты;
- 10) талантливые кадры;
- 11) кадровый резерв;
- 12) кадровый состав;
- 13) персонал;
- 14) талантливые люди.

В представленных выше вариантах перевода наибольшее количество вхождений составляют слово «кадры» и его модификации с прилагательными, встречающиеся в тексте 94 раза; слово «специалист» и его модификации с прилагательными встречаются 38 раз. За ними следуют талант, человек, обладающий различными профессиональными навыками, персонал и т.д. Теория транснаиведения акцентирует внимание на преобразовании локального знания в мировое знание. В русском языке эти переводы слов, которые обозначают «人才», содержат различия, и обработка этих мелких различий, казалось бы, связана только с разницей в словах, но за этим стоит понимание иностранцев о состоянии экономического развития и политике в области талантов в различных регионах Китая.

3. Семантическое различие в выборе русских слов для «人才»

В отношении выбора русских слов для термина «人才» различается семантическое значение. В данной статье используется Толковый словарь Ожегова онлайн¹ для определения значения слова кадры:

КАДРЫ, -ов. 1. Постоянный состав войсковых частей регулярной армии. 2. Состав работников той или иной отрасли деятельности, производства. Инженерные, технические, научные кадры. Отдел кадров (отдел предприятия, учреждения, ведающий личным составом). II прил. кадровый, -ая, -ое. К. состав войск. К. офицер. К. рабочий.

Согласно словарному значению, это слово сосредоточено в военной сфере и указывает на постоянных членов обычных вооружённых сил. Также оно может использоваться в отношении предприятий для обозначения группы сотрудников в определённой области. Таким образом, это слово не содержит значения «人才». В словаре «Политика. Оксфордский словарь» (Иванян Э.А., 2005: 6240) указали, что первоначально понятие «кадры» обозначало «постоянный костяк воинского подразделения, офицеров и сержантов, вокруг которых могут быстро сплотиться рядовые». Таким образом, данный термин возник в военном деле для отражения иерархически структурированного, дисциплинированного базиса для быстрого расширения влияния на подконтрольные коллективы. По аналогии в России термин «кадры» стал употребляться в значении

---

¹ [https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lo56bdpc2m179352956\(2023-6-30\)](https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lo56bdpc2m179352956(2023-6-30))

«ячейка подготовленных коммунистических руководителей или члены такой ячейки». Таким образом, понятие «кадровая политика» первоначально относилось к военной сфере. В свою очередь, в начале XX века в России «кадровая система явилась воплощением идеи “авангардной роли партии”, была необходима вследствие неспособности рабочего класса самостоятельно выработать классовое сознание. Партийные ячейки создавались по месту жительства, во всех общественных организациях и на рабочих местах. При этом руководство партиячек отвечало не перед рядовыми членами организации, а перед вышестоящими партийными кадрами. Наличие системы контроля сверху за назначением и расстановкой кадров обеспечило приход к власти Сталина». Таким образом, понятие «кадровая политика» в начале XX века в России относилось к политической сфере. Китай, как социалистическое государство, имеет великую цель — в конечном итоге достичь коммунизма. В русском языке слово кадры уже используется метафорически, проецируя его с военной области на политическую область. Это также отражает устремления Ленина к социализму и коммунизму: объединение через кадры позволит достичь полной мобилизации и полностью реализовать руководящую роль партии.

СПЕЦИАЛИСТ, -а, м. Работник в области какой-либо определённой специальности. Подготовка специалистов. Узкий специалист. Специалист по сосудистой хирургии. П ж. специалистка, -и. В китайском языке СПЕЦИАЛИСТ может быть переведено как «专家» или «专业技术人员». Обычно, «专家» в Китае в первую очередь получает системное образование, в сегодняшний день — высшее образование. Специалист и означает человека, который, в отличие от любителей, занимается каким-либо делом как специалист и обладает профессиональными навыками, например, фотограф или высококлассный водитель. Это слово имеет более широкий диапазон значений для человека с талантом в различных областях, где он обладает превосходными навыками по сравнению с другими. С другой стороны, специалист — это человек, работающий в определённой области или профессии. Это может быть узкий специалист, молодой специалист (выпускник вуза или техникума, начинающий самостоятельную работу), а также специалист в определённой области, например, специалист по сосудистой хирургии. В сравнении с профессионалом, термин «специалист» может обозначать более узкую область знаний и требовать высшего образования.

ПЕРСОНАЛ, -а, м. Личный состав или работники учреждения, предприятия, составляющие группу по профессиональным

или служебным признакам. Технический персонал. Медицинский персонал. Обслуживающий персонал. Женский персонал госпиталя. П прил. персональный, -ая, -ое (устар.). Персональный состав.

В китайском языке ПЕРСОНАЛ может быть переведено как «人员» или «员工», и означает сотрудников или персонал учреждения или предприятия, разделённых на группы по профессиональным или служебным признакам. Например, технический персонал, медицинский персонал, обслуживающий персонал и женский персонал госпиталя. Прилагательное персональный также может использоваться для обозначения отношения к сотрудникам или персоналу. Например, персональный состав означает состав персонала или сотрудников. Очевидно, что само слово не имеет значения «талант» в китайском языке и указывает на персонал или сотрудников, подчёркивая их существование как членов коллектива.

ТАЛАНТ, -а, м. 1. Выдающиеся врождённые качества, особые природные способности. Талант актёра. Музыкальный талант. 2. Человек, обладающий такими качествами, способностями. Молодые таланты. * Зарыть талант в землю — не дать развиваться таланту, дать ему заглохнуть. В китайском языке ТАЛАНТ может быть переведено как «天赋» или «才能», и означает выдающиеся природные качества и особые способности. Например, талант актёра, музыкальный талант. ТАЛАНТ также может указывать на человека, обладающего такими качествами и способностями. Молодые таланты.

Очевидно, что это слово более акцентирует врождённый талант, а не профессиональные навыки, развитие которых приобретено. ТАЛАНТ в данном контексте скорее относится к тем, кто обладает особыми врождёнными талантами, а не к тем, кто развивает профессиональные навыки, таким образом, упоминание о таланте, вероятно, не включает доставщика еды, у которого «талант» развился после обучения.

4. Анализ тем и контекста появления термина «人才»

В данном тексте в контексте перевода на русский язык слова «人才» наиболее часто используется «кадры». Это слово применяется в различных областях, таких как вооружённые силы, научные и технические инновации, высшее образование, социалистическое право, археология, общественное здравоохранение, а также в работе с кадрами партии и правительства. Это свидетельствует о широком использовании данного слова в качестве перевода для «人才».

Исходя из представленных выше определений, слово «кадры» в русском словаре имеет определённые политические коннотации,

указывая на «подготовленных коммунистических лидеров и членов этой группы». В переводе книги Си Цзиньпина «О государственном управлении IV» подход к использованию слова кадры точно соответствует этому. В данном переводе слово кадры в значении «人才» относится, прежде всего, к отечественным талантам Китая, особенно тем, которые связаны с идеями и политикой партии и правительства. Например: «坚持党对人才工作的全面领导, 这是做好人才工作的根本保证。千秋基业, 人才为本, 党管人才就是党要领导» (источник: «全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措»). Это переводится на русский язык как: «Во-первых, необходимо придерживаться всестороннего руководства партии над работой в сфере кадров. Это основная гарантия для налаживания качественной работы в данной области. Основой для реализации и развития великого дела является потенциал кадров». Есть также другие примеры, но из-за ограниченности объёма они не приводятся. В целом можно сказать, что при переводе слова «кадры» на китайский язык более акцентируется идеология кадров, связанных с партией, особенно в области вооружённых сил, политики и образования, и слово кадры представляет собой перевод слова «人才».

С точки зрения транслитерации, использование слова кадры для передачи значения «人才» более сильно акцентирует центральные значения партии и государства. В текстах, где используется слово кадры, уделяется основное внимание автономности кадров: их автономному обучению и использованию. В отношении иностранных специалистов и китайских специалистов, получивших образование за границей, в книге Си Цзиньпина «О государственном управлении IV» чаще используется слово «специалист».

Слово специалист отличается от слова кадры менее сильной политической окраской, а также более высокой профессиональной специализацией. При более внимательном рассмотрении контекста в книге Си Цзиньпина «О государственном управлении IV», слово специалист используется для обозначения высококвалифицированных людей в области профессиональной техники, особенно в области высоких технологий, и в таких случаях тема чаще всего связана с городами первого порядка. Например: 1) «国际一流的科技领军人才» (источник: «构建新发展格局、重塑新竞争优势»), переводится как «ведущих специалистов первоклассного международного уровня в научно-технической сфере»; 2) «吸引海内外人才» (источник: «构建新发展格局、重塑新竞争优势»), переводится как «привлекать китайских и зарубежных высококвалифицированных специалистов»; 3) «要在一体化发展战略实施的过程中发现人才、培育人才、

使用人才» (источник: «构建新发展格局、重塑新竞争优势»), переводится как «Надо искать и привлекать высококвалифицированных специалистов, готовить таких специалистов и задействовать их в процессе реализации стратегии интеграционного развития». 4) «为培养更多杰出人才作出贡献» (источник: «努力实现高水平科技自立自强»), переводится как «внести вклад в подготовку большего числа выдающихся научных кадров и специалистов».

По сравнению со словом специалист, слово профессионал имеет более широкий диапазон для определения «人才». Например:

1) «把广大党员部和各方面人才有效组织起来» (источник: «努力实现高水平科技自立自强»), переводится как «эффективно организовывать широкие круги членов партии, кадровых работников и профессионалов различных профилей»;

2) «着力把党内和党外、国内和国外各方面优秀人才集聚到党和人民的伟大奋斗中来» (источник: «习近平谈治国理政·第四卷·全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措»), переводится как «сконцентрировать все силы выдающихся профессионалов различного профиля, находящихся как в партии, так и вне её, как в Китае, так и за рубежом, для участия в великой борьбе партии и народа»;

3) «精准引进急需缺人才» (источник: «全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措»), переводится как «привлекать профессионалов, которых не хватает в стране».

Перевод слова «人才» как «профессионал» в контексте текста главным образом не делает строгого разграничения по конкретному типу талантов, а также не различает внутренних или иностранных профессионалов, работающих на благо Отечества или приезжающих в Китай ради богатства. Вместо этого часто используются различные прилагательные для описания разнообразных квалификаций, таких как разного профиля и т.д.

В данном тексте слово «талант» в качестве перевода слова «人才» встречается всего три раза, в остальных случаях оно используется в значении талант. На глубоком уровне слово талант близко к значению слова специалист и означает человека с высоким профессиональным уровнем. Например:

1) «坚持营造识才爱才敬才用才的环境» (источник: «全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措»), переводится как «неуклонно создавать благоприятную среду, обеспечивающую распознавание талантов», но в последующем описании «таланта» в этом контексте указывает на человека, преданным исследованию своей профессии.

2) «加快建设世界重要人才中心和创新高地» (источник: «全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措»), переводится как «ускорять темпы построения важного мирового центра талантов и инновационных высот».

3) «人才强国» (источник: «全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措全面贯彻新时代人才工作新理念新战略新举措»), переводится как «держава талантов».

В других случаях также используется его прилагательная форма «талантливый» для описания людей в значении «人才».

В данном тексте есть одно предложение с дополнительным элементом (приложением), которое встречается всего один раз: «拥有1亿多市场主体和1.7亿多受过高等教育或拥有各类专业技能的人才» (источник: «努力在危机中育新机、于变局中开新局»). По-русски это предложение можно перевести как: «В стране человек с высшим образованием или обладающих различными профессиональными навыками». Здесь употребляется общий термин для «人才», без перевода слова «人才» как специалиста или таланта на русский язык, а как «человек с какими навыками». «受过高等教育的人才» и «拥有各类专业技能的人才» здесь разные люди, надо соответственно переводятся как специалист с высшим образованием и профессионал с разными специальными навыками. Таким образом, при использовании обоих типов «人才», Коммунистическая партия Китая подчёркивает, что оба типа сначала являются обычными людьми, а затем уже становятся специалистами. Это передаёт знание о том, что Китай уважает и ценит разнообразных специалистов в различных областях.

5. Заключение

В Докладе XX съезда Коммунистической партии Китая подчёркивается, что, наука и технология — это первая производительная сила, а человеческий капитал — первый ресурс, а также что инновации — первая движущая сила. Настоятельно реализовывать стратегию развития образования и науки, стратегию создания сильного человеческого капитала и стратегию развития, основанного на инновациях, и открывать новые области развития и новые пути развития, непрерывно формируя новые двигатели развития и новые преимущества развития. В книге Си Цзиньпина «О государственном управлении IV», в отношении перевода термина «人才» (talent) в различных контекстах и текстах, сделаны тщательные выборы. С одной стороны, это отражает внимание

Коммунистической партии Китая к национальным и даже глобальным кадровым работам и передаёт в мир идею Китая о «ценности таланта, защите таланта, уважении таланта и равенстве таланта». С другой стороны, это также демонстрирует проявление требований в отношении спроса на кадры в условиях регионального кластера Китая в размере 9,6 миллиона квадратных километров: в дельте реки Чжуцзян, Янцзы и в северо-западных районах Китая, таких как развитие специалистов в области Интернета, финансов, высоких технологий и других сферах, а также на северо-востоке и северо-западе Китая, таких как промышленность, авиация, космонавтика, железо и сталь, сельское хозяйство и другие сферы. Некоторые кадры требуют образования высшего уровня, но некоторые требуют многолетнего опыта практической работы, таких как курьеры или ремесленники. Китай обладает талантами во всех отраслях, и явление концентрации талантов явно выражено. Различные переводы термина «人才» (talent) также отражают многообразие структуры китайской промышленности и обеспечивают «карту трудоустройства» для иностранных талантов, которые хотят найти рабочие места и использовать свои навыки в Китае. На восточной и южной частях Китая, «人才» переводится как специалист, на северной и западной частях, «人才» переводится как персонал, человек с высокими навыками. В партийных государственных делах, «人才» переводится как кадры. Антонио Гидденс в своем труде «Нация-государство и насилие» (“Nations and Nationalism and Violence”, Anthony Giddens, 1998: 254) утверждает, что развитие государства неизбежно соотносится с формированием стиля речи, и стиль речи конструктивно формирует власть государства. Развитие Китая как государства и представление его кадровыми идеями при внешнем переводе обозначает «право на речь» Китая в области кадровых дел.

Список литературы

Антони Джидденс. «Нация — государство и насилие». М.: Издательство «Тройное объединение», 1998. С. 254.

Джин Руг. Исследование ранних русских переводов «Записи из лодки в малую холодную пищу» с точки зрения транснационализма // Современные иностранные исследования, 2023. № 2. С. 58–66.

Иванян Э.А. «Политика. Оксфордский словарь». М.: ДиректМедиа Пабблишинг, Весь Мир, 2005. 6240 с.

Лин Фэн, Юэ Фэн. Анализ индексирования «Йи Цзин» на основе Транснационализма // Современные иностранные исследования, 2023. № 2. С. 49–57.

Ли Чжуаньчжуань, Рэн Вэн. Культурный ретроспективный перевод и обратное питание знаний с точки зрения Трансзнаниеведения — на примере ретроспективного перевода “amateur painters” в китайской истории живописи от Гао Цзюоханя // Современные иностранные исследования, 2023. № 6. С. 46–54.

Мишель Фуко: «Подчинение и наказание» / перевод Лю Бэйчэн, Ян Юаньин. Издательство «Жизнь, книги, новые знания», 2012.

Лян Линсин, Ванг Ди. Роли и функции переводчика в переводческой перспективе знания // Современные иностранные исследования, 2023. № 2. С. 40–48.

Ли Руйлин. Знаниеведение Трансзнаниеведения // Современные иностранные исследования, 2022. № 1. С. 47–59+161.

Мао Пэн. Перевод и введение знаний о «вирусах» в эпоху конца Цинской династии и Республики Китай: взгляд с позиции теории трансзнаниеведения // Современные иностранные исследования, 2022. № 4. С. 22–32+45.

Пань Суйчен. Знание и познание переводчика в знании перевода // Современные иностранные исследования, 2022. № 1. С. 72–82.

Пань Янян. Интерпретация трансзнаниеведения и связь с когнитивной переводческой лингвистикой // Современные иностранные исследования, 2022. № 5. С. 31–39.

Сю Цзюньи. Анализ теории власти Фуко // Письменные материалы, 2010. № 35. С. 118–120.

Си Цзиньпин. Государственное управление Си Цзиньпина (Часть 4) [М]. Пекин: Издательство иностранной литературы, 2022.

Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении IV [М]. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2023.

Тин Цзянхуа. Перевод и знание, производство, управление и преобразование // Современные иностранные исследования, 2022. № 1. С. 60–71.

Цуй Линсяо, Ли Шухуа. Интерпретация переводчика в переводческом обучении с использованием иностранного языка // Иностранный электронный учебник, 2023. № 2. С. 71–81+94+116.

Чен Кайю. Три причины принудительной интерпретации в трансзнаниеведении // Юго-Восточные академические записи, 2023. № 3. С. 106–113.

Чэнь Далиан, Лан Хунцзун. Метарефлексия о трансзнаниеведении // Современные иностранные исследования, 2022. № 2. С. 45–57.

Чжан Шэнсян. Исследование перевода на основе знаний и преобразование знаний // Современные иностранные исследования, 2022. № 2. С. 58–67.

Чжан Чэн. Исследование устного образования с точки зрения трансзнаниеведения: парадигма и путь // Современные иностранные исследования, 2022. № 6. С. 30–36+45.

Ян Фэн. Заявление о Трансзнаниеведении // Современные иностранные исследования, 2021. № 5. С. 2–2+27.

Ян Чэнжи, Ян Фэн. Источники знаний в Трансзнаниеведении // Современные иностранные исследования, 2022. № 6. С. 39–43.

References

- Anthony Giddens.* (1998) *Minzu, guojia yu baoli* = “Nation-State and Violence”, Joint Publishing, 1998 edition, 254 p. (In English).
- [法]米歇尔·福柯(2012), 刘北成、杨远婴译. 《规训与惩罚》[M]. 北京:生活·读书·新知三联书店2012年版, pp. 29.
- Michel Foucault.* (2012) *Guixun yu chengfa* = Discipline and Punishment [M]. Beijing: Life·Reading·New Knowledge Joint Publishing, p. 29 (In Chinese).
- 陈开举(2023)(03). 知识翻译学视域下强制阐释的三个动因[J]. 东南学术, pp. 106–113.
- Chen Kaiju.* (2023) *Zhishifanyixue shuyuxia qiangzhichanshi de sangedongyin* = Three Motives of Compulsory Interpretation from the Perspective of Transknowletology [J]. *Southeast Academic.* No. 3, pp. 106–113 (In Chinese).
- 陈大亮 (2022)(02). 关于知识翻译学的元反思 [J]. 当代外语研究, pp. 45–57.
- Chen Daliang.* (2021) *Guanyu zhishifanyixue de yuanfansi* = A meta-reflection on Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies.* No. 2, pp. 45–57 (In Chinese).
- 崔凌霄 李淑华(2023)(02). 译者主体性的知识翻译学阐释 [J]. 外语电化教学, pp. 71–81+94+166.
- Cui Lingxiao, Li Shuhua.* (2023) *Yizhe zhuticxing de zhishifanyixue chanshi* = Interpretation of Translator’s Subjectivity in Translatology [J]. *Foreign Language Audio-visual Teaching.* No. 2, pp. 71–81+94+116 (In Chinese).
- Ivanyan E.A.* (2005) *Politika. Oksfordskiy slovar* = politics. Oxford Dictionary. Ivanyan E.A. Moscow: DirectMedia Publishing, Whole World. 6240 p. (In Russian).
- 敬如歌 (2023)(02). 知识翻译学视阈下的《小寒食舟中作》早期俄译研究 [J]. 当代外语研究, pp. 58–66.
- Jing Ruge.* (2023) *Zhishifanyixue shiyuxia de xiaohanzhizhouzhongzuo zaoqieyi yanjiu* = Research on the Early Russian Translation of “Xiaohan Shizhou Zhongzuo” from the Perspective of Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies.* No. 2, pp. 58–66 (In Chinese).
- 林风 岳峰 (2023)(02). 基于知识翻译学的《易经》索引法分析 [J]. 当代外语研究, pp. 49–57.
- Lin Feng, Yue Feng.* (2023) *Jiyu zhishifanyixue de yijing suoyinfa fenxi* = An Analysis of the Indexing Method of “Book of Changes” Based on Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies.* No. 2, pp. 49–57 (In Chinese).
- 李娟娟 任文 (2022)(06). 知识翻译学视角下的文化回译与知识反哺——以高居翰中国绘画史著述中 amateur painters 的回译为例 [J]. 当代外语研究, pp. 46–54.
- Li Juanjuan, Ren Wen.* (2022) *Zhishifanyixue zhijiaoxia de wenhuahuiyi yu zhishifanbu* = Cultural back-translation and knowledge back-feeding from the perspective of Transknowletology — Taking the back-translation of amateur painters in Gao Juhan’s Chinese painting history as an example [J]. *Contemporary Foreign Language Studies.* No. 6, pp. 46–54 (In Chinese).

梁林歆 王迪 (2023)(02). 知识翻译学视域下译者的立体性角色及作用探析 [J]. 当代外语研究, pp. 40–48.

Liang Linxin, Wang Di. (2023) Zhishifanyixue shiyuxia yizhe de litixingjue-sezuoyong tanxi = An Analysis of the Three-Dimensional Role and Function of the Translator from the Perspective of Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Lang-uage Studies*. No. 2, pp. 40–48 (In Chinese).

李瑞林 (2022) (01). 知识翻译学的知识论阐释 [J]. 当代外语研究, pp. 47–59+161.

Li Ruilin. (2022) Zhishifanyixue de zhishilun chanshi = An Epistemological Interpretation of Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 1, pp. 47–59+161 (In Chinese).

缪蓬. (2022)(04). 晚清民国“病毒”知识的翻译与引介: 知识翻译学视角 [J]. 当代外语研究, pp. 22–32+45.

Miao Peng. (2022) Wanqingminguo bingdu zhishide fanyi yu yinjie: zhishifanyixue shijiao = Translation and Introduction of “Virus” Knowledge in Late Qing and the Republic of China: A Perspective from Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 4, pp. 22–23+45 (In Chinese).

潘艳艳 (2022)(05). 知识翻译学与认知翻译学的关系阐释 [J]. 当代外语研究, pp. 31–39.

Pan Yanyan. (2022) Zhishifanyixue yu renzhifanyixue de guanxi chanshi = Interpretation of the Relationship between Transknowletology and Cognitive Translatology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 5, pp. 31–39 (In Chinese).

庞秀成 (2022)(01). 知识翻译学的译者个体知识与求知模式 [J]. 当代外语研究, pp. 72–82.

Pang Xiucheng. (2022) Zhishifanyixue de yizhe geti zhishi yu qiuzhimotai = The translator's individual knowledge and knowledge-seeking modes of Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 1, pp. 72–82 (In Chinese).

覃江华 (2022)(01). 翻译与知识生产、管理和转化—知识翻译学刍议 [J]. 当代外语研究, pp. 60–71.

Qin Jianghua. (2022) Fanyi yu zhishishengchan, guanli he zhuanhua = Translation and Knowledge Production, Management and Transformation — A Discussion on

Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 1, pp. 60–71 (In Chinese).

徐军义. (2010)(12) 福柯的话语权力理论分析 [J]. 文教资料, pp. 119.

Xu Junyi. (2022) Fuke de quanlihuayulilun fenxi = Analysis of Foucault's Discourse PowerTheory [J]. *Cultural and Educational Materials*. No. 12, pp. 119 (In Chinese).

习近平 (2022). 习近平谈治国理政 (第四卷) [M]. 北京: 外文出版社.

Xi Jinping. (2022) Xi jinping tan zhiguolizheng disijuan = Xi Jinping on Governance (Volume Four) [M]. Beijing: *Foreign Languages Publishing House* (In Chinese).

Xi Jinping. (2023) Xi jinping tan zhi guo li zheng = Xi Jinping on Governance (Volume Four) [M]. Beijing: *Foreign Languages Publishing House* (In Russian).

杨枫 (2021)(05). 知识翻译学宣言 [J]. 当代外语研究, pp. 2-2+27.

Yang Feng. (2021) Zhishifanyixue xuanyan = Manifesto of Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 5, pp. 2-2+27 (In Chinese).

严程极 杨枫 (2022)(06). 知识翻译学的知识渊源 [J]. 当代外语研究, pp. 39-43.

Yan Chengji and Yang Feng. (2022) zhishifanyixue de zhishiyuanyuan = Knowledge Origin of Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 6, pp. 39-43 (In Chinese).

张生祥 (2022)(02). 基于知识翻译学的翻译研究与知识转化 [J]. 当代外语研究, pp. 58-67.

Zhang Shengxiang. (2022) Jiyuzhishifanyixue de fanyiyanjia yu zhishizhuanhua = Translation Studies and Knowledge Transformation Based on Transknowletology [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 2, pp. 58-67 (In Chinese).

詹成 (2022)(06). 知识翻译学视阈下的口述影像研究: 范式与路径 [J]. 当代外语研究, pp. 30-36+45.

Zhan Cheng. (2022) Zhishifanyixue shiyuxiade koushuyingximag yanjiu = Research on Audio-Description under the Perspective of Transknowletology: Paradigms and Paths [J]. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 06, pp. 30-36+45 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ван До — доктор русского языка и русской литературы, Даляньский университет иностранных языков, 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; duflduo1998@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Wang Duo — Ph.D candidate at the Northeast Asia Research Center of Dalian University of foreign languages, 116044, China, No. 6, West Section of Lushun South Road, Lushunkou District, Dalian City, Liaoning Province; duflduo1998@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ХРОНИКА

УДК: 80

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-125-130

ХІІІ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА»

Зигмантович Дарья Сергеевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: dashazigmantovich@mail.ru

13TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE REFLECTED IN TRANSLATION

Daria S. Zigmantovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: dashazigmantovich@mail.ru

С 20 по 23 апреля 2023 года в пансионате «Университетский» (г. Звенигород, Московская область) состоялась XIII Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода», посвящённая 200-летию со дня рождения русского писателя А.Н. Островского и приуроченная к 270-летию Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Организаторами конференции выступили Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Российская академия образования.

© Зигмантович Д.С., 2023

© Zigmantovich D.S., 2023

Каким был Александр Николаевич Островский как драматург и переводчик? Какую роль играл и играет до сих пор русский язык в мире науки и образования? С какими основными вызовами сегодня сталкиваются преподаватели русского языка и иностранного? Какие вопросы необходимо учитывать при подготовке устных и письменных переводчиков? Как сформировать «переводчика цифровой эпохи»? Как культуры взаимодействуют в условиях межкультурной коммуникации? Как русская культура представлена в мировом культурном пространстве? Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» традиционно выступила площадкой для поиска ответов на эти и многие другие вопросы, а также для обмена мнениями и опытом.

Участники конференции (учёные, практикующие переводчики, преподаватели и аспиранты) обсудили такие важные темы, как дидактика перевода, противостояние vs сотрудничество человека и машины в эпоху бурного развития искусственного интеллекта, взаимодействие культур и особенности межкультурной коммуникации, роль русского языка как языка межнационального общения.

Международная научная конференция собрала более 100 участников — докладчиков и слушателей — специалистов в области теории, практики и дидактики перевода, лингвистики, межкультурной коммуникации, преподавания РКИ. В конференции приняли участие специалисты из ряда стран — Австрии, Болгарии, Греции, Испании, Киргизии, Китая, Объединённых Арабских Эмиратов, Пакистана, Таджикистана. Участники конференции также представляли учебные заведения и научно-исследовательские центры различных городов Российской Федерации: Армавира, Воронежа, Иркутска, Москвы, Нальчика, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Саранска.

В этом году, как и в прошлом, конференция состоялась в гибридном формате: научные доклады были представлены как в традиционном очном формате, так и в дистанционном режиме.

Работу конференции открыл председатель организационного комитета, директор Высшей школы перевода (факультета), академик Российской академии образования, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Н.К. Гарбовский. В приветственном обращении он кратко рассказал участникам конференции об истории проведения предыдущих мероприятий и выразил надежду на плодотворную работу в нынешнем году.

Академик РАО Н.К. Гарбовский выступил в рамках первого пленарного заседания. Он представил доклад «Театр перевода»,

в котором подчеркнул, что переводческая деятельность нередко сравнивается с исполнительским искусством. Он провёл аналогию между театром и переводом, отметив, что театр — это прежде всего множественные связи со зрителем, в то время как перевод — это контакт с читателем переводного речевого произведения.

Конференцию продолжил пленарный доклад германского, австрийского русско- и немецкоязычного поэта и переводчика, преподавателя Высшей школы перевода (факультета) А.А. Ницберга «“От этих слов протягиваю нить...” Поэзия в переводе». Профессиональный чтец, чей труд отмечен рядом международных премий, рассказал участникам конференции об особенностях перевода поэтических трудов и тех сложностях, с которыми он сам сталкивался и сталкивается в своей переводческой деятельности. А.А. Ницберг прочитал наизусть несколько стихотворений на русском языке и свои переводы на немецкий.

Все пленарные доклады вызвали оживлённую дискуссию и заинтересовали всех участников научного мероприятия. Работу конференции продолжили заседания в рамках секций, организованных по предварительно определённым направлениям.

Центральной на конференции стала научная секция «К 200-летию А.Н. Островского». Докладчики, представляющие Высшую школу перевода (факультет) и факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, в своих выступлениях описали Александра Николаевича Островского как личность многогранную, поскольку он был не только выдающимся драматургом, творчество которого обусловило дальнейшее формирование русского национального театра, но и переводчиком. Он создал порядка сорока переводов и переделок с различных языков: английского, испанского, итальянского, латинского, украинского и французского. В рамках работы научной секции участники конференции узнали о том, как в творчестве драматурга воплощены объединяющие идеи русской культуры; каким образом «переводы» его пьес на язык советского кинематографа воспринимаются китайскоязычными студентами; что отличало А.Н. Островского как переводчика; в каком переводе читают его пьесы представители других культур.

В рамках конференции также работали и другие научные секции: «Русский язык: язык науки и образования»; «Традиции и инновации в современных концепциях обучения иностранному языку»; «Теория, методология и дидактика перевода»; «Вопросы взаимодействия культур в межкультурной коммуникации»; « Когнитив-

ный подход в лингвистике и науке о переводе»; «Русская культура в мировом культурном пространстве»; «Перевод как вектор научных знаний и культурных ценностей». Доклады, представленные в рамках перечисленных выше секций, каждый раз завершались широкими дискуссиями, что подтверждает актуальность и своевременность поднятых во время работы конференции проблем и вопросов.

Модераторами работы научных секций выступили учёные и преподаватели Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова: академик РАО Николай Константинович Гарбовский, профессор Лариса Александровна Манерко, доцент Юлия Николаевна Кольцова, доцент Ольга Игоревна Костикова, доцент Марина Викторовна Кульгавчук, доцент Оксана Ивановна Лыткина, доцент Елена Михайловна Мешкова, доцент Евгений Георгиевич Торсуков, старший преподаватель Мария Владимировна Басова, старший преподаватель Светлана Андреевна Жгунёва, старший преподаватель Галина Михайловна Литвинова, преподаватель Валентина Васильевна Бондаренко. Модераторами были и гости конференции: профессор Елена Альбертовна Алексеева (Воронежский государственный университет), профессор Вера Евгеньевна Горшкова (Иркутский государственный университет), доцент Наталия Викторовна Пушкарёва (Санкт-Петербургский государственный университет).

Театральная студия «Метаморфозы» Высшей школы перевода (факультета) представила литературно-музыкальную композицию «Любите ли вы театр, как любим его мы?», приуроченную к 10-летию существования театральной студии. Зрители увидели номера из спектаклей различных лет, которые готовились и показывались участниками Театральной студии на различных зарубежных и отечественных мероприятиях и площадках: европейский студенческий фестиваль «Друзья! Прекрасен наш союз!» (2015–2017 гг., г. Варна, Болгария); Международный научно-образовательный форум «Языки. Культуры. Перевод» (г. Комотини, Греция, 2021 г.; г. Звенигород, Россия, 2022 г.); Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» (г. Афины, Греция, 2017 г.; г. Звенигород, Россия, 2022 г.); Международная книжная ярмарка (г. Салоники, Греция, 2019 г.); Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия, 2017–2023 г.); Фракийский университет имени Демокрита (г. Комотини, Греция, 2019 г.); Панъевропейский университет Апейрон (г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина, Республика Сербская, 2019 г.); центр Москов-

ское долголетие в Южном Бутове (г. Москва, Россия, 2022, 2023 гг.). Театральная студия «Метаморфозы» представила на сцене отрывки из спектаклей «Волшебный мир А.С. Пушкина», «Я сердцем никогда не лгу» (посвящённый жизни и творчеству С. Есенина); «Перевод: ремесло, искусство, жизнь...»; «Детство и юность в огне» (посвящённый Дню Победы); номера из спектаклей, приуроченных к Году литературы в России и Году российского кино.

За дни работы секций докладчики и слушатели из разных городов мира обменялись мнениями о творчестве А.Н. Островского; поделились наблюдениями и размышлениями относительно прошлого, настоящего и будущего переводческой деятельности; рассмотрели историю и современное состояние русского языка, проблемы обучения русскому языку как иностранному и как родному; обсудили судьбы произведений русской литературы в мировом культурном пространстве; подняли актуальные вопросы методики перевода в современных условиях.

Итоги работы конференции подвели председатель организационного комитета, директор Высшей школы перевода (факультета) академик Российской академии образования Н.К. Гарбовский, заместитель председателя организационного комитета, доцент О.И. Костикова, а также модераторы научных секций. Они отметили широкую проблематику докладов, с которыми выступали начинающие и опытные исследователи, а также большой интерес всех участников конференции к актуальным вопросам, поднятым в выступлениях. Председатель организационного комитета Н.К. Гарбовский выразил благодарность всем докладчикам и участникам конференции за интерес, неизменно проявляемый к данному мероприятию, а также поблагодарил всех членов организационного комитета за подготовку конференции: заместителей председателя оргкомитета доцента М.Н. Есакову и доцента О.И. Костикову, членов организационного комитета О.С. Каналину (Российская академия образования), М.В. Басову, Д.С. Зигмантович, К.Н. Ковалеву, С.Е. Котову, Е.Д. Леоненкову, В.Л. Литаренко, А.Л. Пака, В.Л. Попову и А.И. Селезневу (Высшая школа перевода).

Также на торжественном закрытии конференции выступили профессор Е.А. Алексеева (Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия); профессор В.Е. Горшкова (Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия); профессор Х.Д. Шамбезода (Российско-таджикский (славянский) университет, г. Душанбе, Таджикистан); доцент М.Е. Коровкина (Московский государственный институт международных отношений (Универ-

ситет), г. Москва, Россия); доцент Е.М. Мешкова (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия). Они выразили глубокую благодарность организаторам и участникам конференции и подчеркнули, что ежегодная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» является важным научным мероприятием и для преподавателей, и для переводчиков, и для филологов, и для лингвистов, и для всех тех, кому дороги русская культура и русский язык, и выразили надежду на встречу в будущем году на XIV Международной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода».

ХРОНИКА

УДК 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-131-133

**ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА
НА ЮБИЛЕЙНОЙ XXX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ЛОМОНОСОВ» В ВЫСШЕЙ
ШКОЛЕ ПЕРЕВОДА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

**Анисия Вячеславовна Алевич, Игорь Николаевич Воложанин,
Александра Анатольевна Воюцкая, Дарья Сергеевна Зигмантович,
Елена Михайловна Мешкова**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: anisialevich@yandex.ru; voligor@list.ru; vaniteuse@inbox.ru;
dashazigmantovich@mail.ru; yemeshkova@mail.ru

**THEORY, HISTORY AND METHODOLOGY OF
TRANSLATION AT THE 30TH JUBILEE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCE OF STUDENTS,
POSTGRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS AT HIGHER
SCHOOL FOR TRANSLATION AND INTERPRETING,
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY**

**Anisiya V. Alevich, Igor' N. Volozhanin, Aleksandra A. Voyuckaya,
Dar'ya S. Zigmantovich, Elena M. Meshkova**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: anisialevich@yandex.ru; voligor@list.ru; vaniteuse@inbox.ru;
dashazigmantovich@mail.ru; yemeshkova@mail.ru

12 апреля 2023 года состоялось заседание секции «Теория, история и методология перевода» на юбилейной XXX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных

© Алевич А.В., Воложанин И.Н., Воюцкая А.А., Зигмантович Д.С., Мешкова Е.М., 2023

© Alevich A.V., Volozhanin I.N., Voyutskaya A.A., Zigmantovich D.S., Meshkova E.M., 2023

«Ломоносов» в Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова.

Конференция организована в рамках Международного научного молодёжного форума «Ломоносов-2023» Студенческим союзом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и подразделениями-участниками; она проходит в преддверии празднований 270-летия Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Заседания секции открывались приветственным словом к участникам конференции Председателя Оргкомитета и экспертного совета секции, директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, академика Российской академии образования Николая Константиновича Гарбовского.

Работа секции в этом году была организована по следующим направлениям:

- Общая теория, история и дидактика перевода (подсекция 1),
- Методология перевода. Цифровые технологии в переводе (подсекция 2),
- Художественный перевод: методы и критика (подсекция 3),
- Сравнительная лингвистика и дискурсология (подсекция 4).

В рамках работы подсекции 1 «Общая теория, история и дидактика перевода» было заслушано восемь докладов, посвящённых различным аспектам многогранной переводческой деятельности. В докладах участников получили освещение такие важные для теории, истории и дидактики перевода вопросы, как использование видеоигр-симуляторов на занятиях по научно-техническому переводу, особенности перевода Корана, необходимость создания и пересмотра переводов Нового Завета, роль дипломатического перевода, основные характеристики и становление экологической модели перевода в Китае, эволюция устного синхронного перевода, а также использование переводческих комментариев как одного из возможных инструментов переводчика.

Члены экспертного совета особо отметили доклад Станислава Игоревича Арищенко «Возможности использования материалов видеоигр жанра симулятор на занятиях по научно-техническому переводу» (Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова) и доклад Алексея Андреевича Изотова «О необходимости создания и пересмотра новозаветных переводов на основе данных современной текстологии Нового Завета» (Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова).

В ходе заседания подсекции «Методология перевода. Цифровые технологии в переводе» были заслушаны доклады участников из разных городов России (Кемерово, Нижний Новгород, Пермь, Саранск, Тюмень, Челябинск) и Китая (Пекин). Все доклады вызвали живой интерес у жюри и участников конференции.

В работе подсекции «Художественный перевод: методы и критика» приняли участие студенты и аспиранты, представляющие Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Донецкий национальный университет и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. В докладах участников получили освещение особенности перевода классических произведений Э.М. Ремарка, Сильвии Плат, А.П. Чехова, М. Пруста, М. Цветаевой и Л.Н. Толстого. Члены экспертного совета высоко оценили представленные доклады, отметили актуальность тем научных исследований и пожелали участникам конференции дальнейших успехов в научной работе.

В работе Подсекции 4 приняло участие около 30 аспирантов и студентов Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. Были заслушаны и обсуждены 10 научных докладов, большая часть которых подготовлена китайскими аспирантами и магистрами. По мнению экспертного совета, практически все доклады отличались достаточно высоким научным уровнем, а представленные в них проблемы и идеи были с интересом восприняты аудиторией.

Заключительным этапом стало подведение итогов работы секции, на котором было отмечено существенное расширение географии участников конференции по сравнению с прошлым годом, общий высокий уровень представленных докладов. Организаторы выразили надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество, вручили сертификаты участникам и грамоты лучшим докладчикам секции, пожелали успехов в научной работе и пригласили участников на следующую конференцию «Ломоносов».

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2023 В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПЕРЕВОДА МГУ

5 апреля 2023 года состоялось заседание секции «Теория и методология перевода» в рамках ежегодной научной конференции Московского университета «Ломоносовские чтения».

Работа секции, приуроченной к празднованиям 270-летия Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, прошла в очном формате, было заслушано 6 докладов.

Открыл заседание директор Высшей школы перевода МГУ академик РАО Николай Константинович Гарбовский. Во вступительном слове он кратко подвёл итоги научной деятельности факультета за 2022 год и обсудил основные её результаты с участниками конференции — профессорами, преподавателями и аспирантами факультета.

В своём научном докладе профессор Н.К. Гарбовский обратился к эпистемологии научного знания о переводе, определив основные вехи развития теории перевода в XX веке и подробно остановившись на ключевых дискуссиях, формировавших вектор парадигм в науке о переводе.

В докладе профессора Наталии Ивановны Голубевой-Монаткиной были показаны фундаментальные различия между лексикографическими традициями составления лингвистических словарей в России и в Китае. Представлены результаты исследований, осуществляемых под руководством профессора Н.И. Голубевой-Монаткиной в рамках одного из приоритетных направлений научной деятельности факультета «Терминология научных дисциплин и специальностей, многоязычная лексикография».

Доклад профессора Надежды Николаевны Мироновой был посвящён вопросам контрастивного анализа дискурса при переводе в контексте междисциплинарного подхода к научным исследованиям в области теории перевода, сопоставительной лингвистики и курсологии.

Аксиология переводческой деятельности оказалась в центре внимания заместителя директора Высшей школы перевода МГУ доцента Ольги Игоревны Костиковой. Подчеркнув особую роль

аксиологического подхода в современных научных исследованиях, О.И. Костикова сконцентрировалась на возможностях системного изучения формирования и функционирования в общественном сознании ценностных доминант в отношении переводческой деятельности в русле трансдисциплинарной парадигмы науки о переводе.

В докладе кандидата филологических наук преподавателя Александры Анатольевны Воюцкой был подведён итог исследовательской работы по рассмотрению природы неопределённости как основной категории теории и методологии перевода. А.А. Воюцкая сформулировала методические рекомендации преподавателям перевода для обучения студентов стратегиям преодоления и редуцирования неопределённости, а также описала возможные направления дальнейших исследований, фокусирующихся на личности переводчика, действующего в условиях неопределённости.

Доклад кандидата филологических наук преподавателя Дарьи Сергеевны Зигмантович строился на основе обзора российских научных публикаций по теории, истории и методологии устного синхронного перевода за период 2018–2023 гг. Д.С. Зигмантович проследила развитие научных школ российских университетов, фокусирующихся на процессориентированных исследованиях устного перевода и выявила два ключевых направления, в которых ведутся современные разработки: способы речевой компрессии в процессе синхронного перевода и влияние стрессогенных факторов на перевод.

Доклады вызвали интерес участников заседания. Вопросы к докладчикам свидетельствовали об актуальности тематики докладов для развития теории и совершенствования практики перевода, а также для подготовки специалистов соответствующего профиля.

В завершение работы секции профессор Н.К. Гарбовский подвёл краткие итоги заседания, поблагодарил докладчиков и слушателей за активное внимание к проблемам, которые стоят в настоящее время перед наукой о переводе и практикой переводческой деятельности.

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *В. Н. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус,
к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 20.12.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 70 экз. Изд. № 12374. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru